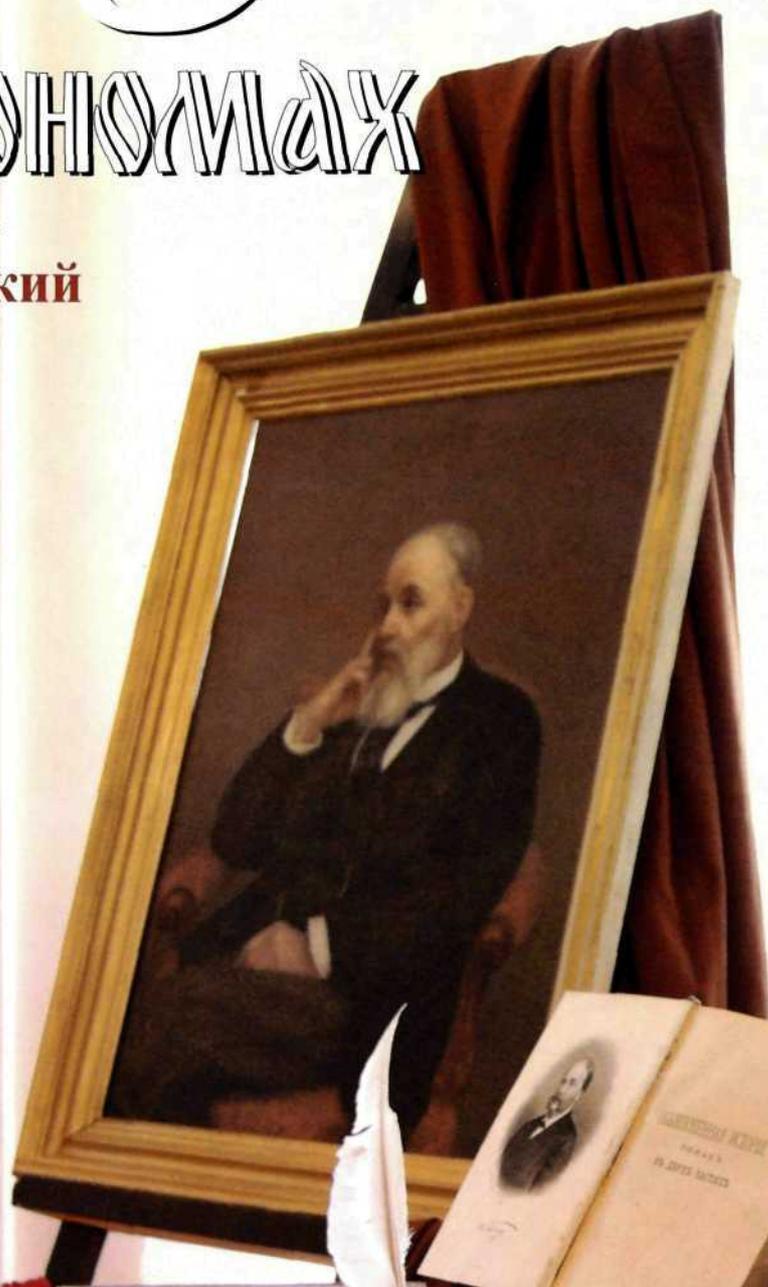

С пользою для Отечества
№ 2 (69) 2012

Мономах

Краеведческий
журнал

Дорогие читатели!

Нынешним летом мы с вами отпразднуем знаменательное событие – двухсотлетие со дня рождения нашего выдающегося земляка, писателя Ивана Александровича Гончарова.

Разумеется, «Мономах» не мог остаться в стороне. Номер, который вы держите в руках, в значительной степени посвящён юбилею великого русского романиста. Журнал проведёт вас по гончаровским местам нашего города, расскажет об их истории. Например, о том, когда и как возникла идея строительства одного из красивейших зданий Симбирска-Ульяновска – Дома-памятника И.А. Гончарову на Венце. Оказывается, сто лет назад необходимость его возведения была очевидна далеко не всем, у идеи существовали весьма влиятельные противники, и сегодня на этом месте могло бы красоваться нечто совсем другое.

Узнаете вы и о том, что было прежде там, где сейчас стоит дом Гончарова, как и когда это здание приобрело современный вид, а также мы раскроем перед вами некоторые тайны старинных часов, установленных на этом доме, и кое-какие секреты «секретного» памятника писателю, что находится сейчас в сквере на углу улиц Ленина и Гончарова.

В рубрике «Вот эта улица» вы найдёте подборку материалов, связанных с историей главной улицы нашего города, носящей имя писателя, а с помощью «машины времени», которой, без сомнения, являются старые газеты, погрузитесь в праздничную атмосферу Симбирска столетней давности, как раз в те дни, когда симбиряне отмечали столетие со дня рождения своего великого земляка.

Надеемся, что каждый из вас найдёт в этом номере что-то для себя интересное и узнает что-то новое.

А в заключение ещё раз напоминаем: со второго полугодия «Мономах» будет выходить чаще, и за шесть месяцев подписчики получают не два номера, как раньше, а три.

Кстати, подписка на второе полугодие уже началась. Стоимость полугодового комплекта (3 номера) через почту с доставкой – 189 рублей, одного номера – 63 рублей.

Через абонентский ящик соответственно – 185 рублей 55 копеек и 61 рубль 85 копеек.

Но можно и сэкономить, подписавшись прямо в редакции. В этом случае один номер обойдётся вам в 30 рублей, а полугодовой комплект – в 90.

По всем вопросам, связанным с подпиской на «Мономах», можно проконсультироваться, позвонив по телефону 41-04-32.

*Главный редактор журнала
Владимир Миронов*

Темы номера:

Фото Сергея Ойкина

200 лет И.А. Гончарову, русскому писателю и нашему земляку.

Симбирская областная библиотека
на В.И. Ленина

Тайны Гончаровского дома.

Что скрывают
каменные стены?

Хранитель времени.

Почему старинные
часы ещё идут?

Симбирский аргентинец Алехо Абутков.

Вдали от Родины.

Тайны Гончаровского дома

Для многих ульяновцев словосочетание «дом Гончарова», к сожалению, в большей степени ассоциируется с названием трамвайной остановки, нежели с тем, что напротив находится здание, в котором родился известный писатель. Впрочем, в нём ли? За прошедшие с того дня 200 лет оно изменилось до неузнаваемости и, как считают некоторые специалисты, от настоящего Гончаровского дома мало что осталось. Так осталось или нет? В поисках ответа много лет назад выдающийся ульяновский учёный-краевед Сергей Львович Сытин провёл настоящее историческое расследование, изучив около двухсот самых разных источников, в том числе документов центральных и ульяновских архивов, музеев...

Фото Сергея Ойкина

«Деревня» в центре Симбирска

Уже на плане Симбирска конца XVIII века, на углу Московской и Большой Саратовской улиц (ныне улиц Ленина и Гончарова) обозначено каменное здание, конфигурация которого совпадает с очертаниями и размерами дома купца Александра Ивановича Гончарова. На плане 1800 года точно обозначены границы домовладения, включая основное здание, флигель к востоку от него и два строения в южной части, со стороны Троицкой улицы (ныне Краснознамённого переулка). Примерно так же усадьба выглядит на одном из вариантов плана 1843 года. Значит, можно предположить, что двухэтажный каменный дом Гончаровых был выстроен в конце XVIII века.

Вспоминая о своей жизни в Симбирске в 1834–1835 годах, после окончания Московского университета, Иван Александрович писал: «Дом у нас был, что называется, полная чаша, как, впрочем, было почти у всех семейных людей в провинции, не имевших поблизости деревень. Большой двор, даже два двора, со многими постройками: людскими, конюшнями, хлевами, сараями, амбарами, птичниками и баней. Свои лошади, коровы, даже козы и бараны, куры и утки – всё это населяло оба двора. Амбары, погреба, ледники переполнены были запасами муки, разного пшена и всяческой провизии для продовольствия нашего и обширной дворни. Словом, целое имение, деревня».

После смерти главы семьи в 1819 году здесь до 1851 года жила мать

писателя – Авдотья Матвеевна и его сестры: Александра и Анна. Флигель по Московской улице, а затем нижний этаж дома занимал Николай Николаевич Трегубов – «отставной флота капитан-лейтенант», который заменил И.А. Гончарову и воспитателя, и рано умершего отца. Старшая сестра вышла замуж за М.М. Кирмалова, но большую часть года они проводили в доме Гончаровых. Младшая же, ставшая женой врача П.А. Музалевского, отчий кров покинула.

После окончания Московского университета в дом матери вернулся старший сын Николай. И.А. Гончаров последний раз был здесь, по-видимому, в 1849 году.

После смерти матери в 1851 году братья Гончаровы совершили «раздельную запись в Симбирской палате Гражданского Суда», и домовладение перешло в собственность Николая Александровича. «Досталось нам Гончаровым в общее владение после умершей родительницы нашей купечествуемой в городе Симбирске Авдотьи Матвеевны Гончаровой, каменный двухэтажный дом с подвалами, деревянным флигелем и принадлежащими к оному службами и находящеюся при оных землёю, состоящий в городе Симбирске первой части на углу Московской и Большой Саратовской улиц, в приходе церкви Спасо-Вознесенского собора..., какое имение дробности по закону не подлежит и потому мы предположили дом ...принять мне Николаю Гончарову – в единственное моё владение и распоряжение иже Иван Гончаров не желая (**орфография подлинника**) согласился получить от брата Николая

за следующую мне из оного имения часть денежное удовлетворение тысячу двести семьдесят один рубль сорок три копейки серебром...».

Во время пожара в августе 1864 года дом обгорел, и в следующем году Н.А. Гончаров продал его. Затем усадьба несколько раз переходила из рук в руки, и каждый новый владелец занимался разного рода перестройками. Однако и в 1870-х годах, как показывают архивные документы, внутренняя планировка помещений не изменилась с тех пор, когда в нём жили Гончаровы.

Перестройка

В 1880 году дом перешёл к «ревельскому подданному» купцу Карлу Ивановичу Юргенсу, который обосновался в Симбирске ещё в середине XIX века, открыв единственный в городе книжный магазин.

Возможность увидеть Дом Гончарова в его первоначальном облике позволяет фото, сделанное неким Г. Степановым в 1890 году. Фотограф, судя по всему, был приезжим. Юргенсы заказали ему большую серию видов Симбирска. Под № 9 в ней – «Дом Гончарова», сфотографированный с северо-запада таким образом, что видно не только само здание, но и вся усадьба, как со стороны Московской улицы, на которую выходили северные фасады дома и флигеля, так и со стороны Большой Саратовской, где кроме западного фасада, видны ворота и забор вплоть до Троицкой улицы. За ним просматриваются фрагменты здания кадетского корпуса и Троицкой церкви.

Дом, где родился Гончаров.
Фото Г. Степанова.
1890 год

Эта фотография была опубликована в VI томе книги В.П. Семёнова «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» в 1901 году с комментарием такого содержания: «В Симбирске родился, воспитывался и некоторое время служил знаменитый писатель И.А. Гончаров. Дом, в котором родился Гончаров, на углу Большой Саратовской и Московской улиц, сохранился до настоящего времени и принадлежит ныне г. Юргенс».

Выявлены два экземпляра этой фотографии Степанова. Один хранится в Швейцарии, где до сих пор живут дальние родственники Юргенсов, второй, приобретённый в середине 1970-х годов у частного лица в Ульяновске, подарен С.Л. Сытиным музеем И.А. Гончарова.

В 1898–1900 годах уже после смерти К. Юргенса дом Гончарова был пе-

рестроен его наследниками, главою которых являлся Аксель. Появилось занявшее всю западную часть домовладения трёхэтажное кирпичное здание, выходящее фасадами на три улицы. Оно мало походило на старое, поэтому некоторые исследователи считали, что подлинный дом Гончарова утрачен. Но в конце 1960-х годов был обнаружен ряд фотографий, оставшихся от симбирской выставки 1912 года, посвящённой 100-летию писателя. С.Л. Сытину удалось доказать, что одна из них запечатлела очень важный момент перестройки – использование стен старого дома при возведении нового. Он был спроектирован таким образом, что позволил «вобрать в себя» почти целиком остов прежнего. Фото сделал С. Никитин, а инициатива фотографирования принадлежала, скорее всего, видному

гончарововеду той поры Михаилу Фёдоровичу Суперанскому, во всяком случае, именно её он включил в число экспонатов выставки 1912 года.

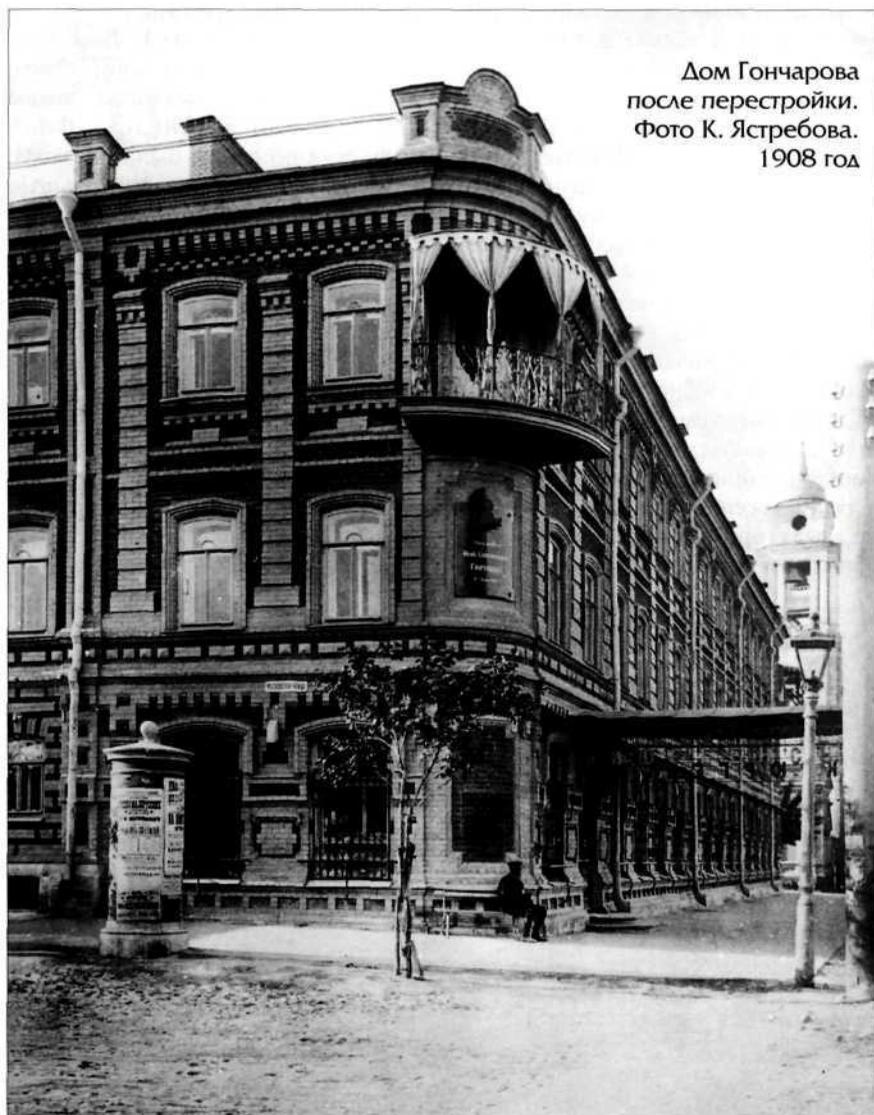
По заказу братьев Юргенс была изготовлена «доска из черного шведского гранита (работы Ботта в Петербурге) с барельефом – бюстом И.А. Гончарова, вылепленным скульптором Б.М. Микешиним и отлитым из бронзы в художественной мастерской В.В. Гаврилова в Петербурге». Её установили на уровне второго этажа, на северо-западном углу дома. Торжественное освящение состоялось 16 сентября 1907 года и заботами, вероятно, всё того же М.Ф. Суперанского было запечатлено на фотографии Черкасова. Братья Юргенсы оформили дарение этой доски городу Симбирску, оговорив, что «...новые владельцы дома не имеют права как-то покушаться на этот памятник».

В 1911 году дом Гончарова ещё раз поменял владельца – от Юргенсов он перешёл к представителю симбирской купеческой династии А.П. Балакирщикову, который сам в доме не жил, а сдавал его в аренду. Главным арендатором была гимназия, основанная в 1910 году В.В. Кашкадамовой.

Кстати, Балакирщиков издал виньетку, где были воспроизведены фотографии дома Гончарова до и после перестройки.

Уже новый Дом Гончарова подвергался перестройкам и в дальнейшем. Исчез балкон над мемориальной доской и заложена дверь, на него ведущая. А над углом здания появилась башенка для старинных часов, которые с конца 1869 года находились на колокольне Вознесенского собора, расположенного почти напротив.

После 1918 года в доме Гончарова находили пристанище Государственный университет, типография № 1, Центрокурсы, 9-я школа 1-й ступени и, возможно, политехнические курсы. Сверх того, в доме было 12 квартир и 36 жителей. С конца 1960-х годов в доме Гончарова находилась средняя школа № 7 им. В.В. Кашкадамовой, затем много лет – вечерняя средняя школа. В июне 1982 года часть 1-го этажа занял филиал областного краеведческого музея.

Дом Гончарова
после перестройки.
Фото К. Ястребова.
1908 год

По материалам
исторической справки
Сергея Сытина

Историю гончаровской усадьбы исследовал и другой ульяновский краевед – Борис Васильевич Аржанцев. Вот что говорится о ней в его книге «Архитектурно-исторические образы Симбирска».

Двухэтажный оштукатуренный кирпичный дом с подвалами и антресольным этажом стоял по диагонали напротив Вознесенского собора.

При доме имелся обширный двор, в котором находились различные хозяйственные строения и жилые помещения: конюшни, каретники, хлева, амбары, сараи, погреба, дровяники, баня и людские. При доме был флигель, деревянный одноэтажный, в котором жил крёстный отец Гончарова, отставной офицер-морьяк, помещик Н.Н. Трегубов.

В настоящее время сохранился только угловой дом, но в значительно изменённом и перестроенном виде...

Описание старого дома времён Гончаровых, а также восстановленного после пожара 1864 года и до его перестройки в 1898 году, сохранилось в воспоминаниях самого Гончарова, писателя Г.А. Потанина...

Дом имел размеры по Саратовской улице 7 и 2/3 сажени, со двора – 8 и 1/2 сажени, по Московской улице – 9 и 2/3 сажени и со стороны Троицкого переулка (ныне Краснознамённый переулок) – 10 и 2/3 сажени (одна сажень равна 2,13 м).

Большой зал с люстрой, парадная гостиная с портретом хозяина и неизбежная диванная составляли парадную часть дома. Кабинет, спальня хозяйки и большая светлая комната для детей выходили окнами на двор. Так было при Гончаровых.

Дом после Гончаровых принадлежал купцу Полякову, затем – жене надворного советника Жигаревой, потом – купцам Юргенсу и Балакиршикову...

У дома было два подвальных помещения со сводами и каменными полами. Один из них имел выход на улицу, а другой из передней комнаты – внутрь дома.

В доме насчитывалось 24 комнаты, кухни, подвалы и 3 коридора. При доме было одно каменное парадное крыльцо и два крыльца дополнительно в магазин и в дом. 8 изразцовых голландских и 3 простые печи отапливали всё здание.

Завершала дом железная крыша, окрашенная в зелёный цвет, хорошо сочетавшийся с белыми оштукатуренными стенами.

Двор был огорожен высоким деревянным забором из горизонтально расположенных досок, забранных без гвоздей в вертикальные пазы столбов, двое въездных ворот и три калитки.

Таким видели этот дом и усадьбу горожане до перестройки его купцом Юргенсом в конце XIX века.

После перестройки дома в 1898 году от старого дома частично сохранились внутренняя планировка и дворовый фасад со стороны улицы, стены дома облицованы новой кирпичной кладкой с включением значительного количества фигурного кирпича, окна расширены, надстроен третий этаж и сделана пристройка с южной стороны до переулка. Так что после перестройки дом занял весь квартал по улице Большой Саратовской (ныне Гончарова) от ул. Московской (ныне Ленина) до Троицкого переулка (ныне Краснознамённого).

Перестройка 1898-го.
Новая стена (справа) «поглощает» старую часть здания (слева)

Следует отметить, что на фасадное решение перестроенного дома существенное влияние оказало здание бывшего кадетского корпуса, построенное рядом в Троицком переулке в 1877 году по проекту инженера-капитана Залесского. Возможно, им был выполнен и проект перестройки бывшего дома Гончаровых.

Симбирская учёная архивная комиссия, узнав о предполагаемых изменениях и перестройке этого дома, стала вести переговоры с К.И. Юргенсом о покупке у него дома, чтобы сохранить его исторический облик как памятника об И.А. Гончарове. Но значительная сумма денег, запрошенная Юргенсом, а также отсутствие системы государственной охраны памятников такого вида не позволили сбыться намерениям этой комиссии.

В последующие годы, относящиеся к концу XIX – началу XX века, произошли изменения на прилегающих к дому участках.

Так, вдоль улицы Московской в 1894–1895 годах к дому был пристроен кирпичный склад земледельческих орудий, сохранившийся до сих пор. По своим архитектурным формам, в которых выполнен главный фасад, он напоминает ворота Брестской крепости, только в уменьшенном виде. В документах К.И. Юргенс часто отмечал себя ревельским гражданином, что указывает на определённую связь его представлений об архитектуре с родными местами.

Последнее изменение было осуществлено в 1974–1975 годах, когда по проекту архитектора С.Н. Титова над крышей углового участка дома была сооружена четырёхгранная башенка с часами, завершённая шатровой крышей с металлическим флюгером.

Хранитель времени

Хранителем, смотрителем и главным городским часовщиком вот уже много лет называют Анатолия Ивановича Фролова. С момента установки в 1974 году «курантов» на Доме Гончарова почти сорок лет он регулярно присматривает за ними, обещая, что при должном уходе часы прослужат ещё лет 500.

Перед нашей встречей Анатолий Иванович попросил: «Вы мою фигуру не выпячивайте. Просто из тех людей, с кем мы работали над восстановлением этого уникального механизма, почти никого уже нет в живых... Расскажите лучше побольше про часы».

Хранитель постоянно шутит, говорит не спеша, немного старомодно «окает», как типичный волжанин. Видимо, с годами стал похож на своё детище – точен и нетороплив. Они уже давно неотделимы друг от друга – часы и часовщик.

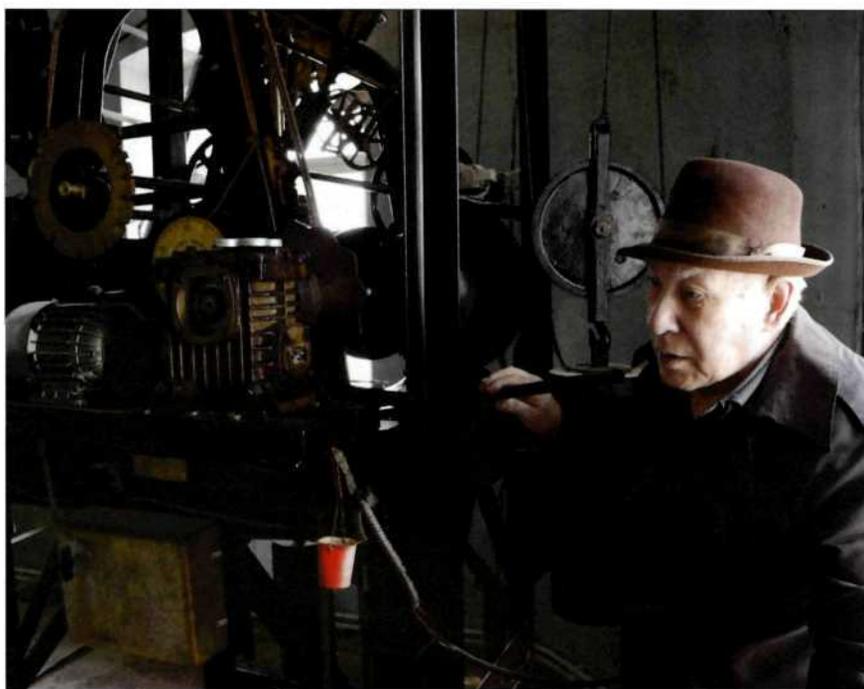
Надпись на часовом механизме:
«T. Cooke & Sons». York & London». 1868

«Пожертвован городу Симбирску
тайным советником графом
Владимиром Петровичем Орловым-Давыдовым»

Молодой Анатолий Фролов со старым циферблатом

И 37 лет спустя Анатолий Иванович всё так же неустанно следит за состоянием главных городских часов

Часы и колокол

– Сколько приходило корреспондентов, но никто толком не написал, какими часы были и какими стали после реставрации, – сетует Анатолий Иванович.

А история и впрямь похожа на сказку. Изготовлены часы были в Англии в 1868 году фирмой «Кук и сыновья». Год спустя тайный советник граф Владимир Петрович Орлов-Давыдов выкупил их за 10 тысяч рублей золотом и подарил Симбирску. Сюда их доставили по Волге на барже и установили на колокольне Спасо-Вознесенского собора, который располагался там, где сейчас стоит памятник Гончарову, аккурат напротив нынешнего Дома Гончарова.

В 1934 году собор взорвали. Но прежде мастер, который обслуживал часы, и его помощник разобрали их, вывезли и спрятали в подвале здания бывшей городской управы (ныне – музыкальное училище на ул. Гимова) и замуровали входы.

Колокол нашли в 1974 году на пожарной каланче в Старой Майне. Когда-то пожарные «конфисковали» его из Головкинской церкви, перед тем как село в 1953 году ушло на дно Куйбышевского водохранилища.

Надпись, нанесённая по краю колокола, гласит: «По усердию вылит сей колокол... для церкви Вознесения Господня Их Сиятельств графа Ивана Григорьевича и графини Елизаветы Фёдоровны Орловых, мастер синбирский купец Гаврила Шамин, 1785 год, июля 28 дня, вес колокола 48 пудов 17 фунтов».

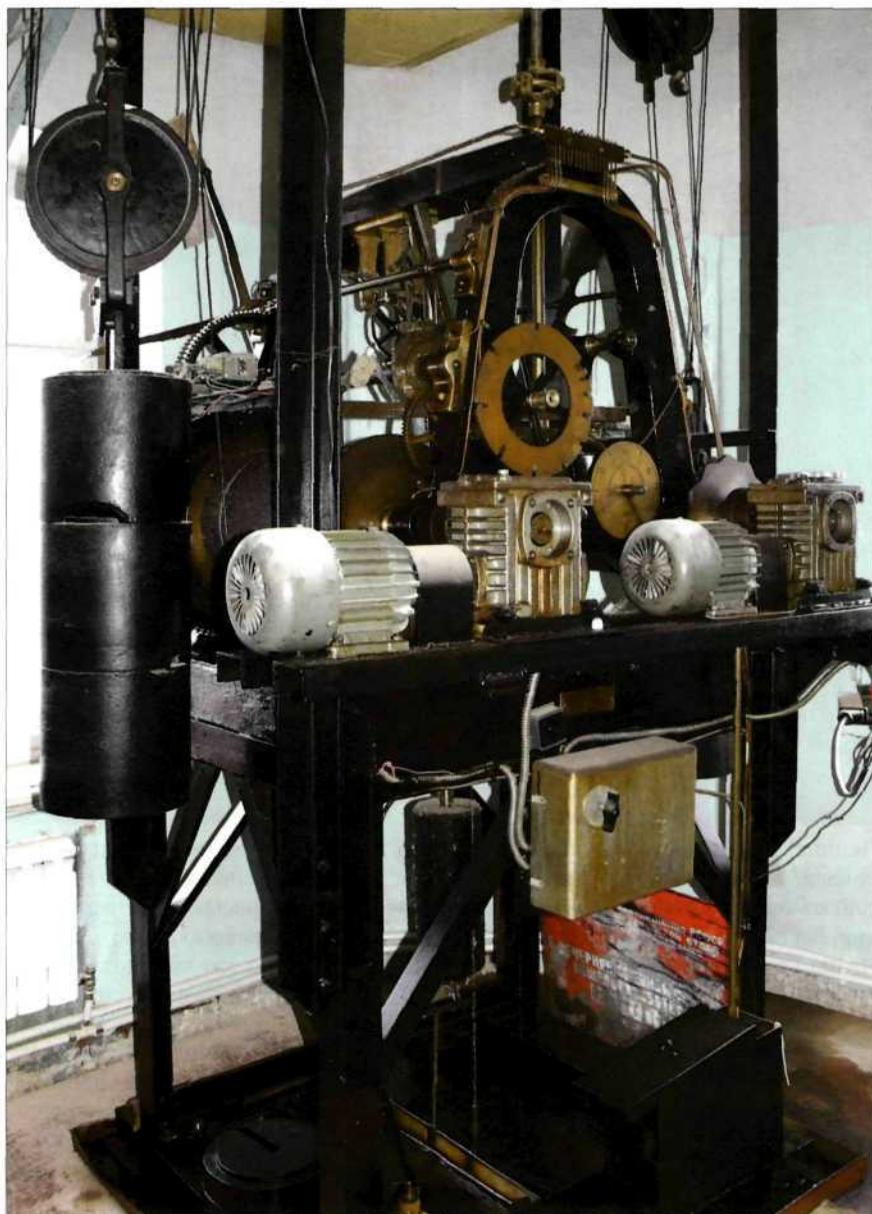
Из подземелья – на башню!

– Это уже много лет спустя стране решили вернуть немного старины, – рассказывает Анатолий Иванович. – Тогда вспомнили и про часы. Стали искать. Но не могли найти очень долго. А потом кто-то вспомнил: «Да они ж в подвале городской управы!» Это было в сентябре 1973 года. В здании как раз проводилась реконструкция, и механизм отыскался – правда, в полуразобранном виде. Встал вопрос – как восстанавливать? Знаю, что тогда звонили и в Москву, и в Куйбышев, но никто не взялся за ремонт. И тут вспомнили о приборостроительном заводе. Я тогда работал там в отделе главного механика руководителем конструкторской группы. Реставрировать часы поручили нам, доставив механизм на территорию предприятия. Они пребывали в плачевном

состоянии, многие части или сломаны, или изношены. Но мы старались ничего не выбрасывать, а реставрировали как можно больше из того, что худо-бедно сохранилось. Важно было сберечь память, сохранить историю. Например, мы восстановили шестерёнку привода боевой гири. Зубчатый венец большого диаметра был разломан на несколько частей. Кольцами скрепили эти обломки, и старинная шестерёнка до сих пор крутится.

Работа была интересной. Многое делали своими руками. Задача, конечно, стояла очень сложная. Незнакомый механизм, изготовленный в чужой стране, пролежавший в подвале почти полвека, предстояло «оживить», решив массу технических задач, внести много усовершенствований. Спроектировали и изготовили металлический каркас для установки механизма – раньше-то часы стояли на деревянном постаменте. Сделали электромеханический привод для подъёма гири (функционирует до сих пор). Разработали автоматическую систему управления им.

В первоначальном варианте две часовые гири весом в 12 и 25 пудов поднимались вверх на 21 метр с помощью лебёдки, которую вручную

Отреставрированный и модернизированный механизм установлен на третьем этаже Дома Гончарова. Оттуда можно подняться в башенку, где находятся колокол и циферблаты

Точность – вежливость не только королей

Если для ручных часов допуск может быть – плюс-минус 45 секунд в сутки, то эти при постоянной температуре отклоняются на какие-то секунды в неделю, – утверждает Фролов. – Длина часового маятника 1750 миллиметров, а груз на его конце весит 64 килограмма. Амплитуда зависит от длины рычага, а длина – от температуры воздуха. Если жарко – маятник удлиняется и качается медленнее. Если холодно – быстрее. Поэтому часы установлены в помещении, где поддерживается постоянная температура – около 20 градусов. После установки я очень долго их регулировал именно под эту температуру.

Однако в связи с ремонтом в Доме Гончарова в последние годы зимой она доходила до нуля. Поэтому часы «убегали», и приходилось их «притормаживать»...

Вот уже 37-й год подряд Фролов регулярно «навешает» часы. До ухода на пенсию в 1996 году делал это каждое утро: по дороге на работу. Сейчас – два раза в неделю – в понедельник и в пятницу. Приезжает на трамвае из Киндяковки, чтобы проверить, всё ли в порядке, точен ли ход. Но случались и экстренные вызовы.

– Однажды, вскоре после установки, часы вдруг стали бить без усталости, как набат. Вызвали меня, –

крутили два человека. Завода хватало примерно на двое суток. Теперь гири автоматически «взлетают» всего на полтора метра через каждые восемь часов работы!

Прежде маслѐнщику приходилось капать масло из маслѐнки на механизм вручную, теперь же установлена система автоматической смазки.

Раньше, когда часы стояли «на две стороны» улицы, у них было два циферблата, а в Доме Гончарова понадобилось три. Сделали и новые циферблаты, и металлические стрелки к ним – старые были деревянные, хотя и из очень твёрдого, долговечного материала. Сейчас они в краеведческом музее. Разработали систему подсветки циферблата с автоматическим

включением в зависимости от времени суток. Первое время она включалась вручную, а потом появилась электроника. Светло – часы сами гаснут, темно – зажигаются.

Однако, прежде чем приступить к реставрации, требовалось определить, где часы будут установлены. Где в городе отыщется помещение для огромного хода гирь. Тогда-то главный городской архитектор Серафим Николаевич Титов и решил построить на Доме Гончарова башенку, часы поставить в третьем этаже, а в башне повесить колокол. И мы начали подстраивать механизм под это помещение. Часы располагаются на третьем этаже Дома Гончарова, а колокол «заклочѐн» в башню.

Участники восстановления часов
(слева направо):

Наум Шепшелевич – зуборез
Роман Михин – токарь-карусельщик
Анатолий Фролов – конструктор
Сергей Денежкин – слесарь
Пантелеев – слесарь
Анатолий Мишин – токарь.
Сентябрь 1974 года

вспоминает Фролов. – Без посторонних «умельцев» тогда, конечно, не обошлось. С тех пор комнату закрыли, а ключ отдали мне на хранение.

Спустя пару лет решили убрать с фасада силовые кабели. Потом, когда стали снова подключать электричество, перепутали фазы. Тогда сгорели оба двигателя. Я их снял и – на завод, в электроцех. Дескать, ребята, выручайте. И там без всяких разговоров за сутки всё починили. Вот такой бескорыстный был коллектив, такая забота о нашем детище.

Ещё раз часы вставляли в пургу позапрошлой зимой. Мне опять позвонили, и я примчался. Оказалось, снег в башне попал на шестерёнки, набился между зубцами, и механизм встал. За всю их историю подобные ЧП случались раза три.

Долгая дорога к часам

– Я же деревенский парень, – вспоминает Анатолий Иванович. – Родился в 1930 году в деревне Кожевнное Богородского района Горьковской области, до райцентра – 9 километров. В своей деревне окончил 4 класса. Потом до 7 класса ходил пешком в соседнюю Сысоевку.

Семилетку окончил одновременно с Победой, в 1945 году, и поступил в Богородский кожевенный техникум на механическое отделение. Сначала каждый день ходил пешком в райцентр. Потом дали общежитие. В 1948 году проходил практику на

кожевенном заводе в Ленинграде, а в 1949 – в Москве. Я хорошо учился, и руководитель практики предлагал остаться в столице. Но, будучи человеком деревенским, в городе чувствовал себя неуютно – трамвай, троллейбусы, всё звенит-гремит, кругом асфальт, ни травинки...

Выбрал Урал, Свердловскую область, райцентр, кожевенный завод. 23 августа 1949 года приехал туда, а там требовался механик... на торфяники. Но остался.

На заводе оказалось много трофейного немецкого оборудования без документов. И я стал в нём разбираться самостоятельно...

В 1966 году приехал в Ульяновск. Здесь как раз строился кожкомбинат. Первый корпус уже работал, а второй только готовили к пуску.

Потом, получив высшее образование, пришёл на приборостроительный завод, руководителем конструкторской группы, где и проработал ещё 27 лет!

С женой мы живём вместе уже 54 года. В Богородске мы с ней учились в кожевенном техникуме, но не общались. Потом я приехал на Урал. А года через два и она туда пришла на работу по распределению. Я был механиком, а она – технологом. Там только познакомились и поженились...

Есть сын, внук и внучка. Парни эти часы хорошо знают и могут обслуживать. Надеюсь, когда меня не станет, именно они продолжат моё дело.

Тайна флюгера

На шпиле часовой башни установлен флюгер. А под ним – шар, в котором заложена памятная табличка из латуни. На ней выгравированы имена людей, занимавшихся ремонтом часов и строительством башни. Такая же табличка прикреплена к самим часам.

– Не устаю повторять, что люди, которые занимались ремонтом, делали его с душой, – подчёркивает Фролов. – На старом снимке – шесть человек, это, конечно, не все, кто работали над часами. В их реставрации участвовал весь коллектив завода – не только конструкторы, но и цеха. Часы запустили 12 сентября 1974 года, в 12 часов дня. На площади состоялся маленький митинг. Там же мы и сфотографировались на память.

Представьте, людей, сделавших часы, давно нет, а дело их рук живёт! Кстати, часы и колокол – это же подарки внука и правнука симбирского губернатора. То есть память о внуке, и память о правнуке встретились, и теперь трудятся сообща. И после нас они тоже будут работать. Я уже привык к ним настолько, что мне без них скучно. Наверное, и о нас тоже будут помнить благодаря этим часам...

Александр Филатов

Фоторепродукции автора
с фотографий из личного архива
Анатолия Фролова
Фото Сергея Ойкина

Проект памятника настолько понравился художнику, что тот постановил увеличить авторский гонорар на 25 процентов

«Секретный» памятник

Майским утром 1965 года горожане, спешившие на работу мимо скверика «трёх пионеров», к удивлению своему на месте трёх фигур с горнами и барабаном увидели «какую-то скульптуру»

Осенью 1961 года разобранный памятник по частям был доставлен в Ульяновск, где и хранился более трёх лет во дворе УЛГЭС, что на ул. Минаева, в ожидании, пока «Три пионера» освободят ему место в сквере.

И вот наступил май 1965 года. Но «почему-то официального открытия этого памятника не было, – писал Александр Николаевич Блохинцев. – Более того, ни в печати, ни по радио не было объявлено горожанам, что это за памятник, кому и зачем он поставлен». Отыскать причины подобной секретности краеведу так и не удалось. Возможно, власти опасались скандала, поскольку подмосковные ваятели схалтурили, сдав работу со множеством недоделок, а заказчики их почему-то не заметили. «Мытищинский завод выпустил скульптуру без обработки... Масса мелких дефектов литья осталась не удалённой», – писал Блохинцев. Более того, и декоративную отделку

заводчане провели кое-как. В результате уже через год монумент начал ржаветь и в 1968 году его пришлось реставрировать.

В общем, время шло, страсти утихли, а памятник нашему выдающемуся земляку стоит в 150 метрах от дома, где он когда-то родился. Высота фигуры – 2,5 метра, а всего памятника – 5,2 м. Пьедестал высотой в 2 м выполнен из полированного красного гранита в виде четырёхугольной призмы. На передней ее грани выбито факсимиле И.А. Гончарова и даты его жизни: 1812–1891. Призма покоится на гранитном «фундаменте» высотой 40 см.

Вновь предоставим слово А.Н. Блохинцеву: «Писатель изображён сидящим в кресле... Напряжённо всматривается вдаль, как бы в поисках персонажей своих романов... Автору удалось запечатлеть момент напряжённых творческих раздумий писателя, его поиска и наблюдений...».

Внезапное, без обычной в таких случаях шумихи появление нового памятника не могло породить множество слухов. Говорили, например, что это обычная садовая скульптура, и наштамповали её во множестве экземпляров. Только в марте 1966-го в «Ульяновской правде» появилась статья, в которой утверждалось, будто в сквере установлена «проектная скульптура будущего памятника Гончарову». Самое удивительное, что даже имя автора монумента оказалось засекреченным. В адресно-справочной книжке «Ульяновск», вышедшей в том же году, автором был назван некто С.К. Пигаревский, которого, как выяснилось, в природе не существовало.

Ульяновскому краеведу А.Н. Блохинцеву пришлось провести целое расследование, чтобы развеять информационный туман, неожиданно окутавший памятник писателю.

Монумент И.А. Гончарову ещё в 1960 году ульяновский горисполком заказал в Худфонде РСФСР. Автором стал известный московский скульптор Лев Моисеевич Писаревский.

Памятник предполагалось отлить в бронзе, но заказчик – ульяновский горсовет – не сумел раздобыть необходимого количества металла, поэтому Мытищинский завод художественного литья заменил бронзу чугуном, отлив, кстати, фигуру в единственном экземпляре.

Бюст И.А. Гончарова возле областного Дворца книги и старого корпуса педагогического университета был торжественно открыт 12 сентября 1948 года. Событие приурочили к 300-летию Ульяновска и тридцатилетней годовщине освобождения Симбирска от белогвардейцев.

Интересно, что скульптуру писателя водрузили на постамент, на котором с 1913 по 1917 год красовался бюст П.А. Столыпина. После революции фигуру «царского сатрапа» убрали, и светло-серая гранитная глыба долго пустовала. И вот, наконец, ей нашли применение.

Автор памятника И.А. Гончарову – скульптор А.В. Ветров. Высота бронзовой фигуры – 90 см. Высота пьедестала – 3 метра.

Фото Сергея Ойкина

Улица Гончарова есть не только в Ульяновске, но и в Димитровграде. Вот уже девять лет на перекрестке её с ул. Димитрова, в небольшом сквере стоит памятник великому русскому писателю. Член-корреспондент Императорской академии наук И.А. Гончаров изображён по-домашнему – в халате и комнатных туфлях, отдыхающим на диване. О мотивах, побудивших ульяновских гончароведов приобрести скульптуру, рассказала Ирина Вениаминовна Смирнова – заведующая единственным в России Историко-мемориальным центром-музеем И.А. Гончарова:

Пригодился в Димитровграде

Фото Владимира Никитина

«Памятник Гончарову просто притягивает к себе всех, кому дорог высокий слог и нравственные ценности произведений нашего земляка, – считает руководитель димитровградской писательской организации «Слово» Александра Георгиевна Белова. – Наши авторы не раз собирались здесь в рамках Гончаровских чтений, посвящённых 200-летию со дня рождения писателя».

«Этот памятник был заказан нашим музеем ещё в 1986 году. Тогда мы готовились к встрече 175-й годовщины со дня рождения писателя. Нам понравилась работа начинающего скульптора Игоря Леонидовича Замедянского. Она очень подходила для вестибюля музея. Нечто подобное доводилось видеть в Ярославском государственном литературно-мемориальном музее-заповеднике «Карабиха». Там скульптура Николая Алексеевича Некрасова «встречала» гостей при входе. Посетителям это очень нравилось, они с удовольствием фотографировались рядом с памятником, получая соответствующий настрой ещё до знакомства с экспозицией. Поэтому, увидев дипломную работу Замедянского, выполненную в 1984 году, сразу поняли – она как будто специально сделана для фойе нашего музея!»

Министерство культуры СССР приобрело скульптуру и пятитонный бронзовый монумент, отлитый на

Мытищинском комбинате художественного литья, в 1988 году он прибыл в Ульяновск.

Но... 175-летие писателя уже прошло. Да и место для памятника освободить не удалось: музей Гончарова теснился тогда на первом этаже дома, в котором родился великий романист, а на втором располагалась вечерняя школа. Планы по установке монумента пришлось отложить на неопределённое время. И памятник остался ждать своего часа во дворе Ульяновского областного краеведческого музея. Надёжно укрытый от непогоды, он простоял там почти 15 лет.

Идея краеведа Сергея Петрова установить памятник Гончарову на улице его имени в Димитровграде очень понравилась тогдашнему мэру города Сергею Морозову. Сказано – сделано. Ульяновский краеведческий музей, физически передав скульптуру в Димитровград, юридически оставил её в ведении областного управления культуры, так как она

является произведением искусства государственного масштаба.

22 августа 2003 года двухметровый памятник Гончарову, созданный выпускником Московского государственного художественного института им. В.И. Сурикова скульптором И.Н. Замедянским и архитектором В.Н. Борисовым, украсил Димитровград.

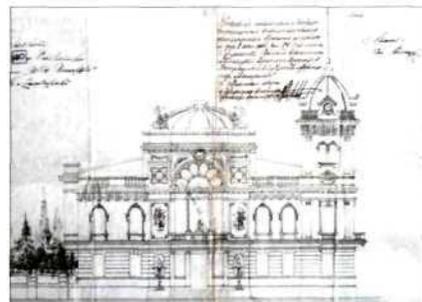
Пришёлся ли уютный и домашний Гончаров жителям второго по величине города Ульяновской области ко двору? Скорее да, чем нет. Его камерность и душевность были оценены горожанами.

Так бронзовый Гончаров обрёл постоянное «место жительства». И хотя к 200-летию Ивана Александровича музей его имени превратился в историко-мемориальный центр, заняв все три этажа здания, на которых наверняка теперь нашлось бы место для заказанного двадцать пять лет назад монумента, но поезд, как говорится, уже ушёл, и всё случилось так, как случилось.

«Выполненное в стиле каменное здание»

Фото Сергея Ойкина

Проект музея и библиотеки
им. И.А. Гончарова в Симбирске.
Архитектор А.А. Шодэ

Дом-памятник И.А. Гончарову – несомненно, одно из красивейших зданий нашего города. Его изящный, изысканный силуэт настолько органично вписан в архитектурно-природный ландшафт венца Симбирской горы, что, кажется, исчезни он – и сразу рассыплется удивительная гармония этого живописного места.

Он же памятник!

Идея возведения в Симбирске здания художественного, историко-археологического музея с классами технического рисования витала в кулуарах Губернской учёной архивной комиссии с начала девятисотых годов прошлого века, но в силу разных причин осуществить её не удавалось.

В конце 1909 года крупный промышленник и член комиссии Н.Я. Шатров предпринял очередную попытку, пожертвовав на будущее просветительное учреждение 10 000 рублей и присовокупив к ним намерение назвать оное учреждение именем Н.М. Карамзина.

9 января 1910 года на чрезвычайном собрании Архивная комиссия постановила: «обратиться с ходатайством к симбирскому городскому общественному управлению о безвозмездной уступке в вечное владение городской земли..., необходимой под здание музея, имея в виду,

что создаваемый художественный, историко-археологический музей... имеет большое общественное значение как учреждение просветительного характера, и что выполненное в стиле каменное здание его составит украшение города». Оно, по мнению членов комиссии, должно находиться в центральной части города: на Соборной площади (пл. Ленина), на Новом Венце, на месте старого городского театра (в районе современной площади 30-летия Победы) или в Николаевском саду (там, где сейчас стоит памятник К. Марксу).

15 марта был получен ответ: «Признавая желательным иметь в Симбирске специально устроенное здание Музея, Городская Дума в принципе нашла возможным предоставить то или другое место для постройки здания; но впредь, до выяснения общей суммы, могущей быть израсходованной на постройку и постановление фасада и плана здания, постановила: в настоящее время вопрос об окончательном отводе того или другого места оставить открытым впредь до рассмотрения Думою фасада будущего здания».

Поддержав начинание Шатрова, комиссия, тем не менее, решила отказаться от имени Карамзина, поскольку возникла мысль создать не музей вообще, а дом-памятник в честь писателя И.А. Гончарова, поскольку близился его столетний юбилей. У этой идеи были как сторонники, так и противники.

27 октября 1910 года городская дума рассмотрела воззвание Архивной комиссии к обществу «о пожертвовании на сооружение памятника писателю И.А. Гончарову», в котором говорилось: «...комиссия прилагает заботу приурочить к юбилейному дню закладку памятника нашему знаменитому соотечественнику. Впредь до выяснения размеров денежной суммы, могущей быть собранной путём ВЫСОЧАЙШЕ разрешённой всероссийской подписки, Комиссия пока ещё не установила своего выбора на том или ином типе памятника, однако признала наиболее полезной постройку здания, в котором могли быть сосредоточены учреждения просветительного характера...»

В уверенности, что Симбирская Городская Дума сочувственно отнесётся к мысли увековечить память

И.А. Гончарова, Комиссия обращается к ней с покорнейшей просьбой о денежном пожертвовании».

Дума отнеслась сочувственно, но не однозначно: «В виду того общественного значения в истории русской литературы, которое принадлежит местному уроженцу И.А. Гончарову, на Симбирском городском управлении должна лежать нравственная обязанность принять участие в увековечивании достойным образом памяти знаменитого соотечественника. По мнению Управы, достойным памятником И.А. Гончарову будет постройка статуи писателя на Венце, на краю «Обрыва» Симбирской горы. Такой памятник вместе с тем будет и лучшим украшением города. В виду этого Городская Управа имеет честь предложить Городской Думе признать лучшим увековечиванием памяти И.А. Гончарова постройку монумента на Венце, назначив на сооружение его из средств города 3 000 руб. с выдачею таковых в течение трёх лет по 1 000 руб. ежегодно...».

После продолжительных прений Дума постановила «признать желательным принять участие в увековечивании памяти писателя И.А. Гончарова... Ассигновать в случае решения постройку монумента И.А. Гончарову 2 000 руб., если же вместе с монументом будет решено учредить и просветительное учреждение имени писателя, то увеличить ассигновку до 5 000 руб., с выдачею и в том, и в другом случае в течение трёх лет...».

Идею сооружения памятника поддержало и симбирское купечество, о чём на заседании Думы в январе 1911 года официально заявил городской купеческий староста. Кстати, именно он предложил переименовать Большую Саратовскую улицу в Гончаровскую. На сооружение же статуи или дома местный бизнес пожертвовал 500 рублей.

**«Приход так глуп,
что никто не только не читал
произведений Гончарова,
но и не слышал о нём»**

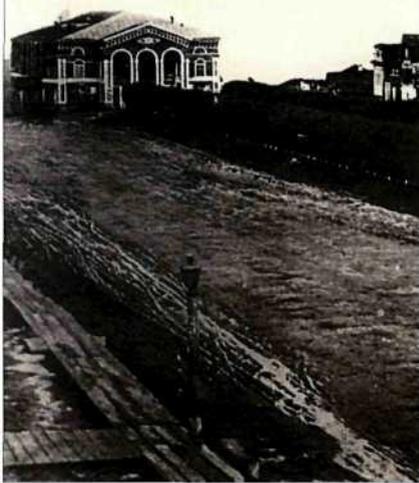
Реализация самого благородного проекта не может обойтись без финансирования. Возведение дома-памятника И.А. Гончарову не стало исключением. Первоначально его сметная стоимость оценивалась в

100 000–150 000 рублей. Но где их взять? В качестве источников дохода предусматривалось устройство спектаклей, концертов, литературных вечеров и т.п., а также выпуск юбилейных изданий. Так, 20 января 1912 года газета «Симбирянин» сообщила: «От дирекции симбирского театра М.М. Данилова и С.А. Кошелева поступило в Гончаровский фонд 40 руб., составивших 10% сбора спектакля, данного на Рождественских праздниках. Давался «Обрыв» в переделке для сцены». Как видим, сумма крайне незначительная. К тому же, признавали сами члены комиссии, эти способы заработка пока ещё как следует не задействованы.

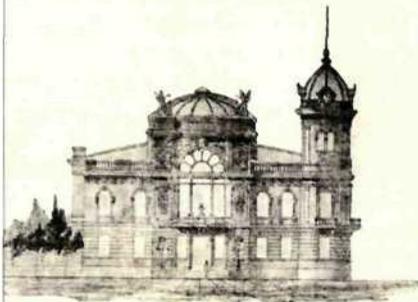
Основным источником финансирования должны были стать денежные пожертвования. 8 июня 1910 года по всеподданнейшему докладу министра Внутренних дел было получено Высочайшее соизволение разрешить Симбирской губернской учёной архивной комиссии открытие всероссийского сбора добровольных пожертвований на памятник так называемой подписки, которая, кстати, продолжалась вплоть до декабря 1917 года.

На первом этапе было заказано сто тысяч подписных листов. Каждый из них состоял из 4 страниц, размером чуть больше современного стандартного листа писчей бумаги каждая. На первой помещался портрет Гончарова и его биография. На второй – воззвание комиссии к жителям империи о необходимости сооружения памятника, а также разъяснялся способ оплаты: «Собранные по этому листу деньги комиссия просит внести в казначейство или перевести на ея условный текущий счёт № 1402 в Симбирском отделении Волжско-Камского Коммерческого банка, подписной же лист возвратить ей с точной отметкой пересылаемой суммы и № квитанции казначейства, почты или банка, которым сдано пожертвование». Третья страница содержала три графы – одна для имени жертвователя, две другие – для указания жертвуемой суммы – числом и прописью. На последней странице писался адрес того, кому направляется лист. Рассылка была всеобщей – по церковным приходам, всевозможным учреждениям, губернским и земским управам, земским начальникам и пр. По вернувшимся

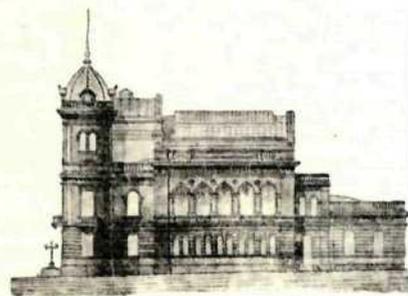
Театр
на Большой Саратовской улице.
Фотография А. Баха. 1867-68 гг.

Гончаровский домъ по проекту А. А. Шодэ.

Фасадъ по Вѣнцу.

Фасадъ по Дворянскому пер.

Отъ Симбирской Губернской Ученой Архивной Комиссиі.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ 18 день іюня 1910 года Высочайше соизволилъ разрѣшить Симбирской Губернской Ученой Архивной Комиссиі открыть всероссійскій сборъ добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе въ г. Симбирскѣ памятника И. А. Гончарову.

Такимъ образомъ Симбирской Архивной Комиссиі предстоитъ важная задача—увѣковѣчить память знаменитаго русскаго писателя сооруженіемъ ему памятника на его родинѣ, подобно тому какъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія былъ поставленъ въ Симбирскѣ памятникъ другому замѣчательному мѣстному уроженцу—Н. М. Карамзину.

Памятникъ И. А. Гончарову—дѣло не только мѣстное, симбирское, но и общенародное, такъ какъ покойный писатель, гордость нашей литературы, далъ широкія, высокохудожественныя и правдивыя картины общерусской жизни,—жизни русскаго общества. Его литературная дѣятельность способствовала развитію нашего національнаго самосознанія и была мощнымъ проявленіемъ національнаго гения.

Чтить дѣятели своего прошлаго—нравственная обязанность людей, любящихъ родину и вѣрящихъ въ ея свѣтлую будущность. Однимъ изъ видовъ такого почтванія является посильная жертва на памятникъ И. А. Гончарову. И Симбирская Архивная Комиссія надѣется, что ея призывъ найдетъ откликъ во всѣхъ концахъ отечества И. А. Гончарова, и въ Симбирскѣ будетъ воздвигнутъ достойный его памятникъ на общенародныя пожертвованія. Въ настоящее время уже приступлено къ сооруженію дома—памятника И. А. Гончарову по проекту архитектора А. А. Шодэ. Стоимость будущаго зданія много превышаетъ ту сумму, какая до сего времени собрана путемъ всероссійской подписки. Но Симбирская Архивная Комиссія надѣется, что призывъ ея къ пожертвованіямъ на завершеніе зданія и на его обстановку найдетъ откликъ въ русскихъ людяхъ.

Подписной лист на сооружение в Симбирске памятника писателю И.А. Гончарову

подписным листам подсчитывалась общая сумма пожертвований.

На середину января 1912 года было собрано 55 000 рублей, из которых только 20 000 поступили из Симбирской губернии. Из 100 000 заготовленных листов разослана примерно половина, возвращено около 12 000 штук.

29 апреля того же года «Симбирянин» сообщал: «Канцелярия Архивной комиссии всё ещё продолжает работать над рассылкой подписных листов по сбору пожертвований на постройку в Симбирске дома имени И.А. Гончарова, задержанных отчасти неизменением адресов для направления подписных бланков, а с другой стороны и тем колоссальным трудом канцелярии, который вызван этою кропотливую работою.

По настоящее время подписных листов заадресовано уже более 54 000 экземпляров, из числа которых обратно поступило около 16 000 листов, подсчет поступлений пожертвований по которым далеко ещё не закончен».

Более или менее дружно жертвовала просвещенная часть общества — дворяне, чиновники, мещане... Начальник Уфимской губернской тюрьмы, например, прислал 4 руб. 49 коп.

Его Высокородие г-н делопроизводитель воинского отдела Царицынской Городской управы Гавриил Яковлевич Лукьянов, собравший 20 руб. 65 коп., сожалел, «что не мог собрать на такое великое дело по подписному листу более. Отчасти это случилось от

обстоятельств, от меня не зависящих, а именно, я мобилизован и нахожусь с июля месяца 1914 года в 141 пех. запасн. Батальоне, г. Царицын».

Иначе реагировали на «великое дело» крестьяне. Земский начальник 3 участка Балашовского уезда Саратовской губернии вместе с подписным листом разослал волостным начальникам указание «произвести сбор пожертвований путём прочтения на волостных и сельских сходах воззвания Симбирской губернской учёной архивной комиссии и объявления другим лицам о цели сбора

пожертвований. Собранные по прилагаемому подписному листу деньги представить мне...». Собрали... 25 копеек.

«Жертвователей по прочтении воззвания крестьянам Масловско-Варавинского и Павловскаго сельских обществ на сельских сходах не оказалось», — рапортовали из волостей.

Причину столь прохладного отношения крестьян откровенно объяснил настоятель церкви села Любимовщина Нижегородской губернии отец Т. Сухоруков, собственноручно начертавший в подписном листе:

Место на Венце, где вскоре будет построен Дом-памятник И.А. Гончарову

«Приход села Любимовщины так глуп, что никто не только не читал произведений Гончарова, но и не слышал о нём. Но всё-таки малую лепту от себя на сооружение памятника И.А. Гончарову прислал – 35 коп.».

Наиболее крупными жертвователями были различные учреждения, приславшие от 100 до 5 000 руб. Эту сумму, кстати, самую крупную, внёс ... Симбирский комитет трезвости. Московское губернское земство изыскало 300 руб., инспектор народных училищ Сызранского уезда – 269 руб. 21 коп., Нижегородский ярмарочный комитет пожертвовал 535 руб...

В общем, кое-какие средства накопились. Но возникла другая проблема.

Детей – на кладбище?

Вариантов размещения дома-памятника, как мы помним, было три, однако наиболее приемлемым считался Николаевский сад. 26 января 1912 года «Симбирянин» сообщал: «Городская Дума, дав заранее согласие на отвод места Симбирской губернской учёной архивной комиссии под постройку дома просветительных учреждений, поставила условием предварительное представление фасадов и планов, в зависимости от чего может быть отведено то или другое городское место.

Теперь Архивная комиссия вторично вошла с ходатайством в городскую думу об отводе места в Николаевском саду, который явится единственным в центре города

пунктом, полнее подходящим для постройки «Гончаровского дома». Точный промер других в центре города площадей (место старого театра, Завьяловская площадь, Старый Венец и др.) показал, что проектируемое здание на них не уместится. Архивная комиссия просит представить архитекторам выбор той или другой части Николаевского сада в целях достижения необходимой гарантии будущего здания со зданиями существующими вблизи.

Необходимо, чтобы и «Гончаровский дом», являясь сам украшением города, не подавлял собою таких архитектурных сооружений, как дом дворянства и оба кафедральные соборы. В то же время необходимо и обратное: чтобы он не был подавлен или заслонен или требуется также и гармония и в другом отношении, чтобы стиль нового здания не был в очень режущем противоречии со стилями ближайших построек.

Поэтому Архивная комиссия намерена предложить архитекторам вместе с планом Николаевского сада и фотографические изображения ближайших построек. Вот в каких целях Архивная комиссия просит Думу о предоставлении ей выбора той или иной части сада. Размеры просимой площади земли от 400 до 600 кв. саж.

Остаётся надеяться, что Городская Дума вполне разделит взгляды Архивной комиссии, ускорит осуществление столь дорогой симбирянам давнишней мысли сооружения памятника И.А. Гончарову и обогащения

города просветительными учреждениями, в которых испытывается настоятельная».

Вопрос обсуждался Думою 26 января 1912 года и вызвал бурную дискуссию. Гласный Rogozin, например, считал, что, поскольку город намерен выкупить участок на месте женской тюрьмы (примерно там, где сейчас ресторан «Колизей») под строительство народного дома, с ним и можно объединить будущий музей. Однако городской голова Л.А. Афанасьев возразил: во-первых, объекты, выражаясь современным языком, финансируются из разных бюджетов – музей из «федерального» (подписка), а народный дом – из городского. Кроме того, музей является, по сути, храмом истории, хранилищем исторических ценностей, а дом – местом развлечения недостаточного населения.

Гласный Романов предлагал отдать под строительство участок бывшего театра в конце Большой Саратовской. «Сейчас это место представляет из себя неблагоустроенную площадь. Если же здесь будет выстроено красивое здание фасадом на Волгу, то местность получит благоустроенный вид и будет служить местом наблюдения для туристов, едущих в Симбирск с Волги». Но и это предложение не прошло. В итоге открытым голосованием, большинством 29 против 3, дума постановила: отвести для здания просветительных учреждений имени Гончарова место в Николаевском саду бесплатно

по выбору Архивной комиссии на все время существования просветительных учреждений.

Но была и ещё одна проблема – с 1903 года в Николаевском саду действовала единственная в городе детская площадка, организованная семейно-педагогическим кружком. Здесь дети «беднейших жителей находили разумные развлечения» – играли, занимались физкультурой, здесь же устраивались выставки детских рисунков и поделок. Зимой заливался каток.

И вот теперь площадку надо было куда-то переносить. В качестве нового места для детских игр предлагалось... Всехсвяское кладбище, закрытое в 1870 году (примерно там, где сейчас ДК им. Чкалова). По мнению управы, оно было самым подходящим «по центральности к кварталам, занимаемым менее достаточным населением города». Однако некоторые депутаты полагали, что «место, где лежат наши отцы» и где ещё стоят надгробные памятники, является не самым подходящим для детских забав. Тем не менее вопрос решили в пользу бывших могил.

21 марта Архивная комиссия была официально уведомлена об отводе ей места в Николаевском саду. А 23 мая хранитель музея Симбирской губернской учёной архивной комиссии Пётр Александров уведомил управу о том, что приступил к отмежеванию уступленного участка и возведению ограды. При этом «площадка семейно-педагогического кружка осталась совершенно неприкосновенной». Закрыли её лишь в 1916 году из-за нехватки средств.

«Акратер», «Два витязя» и «Бог в помощь»

Под такими «девизами» проекты фасадов и планов будущего дома поступили на конкурс, объявленный Архивной комиссией 9 сентября 1911 года. Победителя ждала премия в 500 руб., занявших второе и третье места – 300 и 200 руб. соответственно. Конкурсные работы надлежало сдать не позднее полудня 15 декабря того же года.

Всего на конкурс поступило семь проектов. Автор одного из них, петербургский архитектор Вильгельм Фёдорович Баумгартер, предлагал,

например, выстроить не одно, а два здания, «различные как по назначению, так и по художественной обработке» и «сообщающихся между собой только крытой галереей-колоннадой». В числе прочих достоинств такой планировки автор указывал на уменьшение опасности от пожара. Предусматривалась также галерея, «служащая для сообщения с музеем и для прогулок учеников; на площадке сада на фоне галереи может быть оставлен бюст И.А. Гончарова».

Другой автор предлагал в пол залов второго этажа вмонтировать «стеклянные кирпичи» для освещения помещений первого этажа. Были и другие не менее инновационные предложения. Но... «На состоявшемся 9 января заседании жюри по оценке представленных на конкурс планов Гончаровского дома, присутствовали одиннадцать членов Архивной комиссии и приглашённый в качестве эксперта архитектор А.А. Шодэ. После подробного ознакомления с представленными планами прочтены были рецензии на каждый из них архитекторов А.А. Шодэ и О.Ф. Ливчака. Заседание жюри затянулось далеко за полночь. Признав все семь представленных на конкурс проектов не соответствующими условиям конкурса и неприемлемыми, жюри единогласно сделало постановление назначенных премий не выдавать», – сообщил «Симбирянин» 11 января 1912 года.

Причины такого решения изложены в выписке из журнала заседания жюри. Оно признало, «что наиболее тщательно и хорошо разработанными проектами являются три под девизами: «Акратер», «Два витязя» и «Бог в помощь». Однако их авторы «отступили существенно от заданной программы».

В остальных – «Вьюнок», «Орёл», «Обрыв» и «Синий квадрат» – планы неудачно и недостаточно разработаны, фасады же неудовлетворительны в художественном отношении и разработаны мало не только в деталях, но и в общем. Однако, «приняв во внимание расходы, понесённые авторами..., особенно по выполнению чертежей..., жюри сочло своим долгом... предложить возмещение понесённых расходов в следующих размерах: по сто рублей за первые

три проекта и по пятьдесят рублей за остальные четыре».

Между тем 6 июня 1912 года в Симбирске прошли торжества по случаю столетнего юбилея Гончарова, центральным событием которых была закладка дома-памятника писателю. Дома, которого не было еще даже в проекте! **(О том, как проходили торжества, на стр. 55-57).**

26 июля был объявлен второй конкурс уже под эгидой Императорского Общества Архитекторов. На сей раз жюри рассмотрело уже 9 проектов, но с тем же результатом – 15 декабря было объявлено: победителей снова нет. Разразился скандал. Обиженные участники конкурса пытались опровергнуть решение жюри в Петербурге, однако Императорское Общество поддержало симбирян.

В том же декабре Архивная комиссия уже без всяких конкурсов заказала проект здания местному архитектору Августу Августовичу Шодэ. Он справился меньше чем за месяц, представив свою работу на суд жюри уже 7 января 1913 года. Дом, изображённый на его чертежах, был почти таким же, каким мы видим его сейчас. «Почти», потому что не все замыслы автора удалось воплотить в жизнь – началась война. Но даже недостроенный, он поражает своей красотой.

В октябре 1915 года первый этаж ещё недостроенного дома отвели под военный госпиталь, и отделку внутренних помещений пришлось остановить. А в 1916 году из-за нехватки средств прекратилось и само строительство.

Потом грянула гражданская. В сентябре 1918 в башенке под куполом, в круглых «амбразурах», предназначавшихся для часов, устанавливали пулемёты. И красные, и белые.

После войны в здании разместился единый Народный музей, созданный по распоряжению Губернского комиссара просвещения, преобразованный в тридцатых годах в краеведческий. Здесь же располагался Симбирский пролетарский университет.

Сейчас в Гончаровском доме находятся областные музеи – художественный и краеведческий.

**Владимир Миронов,
Томас Таурас, студент УлГТУ**

На месте крепостной стены...

Троицкая церковь,
восстановленная после пожара
1864 года

Дом и магазин Зеленковых
на Большой Саратовской

Город Симбирск возник как пограничная крепость на восточных рубежах Российского государства середины XVII столетия. Шло время, и от волжских берегов границы нашей державы отодвинулись к берегам Тихого океана. Был разобран, за ветхостью, деревянный Симбирский кремль. Только главная улица города, улица Гончарова, бывшая Большая Саратовская, сохраняет память о былом ратном предназначении места рождения автора «Обломова» и «Обыкновенной истории».

Конечно, и здесь мы не увидим оборонительных стен и башен. Но сама планировка улицы, напоминающей дугу, составленную из трёх отрезков (к исторической Большой Саратовской–Гончаровской относится и нынешний бульвар Пластова), чётко воспроизводит внешнюю линию городских укреплений, вала и рва, оборонявших городской посад.

Итак, главная улица Симбирска называлась Большой Саратовской. Это не означает, что наши пращурь питали к жителям замечательного приволжского города какой-то особый пиетет: улице дал имя почтовый тракт – в общем, важнейшая в экономической жизни губернского города дорога. Горожане между собою звали её просто Большой улицей, и всем было ясно, о какой магистрали идёт речь.

Она и вправду была большой, самой длинной улицей губернского города – 1026 сажень, 2 км 185 м. Известный в своё время писатель, сенатор Павел Иванович Сумароков, взявший на себя труд объехать и описать 12 российских губерний, отмечал в 1838 году: «Город расположен правильно, прекрасно, лучше всех прежних (Тулы, Воронежа, Тамбова, Пензы и др.). Лучшая улица, Саратовская, шире всех улиц Петербургских, кроме Адмиралтейской площади!».. В 1854 году, по распоряжению симбирского губернатора Николая Петровича Бибикова, «которым много

делалось для благоустройства города», среди Большой Саратовской улицы был разбит бульвар. Эта благоустроительная инициатива способствовала первому шумному успеху 19-летнего Дмитрия Дмитриевича Минаева, отозвавшегося на неё стихотворением:

*У нас бульвар устроили
Средь улицы Большой.
Но не блестит уж нынче он
Шумливой суетой.
Когда он был новинкою,
Гуляли стар и млад,
Смеялись и злословили,
Казали свой наряд...*

– и далее следовали смешные характеристики бульварных завсегдаеи и завсегдаеи.

Большая Саратовская целиком выгорела в симбирский пожар 1864 года. Среди буйства огненной стихии с объятой пламенем колокольни Троицкой церкви рухнул и разбился 200-пудовый медный колокол. Церковь оказалась одним из первых зданий, восстановленных горожанами

после пожара. Её белый силуэт вздымался над окружавшими пепелищами, вселяя в сердца симбирян надежду, что город встанет, Господь не без милости!..

Деревянный храм «во имя Живоначальныя Троицы» возник одновременно с основанием города, в 1648 году. В середине 1780-х годов богатейшая купчиха Твердышева от собственных щедрот перестроила, расширила и украсила некогда скромную церквушку.

Эта реконструкция замечательно совпала с коренной реформой городского самоуправления, затеянной императрицей Екатериной II в 1785 году. Великая Государыня подписала «Жалованную Грамоту на права и выгоды городам Российской Империи»:

«Города основаны не только для блага живущих в них, но и для блага общественного: они, умножая государственные доходы, устройством своим доставляют подданным способы к приобретению имущества посредством торговли, промыслов, рукоделия и ремёсел». Обывателям

каждого города предоставлялось право составить Общую городскую думу из гласных (теперь бы мы сказали – депутатов) и городского головы (по нынешнему – мэра).

Симбирск зажил по «Жалованной Грамоте» в 1788 году. В стенах заблиставшей великолепием Троицкой церкви в канун выборов собирались все избиратели города – около полтора десятка самых богатых и уважаемых жителей из числа 12-тысячного населения. «Граждане, предводимые ... Городским головою, должны присягать ... в приходской Живоначальной Троицы церкви на беспристрастные выборы из собратий своих. А в ближайшее по выборам воскресенье новоизбранные гласные присягают в верности службы и в беспристрастном прохождении должностей, на них возложенных».

На торжественной воскресной службе, «пред Святым Евангелием Божиим» обещались зрители «ко учреждённому в городе Симбирске трактирам» «иметь ... неусыпное и каждодневное смотрение, чтоб низкого состояния люди, солдаты и крестьяне господские, и всякого звания развратные и ззорные женщины в трактиры не впускались и картёжной игры отнюдь не было б, да и содержатели бы имели покои во всяком порядке и чистоте». Раз заведённая, традиция торжественной присяги в Троицком храме сохранялась вплоть до 1917 года.

Кстати, пожар 1864 года немало поспособствовал украшению Большой Саратовской улицы, и не только благодаря красоте вновь отстроенных зданий. Мусор и кирпич от сгоревших строений широко использовались для

мощения, или шоссирования, главной улицы города. Только после пожара она стала по-настоящему проезжей на всём своём протяжении и во все времена года, ибо раньше отдельные участки Большой Саратовской осенне-весенние распутицы превращали в настоящую топь!

На всём протяжении истории центральное положение способствовало торговому значению Большой Саратовской улицы. Прямо на ней до начала 1840-х годов разворачивалась торговля в дни знаменитой симбирской Сборной ярмарки. В 1832–1836 годах по проекту замечательного петербургского архитектора Авраама Ивановича Мельникова началось строительство корпусов Гостиного двора. Впрочем, проект был типовым, как сказали бы теперь, «образцовым» – говорили наши предки. Горожане прозвали Гостиный двор «Столбами». Ещё полвека назад здесь было очень популярное место для назначения свиданий: всегда можно укрыться в крытой галерее от докучливых ветров и прочей непогоды.

В глубине галерей находились торговые помещения – лавки и помещенные складские, вот именно их наши предки называли «магазинами»! Для симбирских купцов Гостиный двор стал основным показателем богатства и престижа. Лавка в «Столбах» – как престижная для нынешних хозяев жизни. Ну, а три-четыре лавки – почти что собственный вертолёт!

Кроме торговых помещений, Большую Саратовскую отличало обилие трактиров, как звались в старину гостиницы, совмещённые с харчевней. Здесь гостили не только реальные личности, но и литературные персонажи.

Например, Петруша Гринёв из пушкинской «Капитанской дочки», который в Симбирске «должен был пробыть сутки для закупки нужных вещей». «Я остановился в трактире... Соскуча глядеть из окна на грязный переулок, я пошёл бродить по всем комнатам...», – начинает герой рассказ о своих симбирских приключениях. В конце XVIII столетия (несколько позже описываемых событий) в три комнаты, или покоя, умещался единственный в городе трактир купца Андрея Борисова, располагавшийся в его собственном каменном доме, на углу Большой и Шаталинской (ныне Корякина) улиц.

В 1865 году на Большой Саратовской открылась соответствующая столичным стандартам гостиница «Пассаж», принадлежавшая кронштадтскому мещанину Иванову. Заведение, а особенно ресторан при ней, пользовалось заслуженной славой. Среди тех, кто бывал здесь – автор бессмертной песни «Из-за острова на стрежень...» симбирский уроженец Дмитрий Николаевич Садовников. 13 мая 1875 года 28-летний поэт стал свидетелем и участником дуэли между своими приятелями, присяжным поверенным Брызгаловым и дворянином Беляковым, происшедшей после ссоры в гостинице. «Хотя оружие и было обнажено, поединок не состоялся, так как враждующие прекратили его, следуя советам свидетелей и собственному побуждению», – сообщил о происшедшем официальный протокол.

Ровесник поэта, симбирский 2-й гильдии купец Николай Васильевич Кротков владел обувным магазином на Большой Саратовской, в доме купца Красникова. Пережив сверстника на 21 год, купец скончался в июле 1904 года, оставив после себя в магазине мужской обуви на 5 157 руб. 50 коп., женской обуви на 6 000 руб., детской обуви на 1 224 руб., шляп и шапок на 2 327 руб. 20 коп., «дорожных вещей» на 895 руб., железных кроватей и матрацев на 345 руб., зонтов и тростей на 174 руб., обоев и бордюров к ним на 1 000 руб., военных и форменных вещей на 324 рубля. Торговец Воеводин «за отпущенный ему в долг сапожный товар» остался должен покойному 5 510 руб. 74 коп.; «разные лица должны Н.В. Кроткову за отпущенный в кредит сапожный

Симбирск. Торговые ряды

товар 4 089 руб. 69 коп.». Собственные долги Николая Васильевича исчислялись суммой 18096 руб. 71 коп.

Едва ли не полдюжиной домов на Большой Саратовской владел симбирский 2-й гильдии купец Семён Иванович Зеленков (1833–1905). Выходец из крепостных крестьян, он начал собственное «дело» в четырнадцать лет с разносной торговли с лотка, и «колонияльный (бакалейный) и винный магазин» составлял главную славу С.И. Зеленкова.

«Чёрная икра, всевозможные балыки, омары, консервы таких сортов, каких теперь не найдёшь и в Москве, копчужки, небольшие рыбки в коробочках, сплетённых из стружек, большой выбор изысканных кондитерских изделий, – описывал в конце 1960-х годов «зеленковское» изобилие внук купца, выдающийся ульяновский педагог Александр Васильевич Ястребов. – Всё это теперь в действительности недоступно массам людей, а тогда стоило недорого».

В тридцать лет Семён Иванович упрочил капиталы удачной женитьбой на 18-летней дочери купца Ф.С. Петрова Аграфене Флегонтовне. У супругов родилось семеро детей, три сына и четыре дочери, из которых две умерли во младенчестве. Быт семьи Зеленковых был прост и патриархален. Уже имея собственных внуков, С.И. Зеленков непритворно «почитал» свою мать Наталью Максимовну Зеленкову (1814–1895). Такого же безусловного подчинения и «почитания» он требовал от детей.

Всей семьёй садились за стол и чинно ходили в Вознесенский собор, где купец в течение многих лет был старостой. В соборе младшие Зеленковы хитрили. На службах Семён Иванович становился перед алтарём, а семейные – чуть поодаль. Вертеть головой купцу не позволяли приличия – и вот отпрыски вскоре после начала священнодействия потихоньку улепётывали из храма. Когда же колокол возвещал о близком окончании службы, дети успевали скоренько вернуться на свои места, придав лицам необходимо торжественное выражение!..

И ещё много домов, людей и историй, с ними связанных... И немудрено, ибо Большая Саратовская была самой длинной улицей Симбирска.

Иван Сивопляс

Почему Гончаровская улица «переехала» в центр

Дом Пастуховых на Гончаровской улице
Фото автора

В Ульяновске, недалеко от старого железнодорожного вокзала, есть улица Малосаратовская. И мало кто знает, что до 1912 года именно она называлась Гончаровской...

«Городом-дворянином на Волге» называли Симбирск в XIX веке. В начале столетия прозвание это выглядело громко и внушительно. И оно понятно, ибо в Российской империи существовал ещё один «город-дворянин», уже на Неве, – столичный и блистательный Санкт-Петербург. Для губернского Симбирска это звучало заявкой на столичное достоинство, поскольку дворянство было правящим сословием, наделённым самыми широкими правами и привилегиями. Они закреплялись законами и обычаями и передавались по наследству. Добытое предками в ратных и гражданских свершениях дворянское достоинство становилось для потомков поводом к беззаботной и безтрудоной жизни.

«Здесь я окончательно постиг поэзию лени...», – писал о Симбирске середины XIX столетия Иван Александрович Гончаров. В этом поэтическом потоке стремительно тускнела былая слава дворянства.

«Город-дворянин на Волге», родина Карамзина и Языкова, – произносили с возрастающей иронией, даже сарказмом.

«Словно попал в старый дом, ставни которого давно не отворялись, и всё, начиная со стен, приобрело специфический затхлый запах сырости. Даже далёкий вид с городского бульвара и Венца на безбрежные дали ... не имеет ни разнообразия, ни веселья других волжских видов, и радуешься, когда приходит время отъезда, и кажется, что был в доме, где нет хозяина», – таковы характерные путевые впечатления от Симбирска конца XIX века.

Впрочем, время выдвигало новых хозяев жизни, деятелей и дельцов – купечество. На смену Илье Ильичу Обломову шагал Андрей Иванович Штольц. Новые условия и новое словие требовали новой идеологии, новых образцов и кумиров. Сын симбирского купца, писатель Иван Александрович Гончаров оказался этим временем востребован.

В 1898 году Симбирск впервые готовился справить свой «день рождения» – 250-летний юбилей со дня основания. Но главный фон для исторического праздника составлял день сегодняшний – Симбирск готовился к открытию железнодорожного сообщения. Сбывались четвертьвековые ожидания, и симбиряне искренне чаяли будущего процветания города:

*Чует житель,
что время застоя прошло:
Есть у нас уж дорога железная!..*

– выражал эту мысль стихами литератор и краевед Пётр Александров.

По заказу Городского самоуправления, член Губернской ученой архивной комиссии Михаил Фёдорович Суперанский (1864–1930) опубликовал исторический очерк «Симбирск и его прошлое», приуроченный к 250-летию юбилею основания города. М.Ф. Суперанский, прослуживший в Симбирске с 1892 по 1916 год, считается одним из первых биографов Ивана Александровича Гончарова.

«Он был сын купца, но получил такое же образование, какое получали в то время богатые дворяне, и принадлежал к дворянскому обществу».

«С шестидесяти годов текущего (XIX) столетия в жизни нашего отечества произошли большие перемены, – писал М.Ф. Суперанский далее. – До тех пор в общественных делах главное значение принадлежало дворянству. Реформы же призвали к общественной жизни и другие сословия. Это отразилось и на характере нашей городской жизни». Новый порядок, «призвавший самих жителей к заведованию городским хозяйством», давал отрядные результаты – увеличение доходности, развитие народного образования, системы призрения неимущих и благотворительности.

В начале 1899 года торжественно открылась станция «Симбирск». Далёкая юго-западная окраина города, на которой находилась она, мыслилась градским мужам будущим сердцем Симбирска, его воротами и деловым центром. Эту перспективу закреплял Высочайше утверждённый в 1900 году генеральный план губернского города Симбирска. Новшеством его стала разбивка города на 17 районов, участков, объединявших группы городских кварталов.

Николай Петрович Пастухов

Почётный первый номер получил пристанционный район, тогда как традиционный центр города довольствовался номером II. На плане 1900 года от пристанционной площади расходились улицы: Карамзинская, Пушкинская, Гончаровская. У них были названия, но пока ещё не было домов. Казалось, что в бурно развивающемся Симбирске отбоя от застройщиков не будет. Однако Симбирск развивался, но не так стремительно, как того хотелось бы его торгово-промышленному классу. Стало ясно, что для превращения города в важный центр перевозки грузов нужен мост через Волгу.

В сентябре 1910 года председатель Симбирского купеческого общества, бывший городской голова Михаил Андреевич Волков обратился к посетившему Симбирск Председателю Совета министров Петру Аркадьевичу Столыпину с ходатайством о скорейшем проведении железной дороги через Волгу в Симбирске. П.А. Столыпин обещал поспособствовать «этому желанию симбирян». Разработка проекта, ожидание начала работ замечательно совпали с намечавшимся на 1912 год 100-летием со дня рождения Ивана Александровича Гончарова.

Симбирск с искренним подъёмом готовился достойно справить этот юбилей. Одним из юбилейных мероприятий стало переименование в июне 1912 года Симбирской городской думой центральной городской магистрали – улицы Большой Саратовской в улицу Гончаровскую.

У идеи этого названия, пережившего войны и политические режимы, был конкретный автор. Инициатором и изобретателем выступил симбирский потомственный почётный

гражданин, гласный Городской думы, 36-летний Н.П. Пастухов.

Личность Николая Петровича была в то время широко известна не только в Симбирске, но и его окрестностях. Считается, что именно с него списал ряд выразительных портретов прежних «новых русских», буржуазных выскочек, метивших в высший свет, писатель граф Алексей Николаевич Толстой. И то! Будучи в Париже, господин Пастухов, сын первогилядейного купца-мануфактурщика, заказал собственные визитные карточки на французском, на аристократический манер «Николя-Пьер де Пержу». Визитки эти помнились старожилам и полвека спустя после Октябрьской революции!..

Что было, то было. Но в то же время неполные четыре класса гимназии не мешали Николаю Пастухову неплохо владеть пером и семью иностранными языками, водить знакомство с Горьким и Шалапиным, много путешествовать по Европе, состоять членом итальянского культурного общества «Данте Алигьери».

Делом своих предков, то есть торговлей, Николай Петрович никогда не занимался, целиком посвятив себя общественной работе. Кажется, что на этой благородной ниве Н.П. Пастухову не было равных во всей Симбирской губернии. Он занимал почти три десятка ответственных должностей: сверхштатный чиновник особых поручений при Симбирском губернаторе, председатель правления и начальник команды Добровольного пожарного общества, председатель Симбирских отделений Общества покровительства животных и спасения на водах, почётный блюститель множества учебных заведений, председатель правления областного естественно-исторического музея, член Губернской учёной архивной комиссии.

В начале 1912 года Николай Пастухов внёс вопрос о переименовании улицы Большая Саратовская в Гончаровскую на заседание Симбирского купеческого общества, членом правления которого он также состоял. Николай Петрович наверняка должен был ощущать особое родство душ с великим писателем. И то, ведь оба – купеческие сыновья, оба родились и выросли в собственных домах на одной улице, и даже на одной её стороне – правда, гончаровские окна

смотрели на Вознесенский собор, а пастуховские – на Гостиный двор.

Вопрос с переименованием был решён с редким для Городской думы тех лет единодушием и энтузиазмом. Впрочем, увлечённые думцы едва не допустили досадную накладку – ведь на городском плане уже существовала, точнее говоря, значилась Гончаровская улица! Представьте, какая могла выйти путаница в умах и в географии! Но и этот вопрос решили стремительно и по-своему изящно. В тот самый день, когда Большая Саратовская улица стала улицей Гончаровской, бывшая Гончаровская решением господ гласных стала именоваться Малой Саратовской!..

В подобном раскладе тоже видится особый смысл. На заре XX столетия, когда нарекалась Гончаровской пристанционная улица, взволнованный слог купеческого Николая Петровича заставил остаться на государственной службе любимого горожанами губернатора Владимира Николаевича Акинфова. С деятельностью В.Н. Акинфова симбиряне по справедливости связывали успех «железнодорожного проекта». К нему обращались они в адресе, сочинённом Н.П. Пастуховым и подписанным всеми гласными Городской думы:

«Мы знаем, Ваше Превосходительство, что прослужа 40 лет Отечеству как лучший патриот, Вы имеете все права почить от трудных дел своих и, сохранив остаток сил и здоровья, воспользоваться желанным отдыхом; но в то же время мы убедились, что оставляя нас, Вы унесёте наши надежды, наши стремления и искренние желания дать 40-тысячному населению Симбирска те блага, о которых оно давно просит, и на которые оно имеет человеческое право».

После революции гражданин Пастухов посвятил свои таланты службе Советской власти. Приравняв, как тот Маяковский к штыку перо, он агитировал за Советскую власть, состоял корреспондентом РОСТА, а в 1920-е годы редактировал в Самаре краевую газету «Волжская коммуна».

Так, ибо властители приходят и уходят, а талант – его никуда не денешь!..

Иван Сиволяс

Фото Сергея Ойкина

Бульварное «полукольцо» на улице Гончарова становится время от времени источником общественных брожений, связанных с перманентным стремлением городских властей его улучшить. Последний раз подобное происходило, когда снесли уникальные чугунные решётки.

Между тем почти сто десять лет назад было поставлено под вопрос само существование бульваров: 12 ноября 1902 года «свыше чем 50 домовладельцев и коммерсантов, имеющих свои магазины на Большой улице», обратились в Симбирскую городскую думу с ходатайством «о преобразовании Большой Саратовской улицы путём сноса двух бульваров, с тем, чтобы расширить улицу, сравнив значение обеих половин её в торговом отношении и уничтожить обезображивающие её бульвары». Обращение было направлено в дорожную комиссию, да там и заглохло. И вот спустя 10 лет, 18 февраля 1910 года, Думе вновь пришлось вернуться к обсуждению этого вопроса. Инициатором был гласный (депутат) городско-го парламента Александр Иванович

Дубровин – дворянин, крупный землевладелец, промышленник, общественный деятель, состоявший членом дворянского депутатского собрания от Сенгилеевского уезда и гласным городской думы с 1909-го по 1917 год. Напомнив коллегам о дебатах восьмилетней давности, Дубровин заявил, что прими они тогда правильное решение, «город получил бы широкую красивую главную улицу, равно оживлённую как с той, так и с другой стороны, что имеет очень большое значение для торгового мира».

Так чем же, по мнению гласного, бульвары «обезображивали» Большую Саратовскую? Во-первых, тем, что стесняли движение, создавая скучивание на одной её стороне, так что там едва разъезжались два экипажа. Результатом подобных «пробок», утверждал депутат, стали ежегодно

повторяющиеся случаи, когда пешеходы, гуляющие по главной улице города, особенно зимой, попадали под лошадей. То есть бульвары мешали нормальному дорожному движению. Во-вторых, они загораживали от публики не только вид на один из лучших храмов города – Вознесенский собор, но и на лавки, находящиеся на левой стороне, тогда как «всякое коммерческое предприятие требует видного, открытого для публики места, широкого простора». Отсюда вытекает, в-третьих: создаётся искусственная разница в ценности магазинов на разных сторонах улицы, так что домовладельцы по левой стороне получают гораздо меньше дохода от своих домов, чем по правой, «нося одинаковую тяготу обложения». Наконец, в-четвёртых, бульвары, по мнению Дубровина, требуют на своё содержание бюджетных расходов, в то время как пользы от них никакой: зимой они завалены сугробами, а потому по ним не погуляешь, летом же представляют собой чахлые кусты акации, сплошь покрытые пылью и не дающие никакой тени. Зато по вечерам эти кусты становятся пристанищем разного тёмного люда, поэтому ничего удивительного в том, что «жители не пускают на бульвары своих детей, находя, что последним пребывание на бульварах ничего, кроме вреда, не принесёт».

«Следует также прибавить для рельефности, – усугубляет свои аргументы депутат, – что по левой стороне Большой Саратовской улицы с угла

Панской (ул. Энгельса. – Ред.) до Лисиной (ул. К. Либкнехта. – Ред.) нет ни одного магазина, кроме магазина М. Соболева, что объясняется исключительно влиянием бульваров».

Однако точку зрения «домовладельцев и коммерсантов» по поводу вредности скверов разделяли далеко не все. Возражения сводились к двум основным аргументам. Первый: уничтожение бульваров повлечёт необходимость замощения обрившейся посреди улицы грунтовой полосы шириной в 4 аршина (около 8 метров), на что потребуются дополнительные средства, которых в муниципальной казне, как всегда, не хватало. К тому же мостовая сделается слишком широкой. Второй: уничтожение бульваров, по сути, есть уничтожение культуры. Последнюю точку зрения Дубровин презрительно отмёл как не стоящую обсуждения. Что же касается первого аргумента, то, по мнению гласного, больших расходов не потребуется, если будет принят предложенный им план. Суть его такова: Большую Саратовскую всё равно собираются перемостить. Поэтому обе стороны мостовой можно как бы сдвинуть вместе, оставив её общую ширину прежней, а высвободившиеся площади занять тротуарами, которые можно не только расширить, но и высадить вдоль них деревья, благодаря чему улица приобретёт действительно культурный вид. Кроме того, на свободных местах можно будет установить киоски по продаже газет и вод, а также

круглые витрины для наклейки объявлений и афиш, сдав их в аренду частным предпринимателям, одновременно запретив расклейку всего этого на заборах и стенах домов.

Кстати, по поводу расклейки. В явлении гласного на сей счёт приводится любопытный штрих: «Теперь сплошь и рядом только что наклеенные объявления заклеиваются новыми» по небрежности или же «из целей конкуренции». Очень похожие приёмы борьбы между соперниками мы наблюдаем и по сей день в периоды предвыборных кампаний. Не зря говорят, что всё новое – это всего лишь хорошо забытое старое.

Между прочим, и нынешнее стремление «коммерсантов» заполнить город бесчисленными торговыми центрами было прекрасно знакомо нашим предкам более ста лет назад. Некто И.А. Семёнов предложил городской думе проект сооружения на месте бульваров «невысокого пассажа вышиною в два этажа». Против этого проекта категорически выступил всё тот же гласный Дубровин. И если по поводу сноса бульваров с его точкой зрения можно было поспорить, то аргументы против двухэтажного торгового центра посреди улицы весьма убедительны. «Пассаж», по его мнению, окончательно отгородит одну сторону от другой, по существу превратив улицу в две параллельных. К тому же тротуары, которые предлагалось проложить вдоль стен будущего торгового центра, сузят и без того не широкую проезжую часть Большой Саратовской до её полной транспортной непроходимости. Но и это ещё не всё. «Если осуществится проведение трамвая, то пассаж послужит лишь препятствием для движения трамвая и той же нашей Городской Думе, пожалуй, придётся платить отступное владельцам пассажа».

Надо отдать должное гласным городской думы прошлого века: их решение было весьма деликатным и мудрым. Признав, с одной стороны, «желательным изменить вид Б. Саратовской улицы согласно предложению гласного Дубровина», с другой, детальную проработку этого вопроса она вновь поручила всё той же дорожной комиссии, однажды его уже успешно «замотавшей». А бульвары на Большой Саратовской решено было «временно оставить». Как оказалось, лет на сто с лишним.

Владимир Мионов

В начале прошлого века бульвар по Большой Саратовской проходил по её середине от ул. Лисиной (ул. К. Либкнехта) до Кирпичной (ул. Мира) и разделялся на 6 частей. Каждая из них состояла из кирпичной дорожки шириной в 4 сажени (около 8,5 м), по обеим сторонам которой были нарыты валы в 1 сажень (2,13 м) шириной, засаженные рядами акации. По откосам, обращённым к проезжей части, валы были обложены дёрном

27 декабря 2011 года распоряжением губернатора в целях общественного признания и увековечения особых личных заслуг, оказавших значительное влияние на историю и культуру Симбирской губернии, способствующих прославлению Ульяновской области в Российской Федерации и за её пределами, и в связи с исполняющимся в 2012 году 200-летием со дня рождения звание «Почётный гражданин Ульяновской области» присвоено выдающемуся русскому писателю, уроженцу Симбирской губернии Ивану Александровичу Гончарову.

В Ульяновской области институт почётного гражданства был учреждён в 1993 году, а позднее – в г. Ульяновске и во многих других населённых пунктах региона. Имя человека, удостоенного звания почётного гражданина, заносится в Золотую книгу почёта Ульяновской области.

Почётный гражданин И.А. Гончаров и его современники

Немного истории

Какова же история этого статуса? Как и кому он присваивался раньше? Попробуем разобраться в этом вопросе.

Почётное личное ипотомственное гражданство было учреждено 10 апреля 1832 года манифестом царя Николая I. Стать почётным гражданином можно было по рождению, по ходатайству и по службе.

19 августа 1832 года было также утверждено положение о форме грамот и свидетельств о почётном гражданстве. Выдавал эти документы Департамент Герольдии Правительствующего Сената. Оформлялись они на пергаменте, текст печатался шрифтом чёрного цвета с таким же бордюром. К документам на почётное гражданство прикладывались печати: государственная – к грамотам и канцелярии Сената – к свидетельствам.

Почётные граждане приобретали ряд льгот и привилегий, сходных с дворянскими: освобождение от подушного налога, рекрутской повинности и от телесного наказания в случае преступления. Предоставлялось также право участвовать в выборах и быть избранным на городские общественные должности не ниже тех, на которые поступают купцы первой и второй гильдии, право именоваться во всех актах почётными гражданами, с присоединением этого звания к гильдии для тех, кто её имел. Звание давалось лицам всех сословий за оказанную ими полезную деятельность, продолжавшуюся не менее 10 лет. Порядок присвоения звания был единым для всей страны, в том числе и для Симбирской губернии. Каких-либо особых знаков «Почётный гражданин г. Симбирска» не существовало.

Звание «Почётный гражданин г. Симбирска» по ходатайству городской думы присваивалось как

жителям города, так и другим гражданам Российской империи. Основание – значительный вклад человека в развитие города. Предложение же о присвоении звания поступало от городского головы или других гласных городской думы, обсуждалось на заседании, а затем через симбирского губернатора передавалось в министерство внутренних дел. Так, одним из почётных граждан Симбирска стал в 1896 году министр финансов **Сергей Юльевич Витте**. Звание присвоено за его участие в проведении железнодорожных линий в Симбирской губернии.

Особенность звания почётного гражданина для купечества состояла в том, что привилегии, даваемые им, не связывались с членством в гильдии, что устраняло опасность скатиться вниз в социальной иерархии в случае невозможности по каким-либо причинам приобрести гильдейское свидетельство. Тем самым купеческой верхушке обеспечивалось стабильное общественное положение, не зависящее от возможных неудач в делах.

Почётные симбиряне

Первым именитым горожанином-купцом, получившим звание за усердную службу и полезную деятельность, в Симбирске был **Иван Михайлович Балакирчиков**, купец 3-й гильдии.

Он находился на государственной службе в течение 24 лет. С 1793 по 1796 и с 1805 по 1808 годы был ратманом (членом органа городского управления, избираемого горожанами) в городском магистрате. С 1804 по 1814 годы состоял гражданским заседателем Совестного суда в приказе общества призрения. Совестные суды разгружали губернский суд от многих запутанных как уголовных преступлений

(преступления несовершеннолетних, умалишённых и др.), так и гражданских (главным образом – тяжбы между родственниками).

За более чем 20-летнюю службу И.М. Балакиршиков заслужил звание именитого гражданина со внесением в пятую часть Городовой обывательской книги. Похвальный лист на звание он получил 20 декабря 1834 года за усердную и деятельную службу и хорошее поведение.

По представлению губернатора А.М. Загрязского купец был Высочайше пожалован золотой медалью на Аннинской ленте с надписью «За усердную службу» для ношения на шею.

Николай Васильевич Голубков – талантливый механик-самоучка, изделия которого отмечались дипломами и медалями на выставках. Владелец чугунолитейного завода. Родился 1 мая 1844 года. Начал общественную деятельность 24 июня 1864 года, ещё до введения Городового положения, в 1869 году обществом домовладельцев всех сословий г. Симбирска был избран в Комиссию для наблюдения за устройством водопровода. Затем избирался гласным в 1-ю городскую думу 10 декабря 1870 года, и с этих пор общественная деятельность Николая Васильевича непрерывна.

Механик по призванию и заводчик по специальности, Голубков принимал участие во всех комиссиях по городскому строительству.

Гласный городской думы в течение 30 лет, член городской управы в 1881–1885 годах, член ярмарочной комиссии, председатель комиссии по постройке городских казарм в 1879 году, член уездного податного присутствия, общего присутствия по промысловому налогу, член совета ремесленного училища графа Орлова-Давыдова (с 1899 года – его председатель). Член губернской оценочной комиссии, попечитель Ремесленного училища имени М.В. Лебедева, член губернского по фабричным делам присутствия. Состоял в обществе симбирских купцов по 2 гильдии с 1896 года.

Его общественная деятельность отмечена рядом отличий. В 1863 году государем-наследником был

пожалован серебряными часами в награду и поощрение за полезную деятельность по слесарно-механическому производству, а за паровой 2-сильный локомобиль – медалями: серебряной нагрудной и золотой шейной на Станиславской и Александровской лентах.

Михаил Фёдорович Медведев.

Купец 2-й гильдии. Родился 15 июня 1852 года. Из мещан, причислен к купцам отношением Симбирской казённой палаты 8 января 1900 года, за № 432, с половины 1900 года. Окончил курс в Симбирском уездном училище. Был женат на Н.Ф. Чекалиной, имел трёх сыновей.

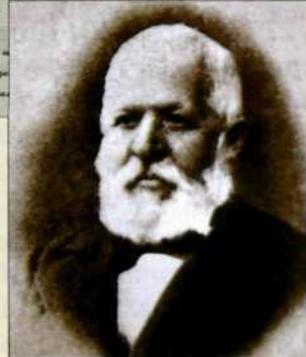
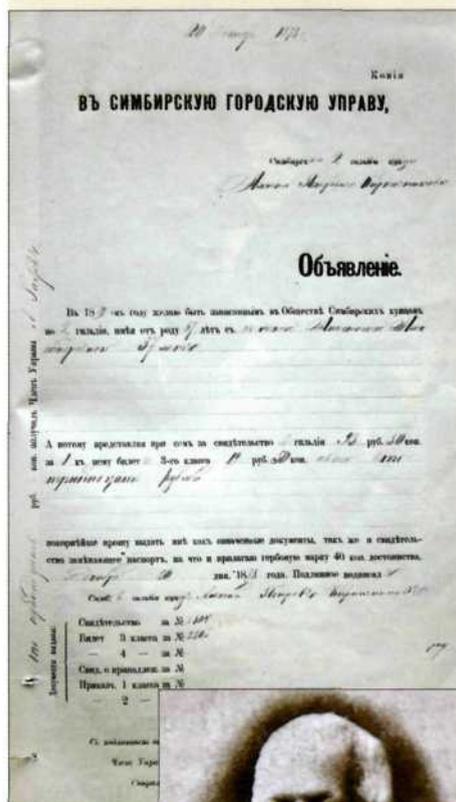
Начал общественную деятельность в 1900 году, гласный городской думы, член городской управы, член городского сиротского суда, член исполнительной ярмарочной комиссии, член комиссии купеческого общества по распределению пособий бедным и недостаточным невестам.

Особенно стоит отметить его деятельность по постройке каменных казарм для размещения кавалеристского полка, за которую получил серебряную медаль «За усердие».

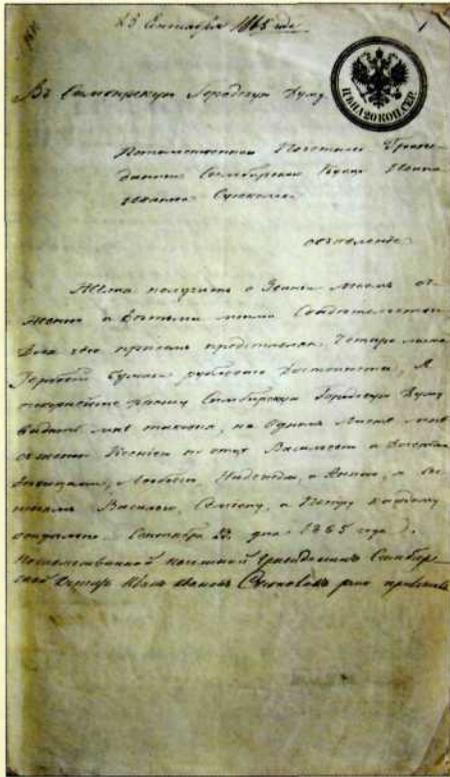
Алексей Петрович Кирпичников родился в 1851 году. Женат был два раза, однако детей не имел. Купец 2-й гильдии, владел несколькими лавками в Симбирске, торговал хлебом, бакалейными товарами, ювелирными изделиями.

А.П. Кирпичников занимал пост председателя Симбирской городской думы в 1862–1864 годах. В эти годы в Симбирске был открыт городской общественный банк, начала работу городская сберегательная касса, открыта выставка сельскохозяйственной продукции на базе женского училища.

А.П. Кирпичников был членом учётного и ссудного комитетов Симбирского отделения Государственного банка, учётного комитета Симбирского отделения Волжско-Камского коммерческого банка, гласным Симбирского уездного земского собрания от города. Принимал участие в работе совета городской больницы, комитета общественного здоровья, оспенного комитета, комитета Карамзинской общественной библиотеки.

В Государственном архиве Ульяновской области в фонде Симбирской городской управы в сборнике объявлений симбирских купцов о желании быть записанными в Симбирское общество купцов сохранилось и объявление А.П. Кирпичникова: «В 1879 году желаю быть записанным в Общество Симбирских купцов по 2 гильдии. Имея от роду 67 лет с женою Анастасией Александровной 37 лет. А потому представляя при сём за свидетельство 2 гильдии 93 руб. 50 коп., за 1 к нему билет 3-го класса 19 руб. 50 коп., а всего сто тринадцать рублей покорнейше прошу выдать мне как означенные документы, так же и свидетельство заменяющее мне паспорт, на что и прилагаю гербовую марку 40 коп. достоинства. Декабря 20 дня 1878 года. Подлинное подписал Симбирский 2 гильдии купец Алексей Петрович Кирпичников».

В фонде Симбирской городской думы сохранилась переписка И.И. Сусоколова, почётного гражданина Симбирска, о получении свидетельства, подтверждающего звание: «Желая получить о Звании моём с женой и детьми моими Свидетельства, для чего при сем представлены четыре листа Гербовой бумаги рублёвого достоинства, я покорнейше прошу Симбирскую Городскую Думу выдать мне таковые, на одном листе мне с женою Ксенией по отцу Васильевой и дочерьми девицами, Любовью, Надеждой, Анной. А сыновьям Василию, Семёну и Петру каждому отдельно. Сентября 23 дня 1865 года.

Потомственный Почётный Гражданин Симбирский купец Иван Иванович Сусоколов руку приложил».

В ответ на заявление купца Симбирская городская дума сообщала: «Члены Городской Думы определили: согласно настоящего объявления просимые Свидетельства потомственному Почётному Гражданину Симбирскому 2-й гильдии купцу Ивану Ивановичу Сусоколову и равно детям его выдать Гербовую бумагу. Четыре листа рублёвого достоинства записать на приход Гербового сбора по книге».

Избирался членом Симбирского уездного училищного совета.

Будучи бездетным, Алексей Петрович пожертвовал городу в 1882 году два принадлежавших ему дома на углу Ярмарочной площади и Новоказанской улицы, затем в 1884 году – 20 тыс. руб. на постройку ещё одного двухэтажного дома для размещения в них богадельни и детского приюта (ныне это старые корпуса Ульяновского училища гражданской авиации на перекрёстке улиц Гагарина и Можайского).

После кончины А.П. Кирпичникова в 1866 году город получил по его духовному завещанию ещё 200 тыс. руб. на содержание указанных заведений.

Иван Иванович Сусоколов.

Симбирский купец 2-й гильдии, потомственный почётный гражданин, крупный домовладелец, общественный деятель. Был первым директором городского общественного банка. Много сделал для развития банковского дела в Симбирске. Проводил политику льготного кредитования городского строительства.

С 1840 года владел в Симбирске водочным и пиво-медоваренным заводом. Одним из первых в губернии стал выделять картофельный спирт.

И.И. Сусоколов владел несколькими кирпичными домами, торговыми лавками и питейными заведениями в Симбирске и губернии. Из материалов краеведа Ю.Д. Ефимова известно, что питейные дома Сусоколова находились на Большой Саратовской улице в доме Л.А. Плаксиной (ныне улица Гончарова), на берегу Волги, в его собственном доме на Свяге и других местах.

Иван Иванович был действительным членом комитета Карамзинской библиотеки. После его смерти владельцами завода и всех его заведений стали его наследники, основным – сын П.И. Сусоколов.

Впрочем, в числе почётных граждан были не только купцы. Есть среди них и люди, много сделавшие для просвещения народа, в том числе и чувашского. Это, например, **Иван Николаевич Юркин** – потомственный почётный гражданин,

крестьянин деревни Бюрганы Буинского уезда Симбирской губернии, краевед, этнограф, литератор, член Симбирской губернской учёной архивной комиссии.

В личном фонде Ивана Николаевича хранятся собрания его рукописных сочинений: повесть «Мул», очерк «Золотой Ключ» (по истории Волжско-Камского болгарского царства), статьи: «О культурном влиянии чувашей на мордву», «Русское духовенство среди чуваш», «Иностранцы в Карсунском уезде». Также фонд содержит чувашские народные приметы, заговоры, загадки, афоризмы, собранные И.Н. Юркиным на чувашском языке, чувашская грамматика-морфология, изданная в 1924 году.

Ещё один знаменитый чувашский просветитель – почётный гражданин Ульяновска **Иван Яковлевич Яковлев**, создатель чувашского алфавита (1871), чувашского букваря (1872), основатель и руководитель Чувашской учительской школы (семинарии) (1868–1919) в Симбирске, инспектор чувашских школ Казанского учебного округа (1875–1903), общественный деятель, председатель строительной комиссии по строительству Дома-памятника И.А. Гончарову в Симбирске, действительный статский советник.

Одним словом, почётные граждане прошлого были достойными людьми, трудились на благо города и его жителей. Ныне эту традицию службы Отечеству продолжают их потомки и наши современники.

В Государственном архиве Ульяновской области хранятся личные фонды некоторых из них: Жореса Александровича Трофимова – известного литератора и краеведа, Николая Григорьевича Левинтова – кандидата исторических наук, профессора Ульяновского педагогического университета им. И.Н. Ульянова, Бориса Васильевича Аржанцева – архитектора, председателя секции архитектуры и монументального искусства Ульяновского областного отделения ВООПИК, краеведа, и многих других.

Юлия Николаева,
архивист ОГБУ «Государственный архив Ульяновской области»

Жилище у озера

Писатель Василий Белов как-то справедливо заметил: «Вне памяти, вне традиции и культуры нет личности. Память формирует духовную крепость человека».

Большую исследовательскую работу «по восстановлению памяти» провели учителя и учащиеся сельской школы села Русский Юрткуль Старомайнского района Ульяновской области. Они изучили не только историю села, когда-то входившего в состав Казанской губернии, но и биографии неординарных людей, связанных с их малой родиной. Среди них оказался крупный учёный второй половины XIX века, философ и филолог, ректор Казанского университета (1882–1885) Николай Никитич Булич.

На озере Жибленка

Н.Н. Булич

«Мой адрес: село Юрткули»

Село Русский Юрткуль, расположенное недалеко от райцентра на северо-востоке Старомайского района, ведёт свою историю со второй половины XVII века. Однако в его окрестностях часто находили многочисленные стрел, копий, женские бронзовые украшения. Всё это свидетельство того, что вокруг современного поселения жизнь существовала со времён бронзового века.

Селение основали мордовские поселенцы, и первоначально оно называлось Яркуль – «озеро с крутыми берегами». Позже название трансформировалось в Юрткуль. Этот вариант названия, дошедший до нашего времени, можно перевести с татарского как «жилище у озера». В 1698–1699 годах по указу Петра I коренное население этих деревень было выселено, а на их земли и усадьбы были водворены польские шляхтичи.

Имело когда-то село и другое название – Архангельское (по построенной здесь церкви Архангела Михаила), но оно не прижилось. Его победило старое, более привычное и оригинальное – Юрткуль.

Церковь была построена в 1869 году на средства прихожан. Главный престол во имя Архангела Михаила и приделные: с правой стороны – в честь Преображения Господня, с левой – во имя Казанской Божией Матери. Главный престол был освящён в 1870 году, другие несколькими годами позже. В конце XIX века по указу Казанской духовной консистории внутри храма сделали ремонт и вновь освятили все приделы.

В Национальном архиве республики Татарстан есть сведения о юрткульской церкви: «Зданием каменная с таковой же в одной связи колокольней, крепкая; храм с 1898 года устроен тёплый; ограда вокруг каменная, сооружена в 1885 году. В главном храме иконостас трёхъярусный, а приделные одноярусные»... Из «Известий по Казанской Епархии» за 1885 год известно, что местный причт состоял из священника, дьякона и псаломщика. «Церковной земли при церкви выделено 30 дес. пахотной вся в одно поле и 3 дес. усадебной; причт пахотной землёй пользуется непосредственно сам...».

Надо отметить, что юрткульские земли привлекали многих помещиков. Например, к 1816 году в селе значились владения подполковника Василия Васильевича Аристова, титулярной советницы Татьяны Ильиничны Аблязовой и других.

Василий Аристов – защитник Отечества и чудака

Род Аристовых внесён в 3-ю часть дворянской родословной книги Казанской губернии. Владелец юрткульских земель Василий Васильевич Аристов родился предположительно в 1787-м году. Как и большинство дворян, был записан в военную службу, девятнадцати лет участвовал в русско-прусско-французской войне, дослужился до подполковника, сражался в войне с Наполеоном: в 1812 – в качестве батальонного начальника Казанского губернского ополчения, в 1812–1816 – как дежур-майор Симбирского ополчения. Лишь в 1816 году был уволен с военной службы и перешёл на службу гражданскую. В нескольких поволжских городах в разное время встречается фамилия земского исправника Василия Васильевича Аристова. Имел он дома, именина, крестьян. Так, в Казани ему принадлежал деревянный одноэтажный дом, в селе Ермоловка Самарского уезда Симбирской губернии – родовых 128 душ крестьян, в селе Юрткуль Спасского уезда Казанской губернии – приобретённых 27 душ крестьян, за женой его там же 107 душ крестьян и в деревне Николаевка Самарского уезда Симбирской губернии 56 душ крестьян, часть родового населённого имения, доставшаяся по разделу с родственниками в сёлах Ураха и Гремячка Лаишевского уезда.

Василий Васильевич слыл в округе известным чудаком. «Что касается до оригинальности и чудачества, в нём их было весьма много... в качестве помещика он был добряк; главная оригинальность его заключалась в том, что он всю жизнь ездил: из Казани в Симбирск, из Симбирска в Самару, оттуда на серные воды, а потом опять обратно, ездил, сам не ведая зачем, и постоянно с вечера не зная, куда он поедет завтра утром, и ездил в тарантасе, на своей тройке, со своими собственными Селифаном и Петрушкой, которые и до сих пор живы, совсем

сивые старики... Дом у них был на Поповой горе, сгорел в 1842 году...». Так писал о Василии Аристове экстраординарный профессор Казанского университета Николай Никитич Булич своему знакомому М.Ф. Де-Пуле 21 декабря 1874 года, уже хорошо изучивший тестя за тринадцать лет брака с его дочерью Юлией Васильевной (в девичестве Аристовой).

Либеральный профессор Николай Булич

Когда-то интерес к философии сблизил студента Казанского университета Николая Булича со Львом Толстым. Уже в преклонном возрасте Николай Никитич напишет в письме к Н.Я. Гроту: «Один из его товарищей, близкий мне, познакомил нас, и мы часто выдились: и на губернских балках, танцуя, и в его комнатке, возле тёмных хор, в квартире его тётки, и у меня. Тогда мы вели серьёзные разговоры и всего больше о философии. Я изучал Спинозу, и помнится впечатление, произведённое на меня оригинальным умом Толстого». Однако Лев Толстой, тогда студент юридического факультета, разочаровавшись в университетской науке и разочаровав отдельных преподавателей, покинул Казань, а Николай Булич в 1845 году по окончании университетского курса получил золотую медаль и звание кандидата. Через четыре года Булич с блеском защитил магистерскую диссертацию и был удостоен степени магистра философских наук. Впоследствии по независящим от него причинам ему пришлось изменить направление своей научной деятельности на филологию. Но он никогда не сожалел об этом: «Обращение моё к русской литературе было совершенно случайно, но я утешаю себя мысленно, что дружба часто возникает из случайных и непредвиденных знакомств».

Матвеевская участковая больница построена из срубов дома Н.Н. Булича

Сохранившаяся аллея

В ноябре 1854 года удостоенный степени доктора славяно-русской филологии Н.Н. Булич был утверждён в должности экстраординарного профессора Казанского университета по кафедре русской словесности. Вскоре он отправляется в заграничную командировку. Два года, проведённые в Европе, позволили ему познакомиться с уровнем развития гуманитарных наук на Западе. «Знакомство с немецкой философией помогло мне тогда в Берлине сблизиться с такими представителями правой ветви гегелианства, как Шульце, Мишеле, Дов (физик) и даже с Лассалем... Как член философского общества я участвовал по каким-то дням в неделю, по вечерам в их простых, но содержательных беседах», – писал учёный позже в своей автобиографии.

Он вернулся в Казань летом 1858 года «со страстным желанием» подготовить новый курс по истории русской литературы с XVII века. Лекции Булича, да и сама личность учёного вызывали большую симпатию и уважение студентов Казанского университета. Они приходили в восторг от чтений молодого профессора и даже сочинили эпиграмму на своего любимого преподавателя:

*Говорят, что наш печальный,
Наш озёрный мрачный край,
Освещает либеральный
Только Булич Николай!..*

Тёплые воспоминания и портретное описание Булича тех лет оставил

Д.А. Корсаков – его ученик, впоследствии также профессор Казанского университета: «Николай Никитич Булич, в 1856 году [...] экстраординарный профессор по кафедре русской словесности, привлекал к себе, прежде всего, своей внешностью, необыкновенно изящной и шеголеватой. [...] Это был высокого роста брюнет, с вьющимися, но тщательно причёсанными волосами, всегда безукоризненно одетый, с ровной походкой и мягкими, любезными манерами в обращении; с плавной, размеренной и тихой, но вместе с тем едкой и насмешливой речью; с задумчивым, сосредоточенным и нередко ироническим выражением лица...». Неизбалованное казанское студенчество заслушивалось лекциями молодого профессора и после одной из них разразилось аплодисментами. Это обстоятельство и повлекло за собой весьма негативные последствия для Булича. 14 октября 1859 г. начались в университете неприятные события, вошедшие в историю университета как «Дело Булича». В 1850-е годы выражение публичного одобрения или недовольства лекциями преподавателей во избежание беспорядков было «высочайше» запрещено. За аплодисменты после лекции Булича были исключены из университета 9 студентов, в том числе двое дворянского происхождения. Эта ситуация отозвалась для профессора большими неприятностями. Они сыпались на него буквально со всех сторон.

Он приобрёл репутацию «неблагонадёжного» человека. 23 февраля 1860 года Булич, вследствие подозрения «во вредном направлении его чтений», был уволен с должности профессора и был вынужден уехать в Петербург. Весь 1860 и начало 1861 года он работал в публичной библиотеке над докторской диссертацией по философии эпохи Возрождения, успешно выступал с публичными лекциями. В это время он сблизился с выдающимися деятелями науки и литературы обеих российских столиц: в Москве – с Ф.И. Буслаевым, В.Ф. Коршем, Н.С. Тихонравовым; в Петербурге – с Я.К. Гротом, И.И. Срезневским, А.В. Дружининым, И.С. Тургеневым, Н.Г. Чернышевским.

Между тем историко-филологический факультет и совет Казанского университета неустанно хлопотали о возвращении блестящего преподавателя. И зимой 1861 года Булич возобновил чтение лекций. Интерес к ним был по-прежнему высок. Учёный писал брату Константину: «Начал лекции, читал две, сегодня третья. Народу много: студенты, профессора, попы, офицеры. Читаю в трёх аудиториях разом. Из самой большой отворяются двери в соседние, и они полны [...]. Дай бог, чтобы всё шло как по маслу...».

В эти и все последующие годы Булич отдавал работе всего себя. Подтверждение тому его историко-литературные труды, посвящённые

Пушкину, Карамзину, Ломоносову, Достоевскому, Жуковскому.

Однако своим главным делом он всегда считал преподавательскую работу. Тридцать пять лет (1851–1885) Н.Н. Булич возглавлял кафедру русской литературы в Казанском университете и был бессменным преподавателем истории отечественной словесности. К сожалению, лекционный материал не был опубликован и, по всей видимости, погиб вместе со всем огромным рукописным архивом Булича во время пожара в имении в селе Юрткуль. Лишь «Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века» были изданы в Петербурге сыном учёного Борисом Николаевичем Буличем после смерти отца. Научная основательность этого труда, выдержавшего два издания, представляет большой интерес и для современного литературоведения.

На университетской службе Н.Н. Булич получил чин тайного советника, имел ордена Св. Анны и Св. Станислава первых степеней. В 1883 г. Академия наук выбрала его своим членом-корреспондентом, а Совет Казанского университета – Почётным членом.

Николай Никитич Булич умер 24 мая 1895 года в своём имении в селе Юрткуль Спасского уезда Казанской губернии, так и не дописав историю родного университета. Но его *Almamater* благодарна этому человеку за честную службу, за свою первую историю и за уникальную библиотеку, подаренную им за год до смерти. Похоронен Николай Никитич в Казани.

Жилище у озера

Николай Никитич Булич владел землями, расположенными на территории современного села Русский Юрткуль. Местные жители называли барина Буличев, меняя его фамилию на свой лад. Николай Никитич построил здесь усадьбу для себя и своей семьи, однако приезжал сюда, как правило, только на лето, отдохнуть: «И нынче я собирался на воды за границу, мечтал, что поеду через Полтаву и Киев, неожиданно явлюсь к Вам и заведу личное знакомство. Думал потом ехать на Кавказ, но потом справился со здоровьем и через

неделю, забрав с собою 50 бут[ылок] Эссентукской воды, уезжаю в те же самые Юрткули Спасского уезда, в тот же самый дом, под тень тех же самых лип и берёз, под которую 33 года тому назад я гулял со стариком – героем вашей культурной хроники...

Мой адрес: в Спасск, Каз. Губ., а отсюда в село Юрткули. Я еду 30 мая, сначала на пароходе, вниз по Волге, а потом вёрст 40 на лошадах. Во всяком случае, выехав рано поутру, я уже вечером дома, охваченный простором и тишиною деревни, свежестью сада, соловьиною песнью, запахом сирени и ландышей. Казань воображается где-то очень далеко, а сам представляешь себя заброшенным в страшную глушь...».

В середине XIX века он привёз сюда рабочих крестьян из Углича Тверской губернии, выменяв их на породистых собак. Приехали семьи Кузнецовых, Максимовых, Пахомовых, Семёновых и других фамилий. Коренных жителей тогда в селе было мало, поэтому и приходилось завозить крестьян извне.

Сначала Булич подобрал удобный участок для постройки большого одноэтажного дома, для своей семьи и прислуги. Сразу после этого заложили небольшую часовню, в которой во всех четырёх углах находились иконы. Рядом с домом построили «людскую», здесь же построили столовую для крестьян, отдельно – общественную баню и конюшню.

В 1881 году разбили сад. Но сначала перекрыли плотиной запруду, и на месте оврага, расположенного недалеко от дома, образовалось озеро Жибленка. К тому времени в барском доме уже был выкопан погреб и кладовые землянки для хранения вина собственного производства. Вокруг Жибленки высадили яблони разных сортов, отступив около 70 метров от дома, устроили липовую аллею. С южной и юго-восточной стороны усадьбы отвели 50 соток под сосновую рощу. С северной стороны выделали место морозостойчивым сортам яблонь. К югу от яблоневого сада посадили клён канадский, дуб черешчатый, липу и березняк. На западе усадьбы высадили акацию, а с фасада дома благоухала сирень двух сортов: белая и лиловая. Три сосны и три ели, посаженные полукругом,

дополняли картину. Всю барскую усадьбу огородили забором, сделали ворота въезда и выезда, которые запирались в ночное время.

Местные жители сразу облюбовали кленовую рощу и стали устраивать там гуляния во время церковных праздников.

На Жибленке поставили водочкачку для полива деревьев: вкопали два столба в берег озера, закрепили на них железный шест с колесом. На колесе на одинаковом расстоянии друг от друга крепились вёдра. Когда колесо вращали, вёдра наполнялись водой, поднимаясь вверх, сталкивались и опрокидывались в жёлоб. Вода по нему стекала в большие бочки, из которых разносилась по нужным направлениям. Для удобства полива, деревья разместили в 4 посадки, а деревянные желоба переносили, чередуя поливку.

После смерти Николая Никитича Булича его сын Борис уехал из усадьбы, оставив всё хозяйство на управляющего. Лишь пару раз в год приезжал он сюда для сбора и продажи зерна и решения других хозяйственных вопросов. В 1917 году уехал из страны совсем, а люди, оставшиеся в усадьбе, продолжали заниматься привычными делами: плотничали, обрабатывали землю, ухаживали за садом.

В начале 1930-х годов барский дом разрушили, и часть срубов перекатали в Матвеевское поселение, чтобы построить там больницу. Здание это цело до сих пор и сегодня по-прежнему служит людям.

В 1942 году пострадала кленовая роща, посаженная Буличем. Эвакуированные в здешние края из Прибалтики переселенцы в лютые морозы срубили много деревьев на дрова.

Озеро Жибленка доставляло много хлопот, постоянно разливаясь во время весеннего половодья. Каждый год приходилось окапывать его берега.

Сад Булича по-прежнему существует на территории села. Школьники постепенно благоустраивают его: убирают мусор и валежник, устанавливают аншлаги, напоминающие о том, какие замечательные люди жили в селе, сохраняют наследие, которое им осталось, и чувствуют свою причастность к истории своей малой родины.

Наталья Гафурова
Фото из архива автора

Автор образцовой биографии Пушкина

К 200-летию со дня рождения П.В. Анненкова

Образцом непревзойдённого взлёта российской общественной мысли как в литературно-философских, так и в социально-политических вопросах стали 40-е годы XIX века.

От одного перечисления знаменитых имён захватывает дух: Гоголь, Тургенев, Достоевский, Некрасов, Герцен, Грановский, Белинский.

Уникальной и своеобразной фигурой той поры, без которой российский культурный ландшафт был бы неполным, следует признать и Павла Васильевича Анненкова, сына незнатного симбирского помещика. По поводу даты его рождения в справочниках и энциклопедиях присутствует некоторая путаница – где-то указан 1811 год, где-то – 1812, а где-то – 1813. И всё из-за того, что церковь Софии Премудрости Божией в Москве, где крестили Павла, сгорела. Однако наиболее вероятным временем его рождения исследователи считают июнь 1812-го. Именно эта дата указана в свидетельстве Московской духовной консистории, выданном в 1832 году отцу Павла Васильевича Анненкова.

Известно, что Павел Анненков обучался в Горном корпусе, был вольнослушателем историко-филологического факультета Петербургского университета, некоторое время служил в министерстве финансов.

С молодых лет увлекался наукой, театром, живописью, литературой.

Именно в то время в московских и петербургских молодёжных кружках кипела интеллектуальная жизнь: активно изучалась и переводилась новая европейская литература, в бурных дебатах осваивались и перерабатывались на русский лад труды немецких и французских философов.

А ещё существовали как великосветские, так и домашние литературные кружки. Один из них в Петербурге конца 30-х годов стал посещать Павел Анненков. Добродушный, дружелюбный, ровный в общении, он обладал даром замечательного рассказчика, тонкого, внимательного и вдумчивого наблюдателя. Не удивительно, что у него всегда было много друзей. И среди них – три великих классика русской литературы.

Гоголь

Анненков и Гоголь познакомились в Петербурге в 1832 году. Между ними установились очень доверительные отношения, хотя на «ты» они так и не перешли. Именно эта дружба позволила Павлу Васильевичу оставить уникальные воспоминания не только о творческом процессе, в ходе которого рождались бессмертные произведения писателя (Анненков переписывал под диктовку главы из «Мёртвых душ» в Риме 1841 года),

но и о зарождении замыслов «Записок сумасшедшего» и «Шинели».

Существует красивая симбирская легенда о приезде Гоголя к Анненкову в его родовое поместье Чириково. Но, к сожалению, документальных свидетельств этой поездки не найдено.

«Неистовый» Виссарион

С Белинским Анненков встретился и близко сошёлся в 1839 году и позже именно через него вошёл в редакционный круг журнала «Современник». Взаимная симпатия между молодыми людьми возникла сразу же. Страстный и искренний Белинский всю свою недолгую жизнь хранил привязанность к Анненкову. Именно Белинский стал центром столкновения взглядов, суждений эпохи 40-х годов как в жизни, так и в позднейшем главном мемуарном труде Анненкова «Замечательное десятилетие. 1838–1848». В нём он воссоздал одну из важнейших эпох в развитии русской общественной, литературной и философской мысли, связанную с именами Белинского, Гоголя, Тургенева и Герцена.

В 1840 году П.В. Анненков впервые отправился за границу. Результатом первого путешествия явились тринадцать путевых очерков «Письма из-за границы (1840–1843)». Их адресат Белинский опубликовал очерки в журнале «Отечественные записки» и отозвался о них одобритительно: «...письма Анненкова из-за границы – прелесть!».

Возвратившись в Россию, Павел Васильевич сразу же попал в центр борьбы между западниками и славянофилами: «Шум первых их сшибок и составил содержание всей эпохи нашего развития, которая обозначается

общим именем эпохи сороковых годов», – писал он.

В самом начале 1846 года Анненков вновь отправился за границу, где не только познакомился с Карлом Марксом, но и стал его корреспондентом.

Итог поездки – публикация десяти «Парижских писем» в «Современнике» (1847–1848). В них Анненков выступил как достоверный свидетель бурной общественно-политической и культурной жизни Парижа.

В 1847 году друзья устроили сбор средств на лечение Белинского за границей. Анненков не только принял самое активное участие в подписке, но и решил пожить вместе с Белинским в Зальцбрунне, чем очень растрогал «неистового» Виссариона.

***

Вернувшись в Россию, в 1849–1853 годах Анненков подолгу жил в симбирском имении, занимался хозяйством, а в 1849 году послал в «Современник» «Провинциальные письма». В конце 1840-х годов он впервые обратился к литературной критике, выступив в трудном жанре годового обзора литературы.

Первый его опыт «Заметки о русской литературе прошлого года» появился в первом номере «Современника» за 1849 год без подписи. Именно в этом обзоре он ввёл в литературный оборот термин «реализм».

1849–1853 годы Анненков провёл в Чирикове, где работал над записками «Две зимы в провинции и деревне. С января 1849 по август 1852 года», отражавшими нравы николаевского времени в российской глубинке, в том числе и в Симбирской губернии.

В Российском государственном архиве литературы и искусства, в фонде П.В. Анненкова хранится засушенная ветка черёмухи. На конверте надпись – В. Анненкова. Как знать, не симбирская ли это черёмуха?

С 1851 года он приступил к работе, которая принесла ему всеобщее признание и оказалась, вероятно, главным делом его жизни.

Он начал работать над изданием сочинений Пушкина и стал первым исследователем, создавшим научный комментарий к пушкинским произведениям.

Эта напряжённая работа продолжилась и в Симбирске. В 1855–1857 годах было выпущено первое научное 7-томное собрание сочинений Пушкина, первый том которого составили написанные Анненковым «Материалы для биографии А.С. Пушкина». 17 февраля 1855 года на праздничном обеде Павел Васильевич получил от друзей свою книгу с надписью: «Автору образцовой биографии Пушкина и добросовестному издателю сочинений великого нашего поэта – Павлу Васильевичу Анненкову – от его литературных друзей и знакомых». Этот почётный титул он сохраняет и по сей день.

В 60–80-х годах XIX века Анненков опубликовал историко-литературные работы об А.С. Пушкине, А.Н. Островском, Л.Н. Толстом.

Последним ярким всплеском его таланта стали воспоминания об И.С. Тургеневе.

Тургенев

Их знакомство длилось без малого сорок лет, но дружба складывалась трудно. Тем не менее, Анненков писал, что «есть какая-то непреодолимая связь, мешающая нам разойтись ... в разные стороны». Если к Белинскому Анненков тянулся как к идеалу, как к центральной фигуре «замечательного десятилетия», то в Тургеневе он нашёл на редкость родственную себе натуру, друга на всю жизнь.

Их переписка с 1852 по 1883 год составила около 750 писем. А свои произведения Тургенев не публиковал без корректуры и одобрения Анненкова, доверяя ему как критику. Кроме того, писатель завещал Павлу Васильевичу разобрать свой архив и опубликовать то, что тот сочтёт нужным.

Фото Владимира Ламзина

После смерти Тургенева Анненков, став его биографом и мемуаристом, поспешил опубликовать и прокомментировать письма друга, на что судьба ему отпустила совсем немного времени. Он пережил писателя всего на три с половиной года.

***

Личная жизнь Павла Васильевича никогда не служила поводом для историко-литературных исследований, поэтому известно о ней довольно мало.

Женился Анненков внезапно, не известив даже своих ближайших друзей, что, впрочем, было характерно для их круга.

В браке с Глафирой Александровной (в девичестве Ракович) он имел сына Павла и дочь Веру. Вся его семья, за исключением сына, осталась в Германии: жена, семья дочери и внучка Барбара (Вава) фон Анненков. Следы её теряются в Германии 30-х годов.

С середины 1860-х Анненков почти непрерывно жил за границей, лишь изредка наезжая в Россию. В конце жизни он долго и тяжело болел. Из писем Глафиры Александровны сыну Павлу следует, что у отца случился инсульт, от которого он тяжело отходил.

Семья собиралась в Россию, но поездке помешала внезапная смерть Павла Васильевича в 1887 году. Он похоронен в Дрездене.

***

Репутация Анненкова-биографа и издателя Пушкина и Анненкова-

мемуариста утвердилась ещё при жизни. Судьба его критики оказалась более сложной: ей предрекали забвение уже в конце XIX века.

Однако его литературно-критическое наследие до сих пор привлекает внимание исследователей и общественности, впрочем, как и судьба богатейшего книжного и архивного собрания Анненкова, предопределённая невероятным кругом его знакомств. Библиотека Анненкова стала культурным феноменом среди книжных собраний дворянских усадеб России.

Кроме ценных книг в неё входили редкая по полноте журнальная периодика, документы, посвящённые истории села Чириково XVII–XVIII вв., а также уникальные автографы. В архиве оказалось множество рукописей и писем знаменитых людей XIX века, в том числе Пушкина, Тургенева.

Исключительная ценность собрания Павла Васильевича не осознавалась его наследниками, и поэтому уже к началу XX века библиотека и архив были раздроблены.

Судьба его библиотеки, имеющей исключительное значение для российской культуры, оказалась сложной и трудной, часть её попала в фонды Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина (Дворца книги), часть была вывезена в Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский дом). Туда же его сыном был продан и архив.

Светлана Кильдюшова,
учёный секретарь Ульяновской
областной научной библиотеки
им. В.И. Ленина

Павел Васильевич
Анненков

Эстет-турист с тросточкой

Год 1912-й прошёл в Симбирске под знаком столетнего юбилея И.А. Гончарова. А ежегодник – адресная книжка-календарь на 1913 год уже напоминала, что 19 июня исполняется 100 лет со дня рождения другого знаменитого симбирянина – Павла Васильевича Анненкова. К тому времени прошло чуть более четверти века после его ухода в мир иной. Но те, кто помнил и ценил творчество этого человека, продолжали спорить, кем он был в большей степени – литературоведом, критиком, бытописателем, библиофилом, публицистом или писателем, настолько разносторонним и разноплановым было его творческое наследие.

Пожалуй, единственное, в чём сходились все, так это в признании пушкинской темы как главной в жизни Анненкова. Впрочем, и здесь недоброжелатели ухитрялись добавить ложку дёгтя, утверждая, что этот эстет-турист с тросточкой, радикал, полурусский-полуевропеец, по сути – отменный делец, сумевший добиться репутации видного пушкиниста благодаря тому, что вдова поэта Пушкина-Ланская доверила почти всё литературное наследство погибшего мужа господину Анненкову и тот стал зарабатывать деньги, публикуя малоизвестные материалы Александра Сергеевича.

Бессменный председатель Симбирской учёной архивной комиссии В.Н. Поливанов к числу недоброжелателей не принадлежал. Преклоняясь перед светлым гением Пушкина, он безмерно уважал тех, кто писал или по крупицам собирал материалы о великом поэте. Именно из исследований Анненкова по биографии Пушкина Поливанов извлёк краткие сведения о пребывании Александра Сергеевича в Симбирске и, дополнив их воспоминаниями симбирских современников поэта, опубликовал в столичном журнале «Исторический вестник» статью о посещении А.С. Пушкиным нашего города и о встрече его с братьями Языковыми.

О глубине литературоведческого таланта П.В. Анненкова свидетельствует уже то, что его имя было занесено в Биобиблиографический словарь

под редакцией Венгерова и в энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

Поэтому вполне закономерно выглядит тот факт, что в начале 1913 года именно Поливанов составил памятную записку на имя неперменного попечителя Симбирской губернской архивной комиссии, Его Превосходительства симбирского губернатора Ключарёва, в которой обосновывал необходимость чествования памяти Павла Васильевича в связи со столетним его юбилеем 19 июня 1913 года.

В записке указывалось, что фамилия Анненкова принадлежит к старинному дворянскому роду и занесена в 6-ю родословную книгу симбирского дворянства. Отец писателя был крупным землевладельцем, а сын Павел, начав научные изыскания, приобрёл не только российскую, но и европейскую известность благодаря тому, что подготовил к изданию самое полное на то время собрание произведений А.С. Пушкина. И хотя литературовед немало времени проводил в столице и за границей (этого требовали его научные изыскания), но и в своё имение – село Чириково Новоникольской волости он тоже часто приезжал, чтобы, уединившись, писать свои основные труды о жизни и творчестве великого поэта, создавая детальную научную биографию Александра Сергеевича.

Ознакомившись с докладной запиской, губернатор начертал на её полях – «быть юбилею».

Однако в тот год его отметили скромно: 19 июня 1913 года, в день 100-летия со дня рождения Павла Васильевича, в «Симбирянине» по инициативе В.Н. Поливанова была напечатана статья о жизни и творчестве юбиляра. Характерно, что ни в столице, ни в Москве ни одно издание, кроме газеты «День», не поместило никаких материалов, посвящённых юбилею Анненкова.

В начале осени того же года у Ключарёва возникла идея подготовить местный библиографический словарь, в который предполагалось внести биографические данные о самых достойных симбирянах. 18 декабря под руководством Его Превосходительства состоялось первое заседание по увековечиванию памяти выдающихся уроженцев Симбирской губернии. В список включили 34 человека – литературоведов, учёных, общественных деятелей, писателей. Под номером 4 значился П.В. Анненков.

По общей договорённости члены комитета постановили провести юбилейные торжества в его честь в конце декабря 1913 года.

В Дворянском собрании

На пригласительных билетах изобразили профиль исследователя творчества А.С. Пушкина. И крупным шрифтом выписали цифры – 1813–1887. В программе значились доклад и концерт в честь юбиляра.

К подъезду Дворянского собрания в этот вечер один за другим съезжались экипажи. Правитель учёной комиссии, инспектор духовной семинарии Яхонтов встречал почётных гостей и рассаживал всех по ранжиру. Рядом с председателем губернского земства камергером Н. Беляковым расположился городской голова Л. Афанасьев. В этом же ряду сидел депутат 4-й Государственной думы Мотовилов. За ним – члены архивной комиссии, гласные губернского земства и городской думы. Входящие в парадный бальный зал Дворянского собрания останавливались у витрины книжной выставки. Первую полку занимали труды учёной архивной комиссии, а на второй и последующих были представлены взятые из Карамзинской библиотеки труды юбиляра.

Для многих молодых симбирян явилось неожиданностью, что сын Анненкова прибыл на этот торжественный вечер. В адресной книжке Симбирска значилось, что Павел Павлович Анненков владеет земельным наделом размером 2314 десятин в Новоникулинской волости. В дополнение к этому имеет два винокурных завода. Один – в Чирикове, другой – в Скугареевке, и, кроме того, разводит рысистых лошадей.

Зал был полон. На хорах разместился оркестр.

Готовясь к выступлению, В.Н. Поливанов взял на вооружение отрывок из письма П.В. Анненкова Тургеневу: «Третий месяц живу один-одинёшенек в деревне и засел на 32 года биографии поэта». И вот, наконец, желанное завершение работы. Исследователь сообщает своим адресатам, что биография Пушкина вчерне готова. Следующий этап – подготовка издания.

1855 год. Выходит в свет долгожданное подготовленное им Собрание сочинений Пушкина. Но анненковская пушкиниана на этом не завершается. Этой работе он посвятил и следующие приезды в родной край. Последний раз Павел Анненков побывал в Чирикове за три года до своей кончины, а умер в далёком зарубежье, в Дрездене.

«И со смертью сошёл в могилу один из достойнейших русских людей, который в своей жизни сделал довольно, чтобы сохранить навеки своё место в памяти своих соотечественников. Такие цельные личности, к сожалению, в наше время становятся всё реже и реже.

Наш долг прославить их имя, чтобы они, окружённые светлым ореолом, снова вечно жили в благодарной памяти переживших их поколений...»

Владимир Николаевич был доволен проведённым юбилеем. Местной публике был представлен ещё один из достойнейших людей нашего края.

Наследство

В.Н. Поливанову хотелось самому побывать в Чирикове. Архив, хранившийся в бывшем поместье Анненкова, по его мнению, представлял огромную ценность для истории российской литературы. Впервые он узнал об этом в середине лета 1897 года. Тогда 16 июля по его заданию в Чириково прибыли три члена архивной комиссии: Мартынов, Красовский и Сапожников. То, что они сообщили о состоянии полузаброшенного, беспризорного, по сути, архива литературоведа, повергло Поливанова в шок. За барским домом и огромной библиотекой пушкиниста, где хранились первые издания современников Анненкова с их дарственными надписями, присматривал сам управляющий имением. Часть книг, письма, рукописи, не уместившиеся в книжных шкафах и на полках, были перенесены по приказу управляющего в соседний сарай и свалены там в кучу. С просьбой членов комиссии забрать что-либо для губернского музея управляющий согласился, видимо, решив избавиться от этого, по его мнению, хлама. Тогда-то музей Симбирской учёной архивной комиссии и пополнился уникальными изданиями. Был привезён из Чирикова и портрет Павла Васильевича.

18 августа члены комиссии, посетившие имение Анненкова, в присутствии губернатора доложили об итогах поездки. На заседании было принято решение возбудить перед наследниками вопрос о сохранении литературного архива Павла Васильевича.

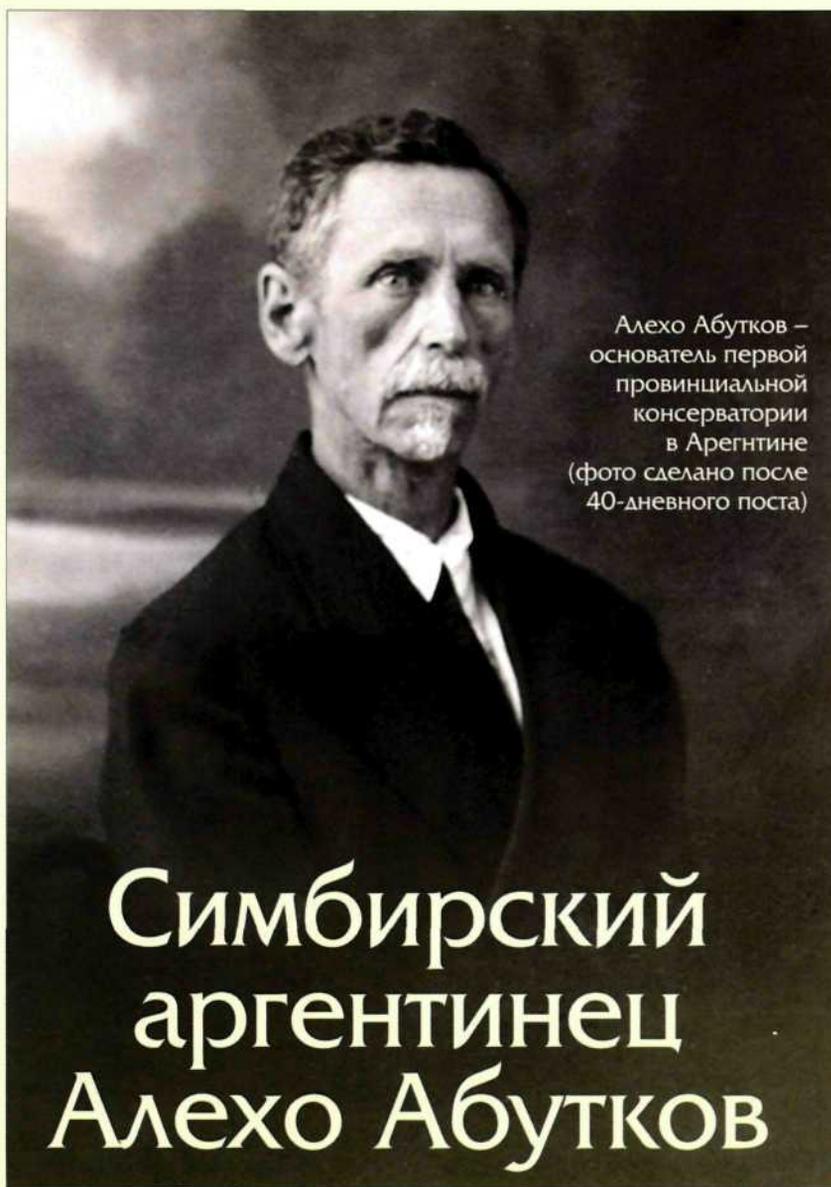
Впоследствии сын Анненкова Павел Павлович, унаследовавший имение отца, дал обязательство сохранить отцовский архив и в дальнейшем познакомить с ним не только членов архивной комиссии, но и всех интересующихся им симбирян.

Поливанову больше не удалось побывать в Чирикове. В 1915 году он неожиданно скончался. Но весть о том, что в бывшем поместье хранятся

бесценные литературные документы, дошла и до Академии наук, и до Пушкинского дома. В декабре 1917 года на имя председателя Симбирской губернской земской управы пришло письмо из Петербурга с предложением приобрести у П.П. Анненкова литературный архив его отца. 21 декабря 1917 года на заседании земской управы был заслушан доклад служащего управы Устинова о предложении столичных учёных. Это предложение поддержал гласный Бонч-Осмоловский. В противовес ему гласный Чебоксаров выступил с предложением земской управе выкупить у Анненкова весь архив и передать его в пользование Центральной губернской земской библиотеки. Он выдвинул перед депутатами земства план создания Анненковского центра и в перспективе – Симбирского университета, в котором исследователи могли бы работать над бесценным наследием Павла Васильевича. Такой проект превратит Симбирск в настоящий культурный центр Поволжья. Большинство голосов гласные приняли постановление – выделить из земского бюджета на покупку у сына П.В. Анненкова от 2 до 5 тысяч рублей.

Власть в Симбирске к этому времени взял Совет рабочих и солдатских депутатов. Библиофил и сотрудник Пушкинского дома Поляков предложил советской администрации перевезти книги из Чирикова в Симбирск, что и было сделано. На некоторое время о них забыли, однако столичные учёные настаивали на том, чтобы литературный архив был переправлен в Москву. Сделано это было лишь через 10 лет, в 1928 году, но часть материалов осталась в Симбирске. К 10-летию Октябрьской революции у советской власти возник интерес к этим документам, выяснилось, что Павел Васильевич вёл активную переписку с самим основателем научного социализма Карлом Марксом. Он был свидетелем революции в Западной Европе 1848 года, сочувствовал ей и оставил интересные воспоминания об этих событиях. К тому же приближалось 40-летие со дня смерти Анненкова, и материалы о литературной и политической деятельности могли вызвать большой интерес у всей советской общественности.

Владимир Радаев

Алехо Абутков – основатель первой провинциальной консерватории в Аргентине (фото сделано после 40-дневного поста)

Симбирский аргентинец Алехо Абутков

Диего Боскет в Ульяновске. 2012 год

Сюиту для струнного оркестра памяти Отечественной войны 1812 года, написанную Абутковым в 1912 году, аргентинские музыканты исполняют на своих концертах

Что такое Мендоса и где она находится? Если спросить об этом жителей Сурского района Ульяновской области, большинство из них, наверное, вряд ли ответят. Точно так же, как и обитателям этой аргентинской провинции вряд ли о чём-нибудь скажет название российского районного центра. Слишком велико расстояние между нами – 14 тысяч километров. Там, на другом конце света, – другая, неизвестная нам жизнь. Почти другая планета!

Между тем в этой самой Мендосе больше двадцати лет жил и творил уроженец Симбирской губернии композитор Алексей Владимирович Абутков.

О том, что этот потомок симбирских дворян оказался в Южной Америке, ульяновские краеведы узнали недавно благодаря аргентинскому музыканту Диего Боскету. Профессор хорового дирижирования, магистр этномузыковедения, докторант искусств, заведующий кафедрой истории музыки факультета искусств и живописи Национального университета Куйо, родившийся почти через четверть века после смерти нашего земляка, заинтересовался личностью и творчеством русского аргентинца.

В апреле этого года Боскет приехал в Россию, чтобы в рамках своей программы «Значение музыкального творчества Алехо Абуткова» поработать в архивах и своими глазами увидеть родину Абуткова – основателя первой провинциальной консерватории в Аргентине. Гость посетил российские города, связанные с жизнью композитора, – Санкт-Петербург, Москву и Ульяновск.

Родом из Чеботаевки

Будущий педагог и композитор родился в селе Чеботаевка Буинского уезда, ныне Сурского района Ульяновской области, в семье действительного статского советника, члена Симбирской губернской учёной архивной комиссии Владимира Николаевича Абуткова. Его предки владели именьями в нескольких уездах – Сенгилеевском, Сызранском, Симбирском, а также в Хвалынском уезде Саратовской губернии.

Впрочем, сам Алексей Владимирович указывал, что родился 29 февраля 1872 года в Саратовской губернии. Однако ульяновские исследователи обнаружили документы, опровергающие эту информацию. Научный сотрудник Ульяновского областного краеведческого музея Татьяна Алексеевна Громова: «Нам известна точная дата крещения Алексея Владимировича – 28 февраля 1875 года. И он, и несколько его братьев были крещены в Казанско-Богородицкой церкви села Чеботаевка Буинского уезда Симбирской губернии». Таких неточек в биографии Абуткова множество. Всё это объясняется спешным отъездом его за границу – в России шла гражданская война – и особым стечением обстоятельств драматической жизни Алексея Владимировича...

В семье Владимира Николаевича и Александры Алексеевны Абутковых кроме Алексея было ещё четверо сыновей – Николай, Павел, Всеволод и Евгений. Призвание к музыке проявилось у Алёши довольно рано, поэтому заботливые родители наняли частного преподавателя для обучения мальчика игре на фортепиано. Когда пришло время получать профессию, решили, что надо дать сыну блестящее гуманитарное образование, поэтому Алексей, выпускник Симбирской классической гимназии 1892 года, окончил юридический факультет Московского университета. Однако занятий музыкой не бросал, занимаясь у известного композитора и педагога Павла Пабста. Кстати, о том, что Алексей Владимирович по первому образованию юрист, Диего Боскет выяснил именно в России: «И для меня это оказалось неожиданностью. Ранее считалось, что он получил диплом специалиста в области естественных наук».

В конце XIX века Абутков стал толстовцем, последователем только зарождавшегося тогда в России религиозно-этического общественного течения, главными принципами которого являются всепрощение, всеобщая любовь, нравственное самосовершенствование личности и, конечно, всем известное непротивление злу насилием. Приверженцем этих взглядов он, судя по всему, оставался до конца жизни.

Алехо Абутков сам устраивал концерты своих учеников и был инициатором ежегодного празднования Дня музыки

Найденные в Аргентине музыкальные рукописи А. Абуткова достойны исполнительского внимания

В начале 1900-х Абутков поступил в Петербургскую консерваторию и окончил её полный курс с дипломом свободного художника. «Среди фамилий преподавателей Алексея Абуткова, указанных в его дипломе, я увидел много мировых знаменитостей: выдающиеся русские композиторы Н. Римский-Корсаков, А. Глазунов, блестящие профессора А. Лядов и Л. Саккети», – изумлялся Диего Боскет, хотя знал, что Абутков представлялся как ученик Римского-Корсакова.

Сколько знаменитых виртуозов-исполнителей, концертных певцов, драматических и оперных артистов, композиторов и педагогов, получивших мировую известность, вышло из стен этого высшего музыкального учебного заведения! И все они помнили напутствие основателя Петербургской консерватории Антона Григорьевича Рубинштейна, призывавшего выпускников быть «смирненными и неутомимыми служителями того искусства, которое возвышает душу и облагораживает человека». Алексей Абутков, выпускник класса профессора Н.Ф. Соловьёва, следовал этому призыву. Во всяком случае, после окончания консерватории в 1907 году он посвятил себя исключительно музыке, пять лет проработав преподавателем фортепиано,

гармонии, контрапункта и фуги в Императорской хоровой капелле Санкт-Петербурга. Именно тогда он написал свои основные хоровые произведения – светские и духовные, а его учебное пособие «Руководство по изучению контрапункта канона и фуги» стало обязательным в Придворной певческой капелле.

После революции 1917 года Абутков переехал в Симбирск и несколько лет прожил в нашем городе.

То, что не получилось в Симбирске, осуществилось в Мендосе

«Если бы Абуткова не арестовали красные, в Симбирске сейчас была бы своя консерватория: в мае 1918 года он уже создал здесь народную консерваторию. Симбирск был среди тех провинциальных городов, которые вслед за столицами первыми открыли подобные учебные заведения», – уверен краевед, кандидат философских наук Сергей Петров.

Психологи считают, что в человеке с рождения неусыпно живёт тяга к прекрасному, доброму, справедливому. Но если эту потребность не развивать, она постепенно сходит на нет. Даже в годы гражданской войны, в условиях голода, политических бурь и катаклизмов желающих

учиться музыке в Симбирске было хоть отбавляй. В марте 1919 года в народной консерватории обучалось две сотни студентов и ещё столько же хотело попасть туда. Здание, в котором она размещалась (ныне его занимает областная филармония), просто не вмещало всех желающих. Абутков пишет прошение о том, чтобы его учебному заведению предоставили новое помещение. А бумага сохранилась в архивах, поэтому мы знаем, что он просил дом, располагающийся на ул. Бебеля, 52. Планов у Алексея Владимировича было громадьё: и приглашение музыкантов из Петрограда, и открытие музыкальной мастерской, и создание в Симбирске симфонического оркестра. Однако всем этим замыслам не суждено было сбыться – Абуткова арестовали «за антисоветскую деятельность». Алексей Владимирович был убеждённым толстовцем, а приверженцы этого течения преследовались и царскими, и новыми властями. Кроме того, ходили слухи, что его брат Николай был белым генералом.

По косвенным сведениям, спасти Абуткову помог личный секретарь и лучший друг Льва Николаевича Толстого Владимир Григорьевич Чертков.

Что ожидало нашего земляка, останься он на родине? Даже в случае

Дом, построенный А.В. Абутковым в Карменсо. Современная фотография

Рукописи и документы из архива А.В. Абуткова на выставке, организованной Российским центром науки и культуры в Аргентине. Начало XXI века

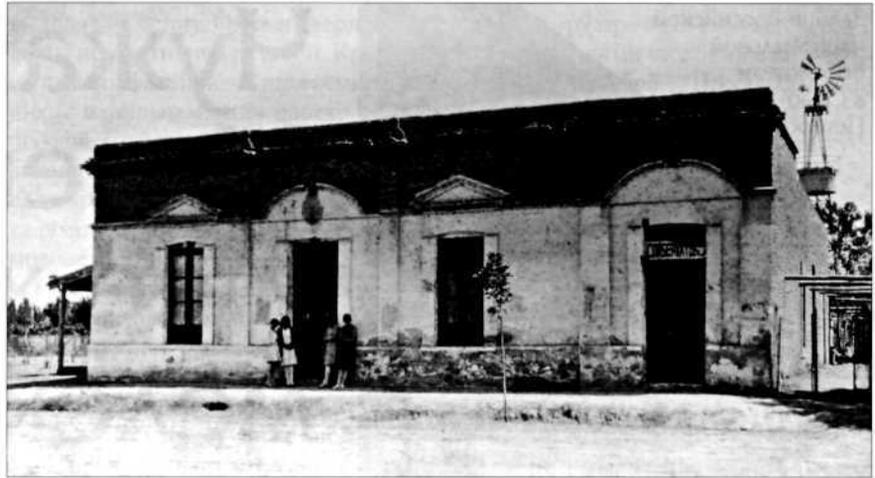
самого благоприятного развития событий согласно первой Советской конституции 1918 года Алексей Владимирович, как и все потомственные дворяне, стал бы лишенцем. Поэтому он решил бежать из России.

Покинув пределы родины, музыкант ненадолго задержался в Болгарии и Франции, а уже в марте 1923 года обосновался в Буэнос-Айресе. Почему так далеко? Об этом можно только догадываться. Никаких воспоминаний на сей счёт музыкант не оставил. Возможно, он хотел оказаться как можно дальше от страны, где были сокрушены все его мечты и погибли все его надежды. Жена его умерла, следы сына, оставшегося в России, вряд ли кому-нибудь удастся отыскать.

Однако и Буэнос-Айрес показался ему слишком шумным и недостаточно удалённым от цивилизации, поэтому Алексей Владимирович, ставший Алехо Абутковым, забрался в самое сердце континента, в глухую аргентинскую провинцию Мендоса, что на границе с Чили. Здесь своими руками он построил себе жилище в соответствии с местными традициями. К тому времени он вступил в Ассоциацию оркестровых педагогов и, таким образом, получил возможность преподавать в консерваториях страны, работать с частными учениками. На юге Мендосы в маленьком посёлке Карменса осенью 1924 года наш соотечественник приобрёл участок земли и решил создать здесь поселение толстовцев. Однако аргентинцы эту философию анархического пацифизма не приняли. Его последователями в Латинской Америке стало всего несколько человек. А вот к прежнему аргентинцу тянулись.

В 1928 году в департаменте Хенераль Альвеар Абутков открыл консерваторию «Шуберт», первое учебное заведение такого рода в провинции Аргентины.

Так же, как и десятью годами раньше в Симбирске, желающих учиться музыке нашлось немало, несмотря на то, что это была сельская местность и свободного времени у крестьян было немного. Здесь до 1945 года, до самой своей смерти, Алехо Абутков преподавал композицию, пение, гармонию, игру на виолончели, гитаре, бандонеоне, будучи единственным педагогом в этом учебном заведении.

Здание консерватории «Шуберт» в провинции Мендоса

«Нужно, чтобы музыка Абуткова встретила с его родиной»

После смерти музыканта его дом перешёл семье аргентинских толстовцев. Спустя многие годы их потомки, желая привести в порядок пришедшее в плачевное состояние жилище, выбросили на улицу найденный ими в помещении хлам, среди которого оказались рукописи партитур Алехо Абуткова: романсы на стихи русских поэтов, произведения для струнного оркестра, народные песни в обработке для хора, сочинения для фортепиано. По совету женщины, ещё помнившей этого удивительного русского, всё найденное сдали в местный музей, сотрудники которого шесть лет назад вышли на Диего Боскета, руководителя трёх хоров, два из которых поют на славянских языках.

Аргентинский специалист, изучив наследие русского композитора, оценил его и включил несколько произведений для хора в репертуар своих музыкальных коллективов. Интересно, что почти все произведения Алексей Владимирович написал ещё на родине. «Перевести сочинения Абуткова для хора с русского на испанский, чтобы понять содержание, нам помогали выходцы из вашей страны. Русских у нас в Мендосе практически нет, а вот грузин много, некоторые из них работают в симфонических оркестрах и русский язык не забывают. Как у нас получается петь по-русски, я вам сказать не могу. Но могу сообщить вам, что университетский хор города Мендоса им. Мартина Сапата имеет в своём репертуаре целую

концертную программу на русском языке», – поведал ульяновским журналистам аргентинский профессор музыки. И закончил несмешным «анекдотом» о том, как много раз пытались аргентинцы найти контакт с различными правительственными и общественными организациями в России, чтобы организовать здесь концерты в память Абуткова. При этом латиноамериканцы предлагали приехать на свои средства. Но ни одного ответа так и не получили. Лишь Ульяновский государственный университет откликнулся на их письмо, и то через два с половиной года. В голосе жизнерадостного, энергичного энтузиаста-исследователя явно чувствовались удивление и горечь.

А вот краеведы, журналисты и все, кто пришёл на встречу с ним, удивлены, увы, не были. Остаётся только радоваться тому, что в аргентинской глубинке, где творил и приобщал детей к искусству симбирянин Абутков, до сих пор его помнят, уважают память о нём и ухаживают за его могилой.

Справка

Ульяновский государственный симфонический оркестр (первый художественный руководитель и главный дирижёр – Эдуард Серов) создан в 1968 году.

Факультет культуры и искусства УлГУ, реализующий программу высшего музыкального образования, – в 1996 году.

Лилия Янушевская

Здание Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге

Российская национальная библиотека была основана в Санкт-Петербурге в мае 1795 года высочайшим повелением императрицы Екатерины II. Императорская публичная до 1917 года, с 1932 она носила имя М.Е. Салтыкова-Щедрина и была одной из первых публичных библиотек в Восточной Европе. А сегодня остаётся в числе крупнейших в мире.

За всё время её существования библиотечные фонды лишь дважды покидали северную столицу: первый раз – в 1812 году, спасаясь от нашествия Наполеона, и вторично – в 1941 году, когда наиболее ценные фонды в сопровождении сотрудников Публички были вывезены из Ленинграда. Часть из них оказалась в Мелекесе, где в течение всей войны и размещался один из так называемых филиалов библиотеки.

В 2005 году, к 60-летию Победы, в Петербурге вышла книга «Публичная библиотека в годы войны, 1941–1945», в которой среди прочего опубликованы воспоминания сотрудниц Мелекесского филиала об их жизни в этом тогда небольшом провинциальном городке. Это как бы взгляд со стороны, взгляд почти иностранцев, попавших в чужую страну, взгляд людей, оказавшихся в абсолютно непривычной, во многом чуждой для них обстановке, однако вынуждаемых обстоятельствами приспособляться к ней. В то же время эти записки рисуют довольно подробную, далеко не всегда радужную картину военной жизни в глубоком тылу.

Чужая страна Мелекесс и её жители мелекесеяне

Из доклада заведующей Мелекесским филиалом Ц.А. Озерской, прочитанного ею после возвращения в Ленинград 9 января 1946 года на специальном заседании Кабинета библиотековедения.

«31 июля эшелон прибыл в Мелекесс. Это был небольшой районный центр, насчитывавший около 36 тыс. жителей. В городе – почти исключительно деревянные одноэтажные постройки, немощёные улицы, очень небольшое количество воды (Мелекесс стоит на небольшой речке). Из учебных заведений в городе был один учительский институт, один техникум и несколько средних школ.

Когда мы обратились к городским властям, уже знавшим о нашем прибытии, они предложили нам ехать дальше. Мы не согласились с этим, связались с Москвой и стали подыскивать подходящее место для размещения наших ценностей. Это было трудно ещё и потому, что в городе почти отсутствовали казённые постройки. В конце концов, мы подыскали три помещения: Дом пионеров, Дом учителя и учительский институт. Городская администрация согласилась передать нам их, поскольку пришло указание Наркомпроса.

13 августа эвакуированные материалы были размещены в указанных зданиях. Их перевозили 11 дней, на подводах, запряжённых волами и лошадьми.

Каждую подводу сопровождал один из наших сотрудников. Жители города удивлялись, что ящики с книгами имеют сопровождающих. Ведь это же не ценности – не мыло, не конфеты.

Затем встал вопрос об охране зданий. С этой целью были выделены сотрудники библиотеки, которые несли круглосуточные дежурства. Кроме того, была организована сторожевая охрана из членов артели инвалидов. Эта охрана нас не устраивала. Только в мае 1943 года удалось получить военизированную охрану НКВД.

Главной задачей филиала была определена сохранность фонда. Этой работой сотрудники в основном и занимались – проводя сверку, очищая фолианты от плесени, реставрируя их... Но не только. По материалам библиотеки были организованы две большие выставки: в 1941 году по теме «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма» и в 1942 – «Великий русский народ в борьбе за свою Родину» и целый ряд малых. Все они, по утверждению Озерской, имели для города большое культурно-просветительское значение. Выставки посетило около полутора тысяч человек. А ещё сотрудницы «публички» помогали в организации работы местных коллегам, читали лекции. Интересно мемуары ещё и тем, что рисуют внешний облик города тех лет, от которого сегодня мало что осталось.

Из воспоминаний сотрудниц библиотеки сестёр Марии Александровны и Елизаветы Александровны Садовых.

Город

«В центре города красивый тёмно-красный кирпичный Собор во имя Александра Невского, теперь занятый под склады, построенный в 1893 году. С его высокой стройной колокольни рука недремлющего сторожа отбивает быстро бегущие часы нашей жизни. Это единственные часы, обслуживающие весь город. Архитектор, строивший собор, построил его очень удачно. Он отовсюду виден и служит для жителей своего рода компасом, с помощью которого легко ориентироваться. Куда бы вы ни пошли, высокая стрельчатая колокольня чётко выделяется на чётком небе.

Планировка улиц очень стройная и простая, разобраться в ней нетрудно.

В центре города сосредоточены главные здания: суда, милиции, горисполкома, дома пионеров, гостиницы и др. Это типичные одно- и двухэтажные каменные здания. В городе нет зданий в три этажа, за исключением лишь Учительского института, находящегося на Горке, Крупозавода, Главмуки в пять с половиной этажей, высокого элеватора за городом и электростанции.

Преобладают дома-избы: «шатровые» и дома «связи», т. е. с четырьмя скатами и с двумя, три-пять окон

выходят на улицу. Окна и двери украшены примитивной резьбой. Крылечки разных фасонов – с навесами и без них, с перильцами или просто с площадкой. Скамьи около домов – редкое явление. Крылечки являются своего рода «гостиной», где собираются покалякать в летние вечера хозяйки и молодёжь. Чаше на окраинах, а иногда и в центре попадаются домики и лачуги в два и даже в одно окошечко.

Внутреннее расположение комнат почти во всех домах одинаковое: через крылечко вы попадаете на галерейку, входите в избу, кухню, построенную прочно, основательно, с большой русской печью и «голландкой». Прямо из кухни, через коридорчик вы попадаете на парадную половину, которая обычно разделена на три части: главная комната – передняя в 2–3 окна, выходящая на улицу, с занавесками, цветами на тумбочках, с парадной постелью и горой подушек, положенных наискось; одна или две комнатки по бокам в одно окно. Эти две-три комнаты разделены дверями, но обычнее – занавесками...

Везде имеются двойные рамы, но форточек нет. Сырость на стенах, плесень, даже снег на плитусах обычны в помещениях, где несознательные «куированные» плохо отапливают свои комнаты. До войны, когда город был завален дровами, такая картина не наблюдалась: хозяева жили одни и топили вволю.

Нельзя обойти молчанием высокие заборы около домов и своеобразную

архитектуру мрачных высоких ворот с двумя большими столбами с покрытием грубой резьбой... Преобладающий строительный материал – дерево.

«Дом учителя» принадлежал купцу Коробову и выстроен в 1912–1919 годах. Наверху была его квартира, а в нижнем этаже был большой магазин железо-скобяных товаров. Он стоит на главной площади города. Это угловое каменное здание в два с половиной этажа, выходящее одной стороной на ул. III Интернационала, а другой – на Самарскую улицу.

«Дом пионеров» на площади Советов, № 5 – принадлежал купцу Бернгерберу, построен около 1912–1913 года. Это – двухэтажное (точнее, в два с половиной этажа) каменное здание с двумя входами – парадным и чёрным, с узенькой, почти перпендикулярной лестницей.

Местные

Во взаимоотношениях местного населения с эвакуированными совершенно отчётливо намечаются два периода.

Первый период – в течение 1941 года, 1942 года и даже 43-го, когда «мы» и «они» были две враждующие партии. Нас преследовали, издевались, не доверяли..., попрекали, учили и т. п.

Хозяева не верили тому, что большинство из нас бедняки, потерявшие в Ленинграде всё..., и жадно смотрели в руки, ожидая подачек в виде

Разгрузка фондов
эвакуированной из Ленинграда
Государственной библиотеки
им. М.Е. Салтыкова-Щедрина

серебряных ложек, кружев и т. п. вещей. Тыл, конечно, тоже страдал из-за того, что в государстве появился фронт, но они не пережили ужасов прифронтовой или, вернее, фронтовой полосы.

Наша хозяйка была одной из лучших, но и она ревниво относилась к получаемой мною тысяче. Трём вещам она не верила: тому, что мы не любим и не пьём водки, что мы действительно потеряли всё имущество в Ленинграде, кроме громоздких вещей (в этом случае мы должны были бы «голодать», по её мнению) и, в-третьих, мои пасьянсы по вечерам она неизменно принимала за гадание.

Повышение ставок с августа 1944 года (о чём хозяева иногда случайно узнавали) значительно повышало в их глазах нашу личную и общественную стоимость. Мы расставались с ними почти друзьями.

В городе царит беззастенчивый «блат», антисемитизм и воровство. Такие слова, как «муж сидит», «дочь отсидела», «сам вернулся из колонии» – самые обычные, житейские, «нестыдные» слова. Темнота, напоминающая времена Островского. Гадальки, ворожеи в большом почёте, и место их жительства хранится в тайне теми, кто обращается к их услугам и щедро их награждает.

Тяготы жизни

Жизнь в глухом городке с немощными улицами для нас, не имевших соответствующей обуви, была полна мучений. Весной и осенью не пройти на перекрёстках по Черемшанской, Безымённой и другим улицам. Озёра воды, озёра грязи, кучи рыхлого снега, ледяные кочки под водой.

Но самое жуткое в Мелекесе – это уборные. Общественные уборные – на базаре, при бане, в коммунальных домах, при школах, фабриках и т. д. – сплошная грязь и зараза. В частных домах – то же самое.

Для многих из нас очень тяжело было добывание воды вследствие

отсутствия водопровода. Воду приходилось носить из буровых колодцев, так называемых «бассеек», и шахтных колодцев. 14 «бассеек» раскинуто по городу, но их не хватает, т. к. они облуживают большие районы, часто выбывают из строя, иногда вода идёт медленной слабой струёй, у многих нет сил повернуть ручку. Эта работа доводила слабосильных до сердечных припадков. Тем, кто по состоянию здоровья или по возрасту не мог сам носить воду, приходилось нанимать, точнее, умолять носить за большую плату. Платили за полтора-два ведра в день от 60 до 100 рублей в месяц.

Дровяной вопрос – один из самых тяжёлых в нашей жизни.

Когда хозяева «нанимали» нас, эвакуированных (иначе трудно выразиться), они, прежде всего, определяли нашу дровяную состоятельность. Назначались обычно кубометров десять на зиму, сторговывались на пять – шесть. В зимний сезон 1942/43 года пять с половиной кубометров обходились в две с половиной, три тысячи рублей. Цена кубометра колебалась в разные годы в зависимости от погоды, качества дров и т. д. от 300 до 500 рублей плюс расколка слабосильным (пятьдесят–восемьдесят рублей) и доставка (по 100, 125 рублей за кубометр).

Тяжело переживая дороговизну дров и отсутствие достаточных средств на них, мы очень дорожили каждой веткой, сучком, кусочком сухой коры, чуркой, найденной в пыли мелекесских улиц или вдоль линии

железной дороги. Мы постоянно ходили с мешками и подбирали щепки, брошенные ребятишками или нерадивыми хозяевами.

Кто был помоложе и посильнее (или похрабрее), через день или через два ходил за Черемшан, с трудом удерживая равновесие на шатком, узеньком мостике, возникающем на летнее время, местами лишённом даже малоустойчивых перил. Возвращались с «того» берега с богатой добычей за спиной, ничем не отличаясь по своему запылённому и ободранному виду от местных бедняков.

Головные вши население не смущают. В солидных мешанских семьях осмотр голов обычное занятие у женщин. «Без вши не проживёшь». Таков взгляд на вошь, как на неотъемлемую принадлежность человеческой жизни у мелекесян.

Имеется одна дезинфекционная камера, но в неё не так-то легко попасть. Имеются две бани: городская и железнодорожная (для массы недоступная, так же, как и одна фабричная на Горке).

...Надо простоять много часов, чтобы вымыться. Кабинки для одежды донельзя тесны. Народ снимает с себя такую грязную одежду, что тебя охватывает дрожь. Баня постоянно останавливается (не хватает дров, сами служащие привозят подводы с дровами), народ терпеливо стоит у входа и ждёт, когда «откроют». Народ вообще любит баню, старается часто посещать её, хотя это очень дорогое удовольствие: за вход один рубль, но за стоимость мыла! В 1943 году –

180–250 рублей за кусок, в 1945-м – 90 рублей и дешевле (небольшие куски – по 20, 30 рублей).

Голод

В продолжении нескольких месяцев (до снятия нового урожая) многие из нас были накануне памятного дистрофического 1942 года в Ленинграде. Матери отчаянно взирали на своих похudevших детей, и изнемогавшие от голода ленинградцы в Мелекессе тащили на базар необходимые в хозяйстве вещи, в продаже которых впоследствии горячо себя упрекали.

Целый день не было хлеба. Обещали не раньше двенадцати, потом в два, четыре, наконец, обязательно в шесть. Вдруг, как всегда неожиданно, когда слишком долго и напряжённо чего-то ждёшь, слышится радостный голос: «Хлеб привезли!». Распахиваются двери, и появляются носилки с ещё неостывшим хлебом.

Прежде всего хлебодар старается наделить шоколадными глыбами зажавшихся детей, пожилых, далеко живущих. Хлеб действительно кажется по вкусу шоколадным тортом. Съедаешь ломоть и чувствуешь себя снова сильным. Ты сыт сейчас, сегодня! Неважно, что будет завтра.

Голодные жители собирали на полях перезимовавшие зёрна, мололи их и пекли лепешки и хлеб. Эти зёрна были причиной смертоносной болезни.

Большой заботой и мучением... была необходимость спускать за бесценок свои вещи на барахолке, т. к. зарплата решительно не хватало на самую скромную жизнь, пайки стали получать очень поздно.

Базар

По субботам и воскресеньям город оживает... По всем дорогам за худалье лошади и дородные коровы тащат телеги, нагруженные сеном, дровами, мешками с картофелем и другими овощами. Ещё больше тянется ручных тележек... Плетутся по улицам убого одетые «куированные» и горделиво выступают справно одетые мелекесские хозяйки, спешащие закупить продукты.

Около сарая расположены горшки и корчаги. Самое оживлённое место

всегда около киоска, где развешивается масло, и около картофеля и овощей... Всегда бойко идёт продажа семечек и табака. Табачники – обычно татары – сидят в одном углу, часто на корточках перед своими мешками с зеленоватым, коричневым или золотистым табаком.

Любимое, общедоступное лакомство (других во время войны нет) – это семечки: подсушенные тыквенные и подсолнечные. Такого массового истребления семечек мы нигде не видели. Они остроумно называются «Мелекесским разговором». Щёлкают и плюются решительно все.

Но все устремления мелекесян направлены к так называемой «барахолке», где разложены все богатства Мелекесса и приезжих из разных городов. Особенно хорошо идут старые, поношенные вещи: кацавейки, брюки, рубашки, куртки, обувь и т. д. На них набрасываются, главным образом, приезжие крестьяне. Они выворачивают из карманов нижних юбок или холщёвых мешков кучи грязных бумажек. Им постоянно требуются для работы старые куртки, холщевые штаны и т. д. Торг идёт бойко, с божбой.

Цены фантастические, но никого не пугают. И, как ни странно, но каждая вещь, побывав на базаре два-три раза, получает какую-то среднюю цену. На базар летят простыни, полотенца, посуда, золотые и серебряные вещи, у кого они ещё остались. Чемоданы опустошаются. В последующие месяцы ты уже ощущаешь отсутствие того или другого проданного предмета.

Кладбище

Темнота и грубость жителей, прежде всего, сказываются на их отношении к кладбищу, к тому месту, где лежат их предки и куда каждому из нас пути не заказаны.

До революции городское кладбище было одним из самых красивых мест города. Прекрасные высокие березы и сосны, дружно уживавшиеся между собой, дорожки, аллеи, цветники, красивые мраморные памятники. Теперь почти всё разрушено. Сохранились лишь сторожка и старинные ворота. Кладбищенская церковь разрушена. Летом 1944 года начали ставить изгородь, но почему-то бросили.

В 1945 году горкомхоз постановил обнести кладбище железной оградой, и, действительно, летом была сооружена прочная ограда. Эта мера, надо надеяться, охранит покой усопших, а то до сих пор кресты сваливались и ломались безжалостной ленивой рукой. Почему? На дрова. Леня дойти до леса, а он здесь же, неподалеку от линии железной дороги.

Конец войны

Утром в день 8 марта 1945 года на площади Советов появилась громадная географическая карта в деревянной раме. Яркая раскраска театра военных действий в Европе и большая часть справа, окрашенная в весёлый красный цвет нашего Союза, собрала громадную толпу, которая буквально замерла перед невиданным зрелищем. И с тех пор всегда около карты стоят 20–30 человек. Находится обычно словоохотливый «политик», который разглагольствует перед собравшейся толпой женщин с авоськами и ребятишек, которые набегают в один миг, внимательно слушают и отпускают весьма нелестные замечания по поводу «фрицев».

Эту карту поставил горком партии. Художники писали её под руководством В.И. Гранского. Красные шнуры указывали изменение фронта нашего и союзников, постоянно передвигались и неуклонно уменьшали расстояние до Берлина.

Когда произошёл разгром фашистской Германии и был объявлен мир, громадные толпы текли к карте, где линия фронта была снята, а над Берлином развевался маленький красный флажок. Какое было ликование в народе! Всё население с утра хлопотало, добывая драгоценную увеселительную влагу, гармонисты были спешно абонированы по разным учреждениям. День был холодный и хмурый, перепал дождь, но это не мешало людям веселиться. Посреди улицы Пушкина, на зелёной лужайке, были поставлены столы с едой и питьем. Угощение было устроено на паях, но мимо идущих тоже угощали, и все сообща кричали «Ура!».

Книгу читал

Владимир Миронов

Фото из фондов Димитровградского краеведческого музея

Военный юбилей И.А. Гончарова

Из сводки СОВИНФОРМБЮРО за 27 сентября 1941 года:

«В течение ночи на 27 сентября наши войска вели бои с противником на всём фронте.

По неполным данным, на подступах к Ленинграду за несколько последних дней уничтожено свыше 4 тысяч немецких солдат и офицеров, 66 вражеских самолётов, 34 танка, свыше 30 орудий, 30 пулемётов, 20 миномётов, до 100 автомашин, много винтовок, автоматов и боеприпасов. На одном из участков Ленинградского фронта противник пытался 25 сентября перейти в наступление, но был отброшен с большими для него потерями. На поле боя осталось более 200 трупов немецких солдат и офицеров.

Звено бомбардировщиков части майора Щеголевых совершило успешный налёт на аэродром противника. С высоты 700 метров звено подвергло бомбардировке около 50 немецких самолётов, находившихся на аэродроме. Уничтожено и повреждено более 20 самолётов типа «Хейнкель» и «Мессершмитт».

Авиация, действующая на Западном направлении фронта, уничтожила за 24 сентября на земле и в воздушных боях 30 немецких самолётов, разбомбила 65 танков, больше 220 автомашин, склад с горючим, разрушила 3 казармы и 2 ангара, подавила 10 зенитных установок и батарею, сожгла железнодорожный состав».

А в Ульяновске в большом зале Дворца книги прошёл литературно-художественный Гончаровский вечер, посвящённый 50-летию кончины писателя.

Иван Александрович Гончаров ушёл из жизни 15/27 сентября 1891 года в Петербурге, в своей квартире на Моховой. Эта смерть была воспринята как колоссальная потеря для русской и мировой культуры. Более ста газет и журналов по всей России поместили некрологи или статьи в память о великом писателе.

В сентябре 1941 года в Ульяновске на родине писателя готовились отметить 50-летие со дня смерти великого земляка.

Ещё 3 ноября 1939 года директор краеведческого музея Я.А. Королёв подал в президиум Ульяновского горсовета докладную записку, в которой писал: «По согласованию с музейным отделом Наркомпроса, Государственным литературным музеем и отделом Агитации и Пропаганды Горкома об организации комитета по подготовке и проведению 50-летия со дня смерти гениального романиста-писателя И.А. Гончарова прошу Вас утвердить Комитет в составе пяти членов: Т. Королёва Я.А. (Краеведческий музей), Лошкиной (Дворец книги), Бейс (Пед.институт) (вероятно, П.С. Бейсов.- И.С.), Мягченко (Пед.институт), Смирнов (Гос.архив), под председательством т.Королёва, секретаря Лошкиной». (орфография документа сохранена. – И.С.).

В январе 1940 года Я.А. Королёв направил заведующему Ульяновским горсоветом (копии в облоно и музейный отдел Наркомпроса) письмо, в котором сообщил, что на научно-методическом совете музея 2 января 1939 года было принято решение войти в соответствующие организации с ходатайством о присвоении Ульяновскому краеведческому музею имени И.А. Гончарова, «ибо здание выстроено на народные средства в честь увековечивания уроженца гор. Симбирска И.А. Гончарова, ...которому другого памятника на его родине не имеется». Предполагалось также «обратиться ко всем учреждениям и частным лицам с просьбой передачи нашему музею всех материалов (вещей, писем, книг и т. д.) имеющих музейно-

историческое значение, связанных с памятью и именем И.А. Гончарова».

В августе 1940 года новый директор краеведческого музея Афанасьев в письме на имя заведующего облоно тов. Чепурнова напоминает: «В 1941 г. исполнится 50 лет со дня смерти писателя И.А.Гончарова. На его родине в Ульяновске организован комитет по проведению вышеуказанного юбилея. В настоящее время развёрнута подготовка к проведению юбилея. При Ульяновском музее организуется постоянная комната И.А.Гончарова. Это будет единственный памятник писателю на его родине.

Центральные музеи нам помогают в сборе соответствующих материалов, связанных с жизнью и деятельностью писателя И.А.Гончарова. Музейный отдел Наркомпроса ещё 13/X – 1939 г. просил Облоно оказать нам в этом вопросе помощь и отпустить необходимые ассигнования для этой цели.

Убедительно прошу Вас не замедлить с разрешением этого вопроса, чтобы не сорвать подготовку такого важного мероприятия». В Решении исполкома Куйбышевского областного Совета депутатов трудящихся от декабря 1940 года (дата не указана) «О проведении пятидесятилетнего юбилея со дня смерти писателя Гончарова» было записано:

«1. Обязать Облоно совместно с Союзом советских писателей и общественными организациями создать областной комитет по проведению Гончаровского юбилея и наметить практические мероприятия по популяризации жизни и литературного наследия писателя.

2. Обязать Исполком Ульяновского горсовета не позднее апреля месяца 1941 года открыть при местном краеведческом музее отдел, посвящённый жизни и творчеству Гончарова.

3. Обязать Исполком Ульяновского горсовета изыскать средства на благоустройство Гончаровской беседки в селе Винновке и обеспечить её охрану как памятника культуры, связанного с творчеством Гончарова.

4. Просить Президиум Верховного Совета РСФСР присвоить Ульяновскому музею имя писателя Гончарова и построить на родине писателя в г. Ульяновске памятник.

5. Обязать Областное издательство ко дню юбилея издать брошюру «Гончаров в Симбирске».

6. Разрешить Облоно израсходовать 11.000 рублей на расходы, связанные с проведением юбилея Гончарова».

В соответствии с принятым решением был составлен «План работы Ульяновского комитета по подготовке и проведению пятидесятилетия со дня смерти И.А. Гончарова» из трёх разделов.

В организационной части предусматривалось:

«1. К 1 мая 1941 года закончить полное оборудование и оформление комнаты, посвящённой памяти И.А. Гончарова, в том числе приобрести бюст Гончарова и картины «Фрегат «Паллада» в океане», «Старый Симбирск» – вид с Венца, «Маршрутную карту плавания фрегата «Паллада». Отв. Ужинкина.

2. К 1 июня 1941 г. вывесить на Дом-памятник Гончарову мемориальную доску. Текст изготовить к 15/X – 1940 г. Отв. Афанасьев.

3. Произвести окраску ограды памятника-беседки Гончарова на «Обрыве» и озеленить площадку. Работу закончить к 15 июня 1941 г. Отв. Афанасьев.

4. Поставить вопрос перед Горсоветом и Облисполкомом о присвоении звания Ульяновскому музею, находящемуся в Доме-памятнике Гончарову, имени И.А. Гончарова. Отв. Афанасьев.

5. Организовать выезд в Репьёвку с целью выявления и оформления материала по вопросу пребывания в этом селе И.А. Гончарова. Отв. Ужинкина.

6. Командировать (пропуск в оригинале. – И.С.) в г. Москву с целью сбора материалов по Гончаровскому вопросу. Срок выполнения к 15 декабря 1940 г.

7. Организовать по предприятиям, учреждениям и учебным заведениям комиссии по подготовке и проведению Гончаровского юбилея».

К 15 мая 1941 года планировался выпуск брошюр: «Биография и творчество И.А. Гончарова», «И.А. Гончаров в Симбирске», «Автографы и библиотека Гончарова в Ульяновске», «И.А. Гончаров (портреты и рисунки)». Заниматься этим было поручено преподавателю пединститута П.С. Бейсову. Кроме того, к 1 мая 1941 года предлагалось организовать «выпуск фотокарточек Гончаровского материала с целью распространения среди населения», отпечатать в типографии афиши и программы проведения Гончаровского юбилея. За эту работу отвечала Ужинкина.

Предполагалось развернуть широкую агитационно-массовую работу. П.С. Бейсов в срок до 1 февраля 1941 г. должен был провести семинар докладчиков по вопросу «Жизнь и деятельность И.А. Гончарова», а Е. Ложкина – семинар беседчиков по тому же вопросу.

Н.Н. Смирнов должен был с июня по 15 сентября 1941 года организовать проведение лекций, докладов и бесед о Гончарове в учреждениях и на предприятиях города, а также в учебных заведениях, и организовать цикл радиолекций.

Е. Ложкиной поручалось опубликовать ряд статей о жизни и деятельности Гончарова в местной газете «Пролетарский путь» и в областной – «Волжская коммуна», а также с июля по 15 сентября 1941 года выпустить по предприятиям и учебным заведениям газеты, посвящённые Гончаровскому юбилею, а в библиотеках города организовать книжные выставки о творчестве писателя.

Также планировалось договориться с городским драмтеатром о включении в план работ подготовку театра к юбилею Гончарова.

Была составлена смета, где предусматривалось на оборудование гончаровской комнаты при Ульяновском музее потратить 4425 рублей, на издательскую работу 3362 руб. 96 коп., на проведение торжественного заседания (наём помещения в театре, оркестр, художественная часть, приглашение гостей, художественное оформление театра и музея) 3350 руб.

В 1941 году в центральной и местной прессе появился ряд публикаций ульяновских исследователей, предвещавших юбилей. Так, в «Литературной газете» за 20 апреля появилась статья Н. Варламова «На родине И.А. Гончарова», а в мартовском номере газеты «Пролетарский путь» – статья Е. Ложкиной «Дар И.А. Гончарова библиотеке».

Как видим, планы организаторов юбилея были очень серьёзны и обширны. Но началась война, и многое из намеченного осуществить не удалось. Тем не менее «День памяти И.А. Гончарова» всё же состоялся. 27 сентября 1941 года в 8 часов вечера в Большом зале Дворца книги прошёл литературно-художественный Гончаровский вечер, подготовленный сотрудниками Дворца совместно с кафедрой литературы пединститута. Доклад о жизни и творчестве И.А. Гончарова был сделан научным сотрудником пединститута А.Н. Руденко.

А 30 сентября в драматическом театре состоялась премьера спектакля «Обрыв», поставленного народным артистом БССР П.С. Молчановым. Оформил представление художник Я.В. Глинка. В спектакле были заняты лучшие актёры театра: заслуженный артист БССР П.И. Иванов в роли Марка Волохова, М.Д. Светлов – в роли Бориса Райского. Веру играла актриса Е.А. Горская, Татьяну Марковну Бережкову – актриса М.С. Марусина.

4 октября в газете «Пролетарский путь» появилась рецензия М. Маркова, в которой отмечалось: «Всякой похвалы заслуживает попытка театра ... подать зрителю спектакль, построенный на превосходном литературном материале романа нашего великого реалиста». Спектакль «Обрыв» вошёл в постоянный репертуар ульяновского театра.

В памятные дни в газете «Пролетарский путь» были опубликованы большие статьи Н. Варламова «Здесь родился Гончаров» и Т. Баймут «И.А. Гончаров (к 50-летию со дня смерти писателя)».

Традицию отмечать Дни памяти И.А. Гончарова возродили сотрудники созданного в Ульяновске музея И.А. Гончарова. С 1990 года они проводятся ежегодно и собирают в стенах музея всех, кому дорого имя великого писателя (на фото).

Ирина Смирнова,
заведующая

Историко-мемориальным
центром-музеем И.А. Гончарова

P.S.

Кстати, в 1918 году Гончаровскую улицу переименовали в улицу К. Маркса. Это имя она и носила больше двадцати лет, пока в траурные гончаровские дни 1941 года ей не вернули прежнее название. А в честь основоположника коммунизма называли бывшую Дворцовую, которая после революции стала улицей имени Лассалья – сподвижника Маркса и Энгельса.

Человек, спасавший историю

А.Н. Блохинцев ведёт телепередачу, посвящённую 170-летию И.А. Гончарова. Июль, 1982 год

«По рассказам мамы, 7(20) марта 1912 года в шесть часов утра родился я. Отец тут же послал нарочного в Ждамирово с известием, что у него родился сын. Моё рождение оказалось заметным событием в семье настолько, что даже нарочного посылали», – с иронией писал в своих воспоминаниях почётный гражданин Ульяновской области Александр Николаевич Блохинцев. Между тем далеко не каждый день приходят в этот мир люди, успевающие столько сделать для сохранения истории нашего края, сколько сделал Александр Николаевич. Его имя ульяновские краеведы ставят в один ряд с именами Павла Любимовича Мартынова и Капитона Ивановича Невоструева.

Родился Саша в селе Иваново Алатырского уезда Симбирской губернии в многодетной, небогатой семье Николая Николаевича и Евгении Иосифовны Блохинцевых. У них даже не было постоянного жилья, поэтому приходилось снимать дом. В 1914 году перебрались в Алатырь, где тоже жили на квартирах. Отец умер, когда Александру было 8 лет.

В школьные годы А. Блохинцев хотел стать художником и брал частные уроки живописи, однако поступить в Пензенское художественное училище ему не удалось. «Специального образования художника мой отец так и не получил, но тяга к рисованию у него осталась на всю жизнь», – рассказала дочь краеведа Ирина Александровна Блохинцева.

Александр Николаевич окончил химико-технологический техникум в

Соликамске, работал на Березняковском комбинате, отслужил срочную и сверхсрочную службу в армии. Потом работал по найму художником в воинских частях Ленинграда. К тому времени он уже женился. Однако не только работа и семья занимали его личное время. Оказавшись в одном из красивейших городов мира, Александр Николаевич старался повышать свой культурный уровень – ходил в кружок ДК Красной Армии, затем Выборгского ДК, посещал университет выходного дня, побывал во всех музеях Северной Пальмиры, слушал лекции искусствоведов.

Когда началась война, А. Блохинцев остался защищать город. Он награждён орденами: Отечественной войны 2-й степени, двумя – Красной Звезды, и 14-ю медалями.

Демобилизовавшись в 1958 году, вернулся к семье, на родину жены в

Ульяновск, где устроился художником в мастерские Художественного фонда РСФСР (областное отделение которого позднее возглавил) и стал организатором лекций в обществе «Знание». Именно там он тесно сошёлся с ульяновскими учёными, писателями, краеведами. В этот период Блохинцев досконально изучил историю города, ввёл в краеведение имена многих наших земляков.

В 1962 году Блохинцеву предложили возглавить городское экскурсионное бюро. Основательно изучив новое для города дело, он поставил его на научную основу и вывел на высокий уровень: основал курсы по подготовке экскурсоводов, разработал новые маршруты и способствовал превращению Ульяновска в крупный туристический центр, заметно выделявшийся на фоне других поволжских городов.

Мать А.Н. Блохинцева

Отец А.Н. Блохинцева

Студенты химико-технологического техникума А. Блохинцев и К. Давыдов. Апрель 1932 года

По легенде, Пушкинская ель была посажена рукой великого русского поэта и её раздвоенная верхушка символизировала дружбу Александра Пушкина и Николая Языкова. Специальная биологическая экспертиза по просьбе Блохинцева определила возраст дерева. В то время, когда Пушкин был в Языкове, ель росла здесь уже 63 года.

А.Н. Блохинцев ведёт экскурсию у Пушкинской ели. 2 июня 1974 года

Фото Сергея Ойклина

А.Н. Блохинцев у портрета Н.П. Огарёва, написанного им для Огарёвских дней в с. Проломиха

Устроитель праздников

Александра Николаевича всегда отличала одна особенность – на ту же историю он умел взглянуть нетрадиционно. Казалось бы, к моменту его приезда в Ульяновск дела с краеведением в области обстояли не так уж плохо: работали научные сотрудники музеев, по случаю знаменательных дат проводились торжественные собрания. В общем, всё как везде.

Ставший к тому времени заместителем председателя областного отделения Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры, А.Н. Блохинцев мог бы спокойно почитать на лаврах. Но не стал и придумал праздник. Да не какой-нибудь, а Пушкинский. Идея возникла во время поездки в Языково, когда краевед был очарован красотой здешнего парка: «Я много слышал от художника Ивана Васильевича Лежнина о его красоте, но когда сам попал туда весной 1967 года, цветущие кусты сирени и зеркала прудов потрясли меня. Я пожалел, что это историческое место никак не используется, а ведь пример-то уже был – Михайловское», – вспоминал он.

Однако сначала инициатива поддержки не получила: «Какой такой Пушкинский в Ульяновской области? – недоумевали в “инстанциях”. – У нас же не Болдино!» Но Александр Николаевич не отступал. Нашёл единомышленников и стал воплощать свой замысел в жизнь.

15 июня 1969 года состоялся первый Пушкинский праздник. Экскурсию по усадьбе Языковых вёл сам организатор торжеств. С тех пор Дни поэзии в Карсунском районе стали традицией.

Затем Блохинцев предложил организовать Огарёвские дни в Проломихе (1973), Ивашевские дни в Ундорах (1975). Александр Николаевич сам написал портреты героев учреждённых по его инициативе праздников, делал выставки из фондов, организовывал концерты артистов областной филармонии, лекции.

Продолжил традиционные областные массовые мероприятия, задуманные Блохинцевым, первый Гончаровский праздник в Винновской роще, состоявшийся 17 июня 1979 года.

Итог: за десять лет Александр Николаевич придумал и ввёл в культурно-историческую жизнь края четыре ежегодных праздника, два из которых с размахом отмечаются до сих пор. Возможно, за прошедшие десятилетия они несколько устарели и требуют изменений, отвечающих реалиям времени, а также дополнительных финансовых вложений. Тем не менее, каждый год тысячи людей получают замечательный повод вспомнить о гениях отечественной культуры, обратиться к их творчеству, ставшему украшением русской и мировой литературы, почувствовать гордость за землю, которая рождает такие таланты.

Прежде всего – работа

В июле 1981 года Александру Николаевичу предложили вести на местном телевидении передачу «Беседы о родном крае». Он с радостью согласился – популяризация краеведческих знаний всегда стояла для него на первом месте.

Открывала цикл передача, посвящённая истории основания Симбирска Богданом Хитрово. Массивные подвесники и гусиные перья на столе в студии создавали особую атмосферу. Получасовые программы пришлись по душе ульяновцам, и поэтому передача прожила в эфире семь лет.

Кроме того, из-под пера А.Н. Блохинцева вышло более ста газетных и журнальных публикаций, посвящённых истории края. А его книга «И жизни след оставили своей...» давно уже стала библиографической редкостью, раздобыть которую среди краеведов считается большой удачей.

«Помню, как Александр Николаевич, получив из типографии первые экземпляры своей книги, пришёл на телевидение для записи очередной своей программы и очень волновался из-за опечаток, допущенных в первом

издании, – вспоминает журналист Лидия Александровна Берч, работавшая в 1980-е на ульяновском телевидении. – Он подарил мне тогда одну с дарственной надписью. Этот подарок я до сих пор бережно храню. Так же хранятся и микрофонные папки (точное воспроизведение текстов, когда-либо выходивших в эфир в те годы) на ГТРК “Волга”. Я низко кланяюсь тому поколению краеведов, оставивших нам огромное наследство, которым мы пользуемся до сих пор».

«Чтобы написать книгу, надо знать, о чём писать», – любил говорить Блохинцев.

«Александр Николаевич в своих работах всегда был абсолютно точен, его данные можно не проверять. Мы обязаны ему возрождённой и укрепленной в научной литературе памяти. Он был великолепным рассказчиком. Никакого снобизма. Приятный, доступный, увлечённый», – вспоминает заведующая отделом истории Ульяновского областного краеведческого музея Валерия Игоревна Лосева.

Многие из знавших Блохинцева отмечали дотошность и самозабвенную любовь к делу, которым он занимался. Не жалея нервов, ходил по кабинетам разных начальников, борясь за сохранение культурного наследия. К сожалению, не всё ему удалось отстоять. Зачастую исторические памятники приносились в жертву сиюминутным политическим соображениям и нуждам «текущего момента». Среди потерь, которые тяжело переживал Александр Николаевич, – навсегда утраченный губернаторский дом, остатки ворот языковского особняка, простоявшие 170 лет и уничтоженные во второй половине 1980-х вопреки закону об охране и содержании памятников истории и культуры. Однако сохранился Карамзинский сквер, который хотели выкорчевать, мотивируя тем, что кусты сирени скрывают памятник и мешают обозрению скульптуры.

Борьба эта была тихой и для сторонних почти незамечной – Блохинцев не любил шумихи или, как бы сейчас сказали, – пиара.

«В те годы ему удавалось что-то спасти именем Ленина, идеалами революции. Сейчас всем правят деньги, но он бы нашёл, как сохранить и защитить», – уверен главный специалист отдела использования и публикации документов Государственного архива Ульяновской области Антон Шабалкин.

Фото из архива Ирины Александровны Блохинцевой

«И у меня была своя музыка...» – писал наш великий земляк, романист Иван Александрович Гончаров, отводя ей значительное место на страницах своих произведений. Помните, что помогло барину-лежебоке Илье Обломову влюбиться в Ольгу Ильинскую? Музыка!

Чтобы погрузиться в атмосферу разных эпох, снова отправляемся в хранилище областного краеведческого музея. На сей раз разговор пойдёт о «приспособлениях или предметах, касающихся звукоизвлечения, звуковоспроизведения, звукозаписи или звукопередачи». И XIX век наш экскурс не ограничится.

– Известно, что всё живое и неживое издаёт звуки, – рассказывает Галина Иванушкина, заведующая сектором хранения фонда Ульяновского областного краеведческого музея. – Но только человек обладает речью – казалось бы, высшей функцией по передаче информации. Однако люди придумали ещё и пение, и мелодию, в которых есть «главная прелесть и очарование искусства звуков», по словам критика и музыканта Серова. Но как это очарование зафиксировать? Со временем люди научились делать и это. В результате появилось множество «звуковых» инструментов.

Пыль времён

Например, есть в фондах музея старинная фисгармония. Не случайно её название созвучно с гармошкой – они «родственники». С другой стороны, фисгармония находится в ближайшем родстве с королём всех музыкальных инструментов – органом. Орган, правда, гораздо старше. Фисгармонии же появились относительно поздно – в 10-е годы XIX века. Это духовой и клавишный инструмент, но... с мехами. Звуки извлекаются колебаниями металлических язычков, приводимых в движение струёй воздуха, которая накачивается двумя ножными педалями.

– К нам немецкая фисгармония XIX века, отделанная красным деревом, поступила от одной из жительниц центральной части города в 1976 году, – рассказывает Г. Иванушкина. – К сожалению, точных данных о происхождении этого экспоната у нас нет. Можно только предполагать,

Граммофон

Фото Сергея Ойкина

Голоса истории

что инструмент этот после Второй мировой войны привезён из Германии как трофей, а может быть, он стоял в доме кого-то из симбирских дворян и передан музеем потомками настоящих хозяев.

Вообще-то фисгармония в позапрошлом веке предназначалась для домашнего музицирования. В закрытом виде, кстати, она похожа на обычный комод или письменный стол – массивная тумба с декоративными резными колоннами. На то, что это всё же музыкальный инструмент, указывает лишь наличие двух педалей внизу. Но откроешь крышку, и вот она – клавиатура, покрытая пылью времени.

Фабрика Шидмайера в Штутгарте, основанная в 1809 году, делала первоклассные фисгармонии. Однако на этом инструменте много десятилетий

никто не играл, и к нам он поступил неисправным. Чтобы вернуть ему голос, нужен специалист. Очень может быть, что звуки этой фисгармонии ещё заструятся под сводами музея.

Пианола «от Михалкова»

Музыкальные инструменты требуют нотной грамотности или хорошего слуха. И то, и другое не всем дано. Но по мере развития цивилизации человек сумел-таки придумать приспособления, которые позволили приобщиться к музыке буквально каждому, даже тем, кто не обладает необходимыми талантами. Вспоминается фильм Никиты Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино», в котором вполне обыкновенное с виду пианино оснащено

Пателефон

целой системой, обеспечивающей автоматическое звукоизвлечение.

В краеведческом музее тоже есть такая пианоло, сделанная в позапрошлом веке в США, в Нью-Йорке. Она снабжена молоточками, их приводит в движение пневматический механизм, и они ударяют по соответствующим фортепианным клавишам. Экспонат поступил в музей в 1974 году из Ульяновска, а кроме него ещё 99 бобин нот. Это бумажные перфорированные валики, с которых пианоло «читает» музыку. Наш инструмент вполне мог стоять в каком-нибудь дворянском доме в Симбирске.

Механическое пианино было чрезвычайно популярно в конце XIX – начале XX веков, но с появлением граммофона пианолы постепенно вышли из широкого употребления.

Гость «из Островского»

– У нас есть и маленькая родственница пианолы – музыкальный ящик, который назывался мелодион, или музыкальная табакерка, – рассказывает Галина Борисовна. – Звуки в ней рождаются от того, что маленькие штифтики вращающегося вала цепляют зубцы стальной гребёнки, и они, дрожа, рождают мелодию. Если его завести, наш мелодион заиграет что-то детское, волшебное и сказочное (я сам слушал, это удивительно. – Авт.). Сменишь валик, и музыка будет другой.

С одной стороны табакерки – ручка для завода пружины, а с другой – приспособление, которое отпускает механизм. Такие «музыкальные шкатулки» могли стоять в дворянских

Граммифон с цитрой

домах – конечно, не в крестьянских и рабочих, даже, наверное, не в мещанских. Очень возможно, что мелодионы – как раз из той жизни, которую так любил описывать драматург Островский: Замоскворечье, разнородный купеческий быт, чаепитие. По крайней мере, такая ассоциация напрашивается. Быть может, музыка нашего мелодина заслушалась какой-нибудь симбирский купец. К нам этот экспонат поступил в 1993 году из Ульяновска. Произведён он был в Западной Европе, в Германии.

Трубы и диски

Но жизнь не стоит на месте. И вот уже появляется целая группа устройств, которые могут не только исполнять музыку, но и записывать её. В 1877 году Томас Эдисон изобретает первый фонограф, когда звуковые колебания через механические впервые переводились на валик. Ещё через десять лет, в 1887 году, на основе фонографа немецким изобретателем Берлинером впервые представлены граммофон и пластинки. При вращении её посредством пружинного механизма граммофонная игла движется по спирали диска и вызывает соответствующие колебания вибрирующей пластинки. Основное преимущество граммофона над фонографом – попеременная запись, обеспечивающая снижение искажений в десятки раз, и более громкий звук. Вкупе с лёгкостью тиражирования записей это обеспечило быструю победу граммофона.

Очень интересные трансформации претерпели граммофонные диски.

Музыкальная шкатулка мелодион

У Эдисона валики изготавливались из воска. А Берлинер придумал цинковый круг. Появились проблемы с иглами из стали, которые часто выходили из строя. Сначала запись велась только на одной стороне пластинки, поэтому опера «Пиковая дама», к примеру, была записана на 22 дисках. Позже придумали запись на двух сторонах... В коллекции музея есть четыре граммофона с характерными и хорошо узнаваемыми усиливающими трубами, которые также переданы нам жителями города. Рупоры у них разного цвета, разной отделки – под всевозможные интерьеры. Сами ящики – попроще и украшены причудливой резьбой, тоже различной стоимости.

Сначала граммофоны пропагандировали, как всё новое, и использовали даже в учебных целях. В России первые экземпляры появились в 1897 году, а в начале XX века в употреблении находилось 500 тысяч аппаратов. К 1915 же году до 20 миллионов экземпляров в год производили 6 фабрик. Вслед за цинковой была изобретена шеллаковая, колкая пластинка, и в нашей коллекции такие тоже есть – с записями русского и иностранного производства, с песнями и даже с оперными ариями начала прошлого столетия. Изображение собаки с граммофоном вскоре стало торговой маркой фирмы Берлинера. Но были и другие логотипы изготовителей – например, играющий амур. Звук граммофона невозможно спутать ни с каким другим – он очень характерный, знакомый нам по фильмам, шипящий и потрескивающий. Это тоже голос своего времени. Вещи вообще живут дольше, чем люди. Тех, кто слушал эти пластинки, уже давно нет, а диски целы и ещё могут нас радовать своим звучанием.

Есть в коллекции и необычный граммофон... без трубы. Вместо неё в таком аппарате использовался струнный резонатор – цитра. Её струны расположены у выхода из раструба

Фисгармония

Гармонь – одно из последних поступлений в музей

Внимание: говорит Москва!

и вибрируют от звука. Каждая струна отзывается на звук «своей» ноты, усиливая его. Аппарат заключён в специальный шкаф, выполненный в стиле «модерн», где есть отделения для пластинок.

Пик популярности граммофона пришёлся на предреволюционное время. Совсем небольшой отрезок времени! А дальше – революция, гражданская война – вроде бы не до музыки людям стало. И всё равно мы вспоминаем музыкальную комедию «Свадьба в Малиновке», где Попандопуло открывал рот под запись голоса певицы, который шёл как раз из граммофона.

Музыка войны

В 1907 году фирма «Патэ» представляет патефон, или портативный граммофон, как сказали бы сегодня, в котором рупор гораздо компактнее и находится внутри корпуса, а сам аппарат скомпонован в виде чемоданчика и переносится в застёгнутом виде за специальную ручку. Название «патефон» получило распространение только в России (позже СССР) и происходит от названия фирмы-производителя. Эти аппараты также были механическими – чтобы завести пружину, приходилось крутить специальную ручку. Распространены были патефоны в 30–40-е годы прошлого века. Но и в 50-х годах их ещё можно было встретить в нашей стране: сразу вспоминается лента «Москва слезам не верит» и патефоны на окнах, играющие для всего двора песни Шульженко и Бернеса. Хотя более всего патефоны ассоциируются у нас с военным временем.

Запись на граммофонные пластинки производилась иначе, нежели на патефонные, и игрались они изнутри к краю, а не наоборот. Поэтому патефонные пластинки вполне можно прослушать на современных проигрывателях виниловых дисков, а граммофонные – нет. Одного завода патефонной пружины

хватало на проигрывание одной, реже – двух сторон пластинки (78 оборотов в минуту или около 3 минут на одну сторону). Громкость патефона велика, однако качество звука обычно было невысоким: хриплым, визгливым, с сильными искажениями. Его качество зависело от изношенности иглы. В музейной коллекции есть несколько патефонов, и все они – действующие.

По следам времени...

Следующий шаг развития музыкальных устройств, конечно, связан с электричеством. Вслед за патефонами появляются первые электрофоны, или радиограммофоны, как их поначалу называют. В Европе и США – до войны, а в СССР – только в 50-е годы прошлого века. В музейной коллекции есть несколько радиол того времени, когда проигрыватель и радиоприёмник выпускались в одном корпусе. Термин «радиола» в русском языке, по всей видимости, возник в связи с попаданием в СССР партии аппаратов, сочетающих радиоприёмник с электрофоном, выпущенных под товарным знаком «Radiola» (как патефон – от «Патэ»). «Золотая эра» радиол пришлась на 1940–1970 годы. Это объясняется тем, что ламповые радиоприёмники тех лет имели крупногабаритный корпус, позволяющий без дополнительных затрат размещать электропроигрывающее устройство. В середине 1970-х годов, в связи с широким применением полупроводниковых приборов и распространением компактных транзисторных радиоприёмников, популярность радиол стала падать. Они уступили место другим комбинированным устройствам – магнитолам с компакт-кассетами, а позже – комбинированным устройствам, содержащим проигрыватель оптических дисков или цифровой проигрыватель. Прогресс зашёл так далеко, что уже трудно поверить:

все звуковоспроизводящие технологии поначалу развивались параллельно, и первые эксперименты с магнитофонной лентой стали проводиться... ещё в конце XIX века! Люди никогда не шли по одному пути фиксации звуков, просто в разные моменты времени та или иная технология брала верх над другими.

А ведь параллельно с желанием записать звук человечество мечтало передать его на как можно большее расстояние – в эфир, то есть транслировать. Так появилось радио. В коллекции есть и такие устройства – знаменитые «тарелки» времён войны, возле которых в ожидании новостей с фронтов замирала вся страна, есть и первые ламповые приёмники. Музей уже собирает и образцы старых советских телевизоров, и магнитофонов, и видео – всё это тоже быстро становится историей, и молодое поколение таких вещей уже не знает, поэтому нуждается в специальном показе. Эти устройства ещё работают, и какому-то из них выпадает счастье попасть в музейную экспозицию.

...Если мы не можем поговорить с теми, кого с нами уже нет, можно прислушаться к голосу самой эпохи. По ходу технического прогресса, начиная с конца XIX века, человек, к счастью, научился звукозаписи. А если не сохранилось и её, в соответствующую обстановку нас всегда способна перенести живая музыка. Вот она – самая настоящая машина времени, не ограниченная какими-либо рамками предметной условности!

Александр Филатов

Фото автора

Кони и Гончаров

Юрист, общественный деятель и литератор Анатолий Фёдорович Кони родился 28 января (9 февраля) 1844 года в Петербурге. В 1865 году окончил юридический факультет Московского университета. В 1890 стал доктором права. Почётный член Московского университета, почётный академик Петербургской академии наук, член Государственного совета, член законодательной комиссии по подготовке многочисленных законов и положений, член и председатель Петербургского юридического общества. После революции 1917 года Кони продолжал литературную и преподавательскую работу: с 1918 по 1922 годы был профессором уголовного судопроизводства в Петроградском университете, выступал с лекциями в научных, общественных, творческих организациях и культурно-просветительных учреждениях.

А.Ф. Кони вошёл в отечественную историю и как талантливый литератор, почётный академик Пушкинского отделения изящной словесности Петербургской академии наук.

Он был близким другом, корреспондентом и душеприказчиком великого русского писателя-симбирянина И.А. Гончарова, автором воспоминаний о нём.

С И.А. Гончаровым дружил отец Анатолия Фёдоровича – писатель и историк театра Фёдор Алексеевич Кони. Сам А.Ф. Кони впервые встретился с И.А. Гончаровым в 1855 году после его возвращения из кругосветного путешествия. С начала 70-х годов XIX века и до последнего дня жизни Гончарова А.Ф. Кони стал для знаменитого писателя самым близким человеком.

А.Ф. Кони принял самое активное участие в торжествах, посвящённых 100-летию И.А. Гончарова в Симбирске.

По этому поводу он 4 июня 1912 года прибыл в Симбирск по Волге на двухпалубном колёсном пароходе.

5 июня в час дня он участвовал в торжественной панихиде по И.А. Гончарову в Воскресенском кафедральном соборе, а 6 июня – в торжественной закладке Дома-памятника И.А. Гончарову на Новом Венце. На отведённом городской управой участке в Николаевском саду была устроена площадка, убранная зеленью и флагами. Мероприятия начались в полдень. Перед началом молебствия симбирский архимандрит Назарий произнёс краткое слово

о И.А. Гончарове. Первые камни заложили в фундамент будущего музея арх. Назарий, А. Кони, В. Поливанов, А. Ключарёв, Л. Афанасьев и родственники писателя.

В этот же день произошло торжественное открытие выставки в память И.А. Гончарова в доме Дворянского собрания (ныне здание областной научной библиотеки им. В.И. Ленина). Выставка была организована Симбирской губернской учёной архивной комиссией (СГУАК). Для выставки А.Ф. Кони предоставил принадлежавшую Гончарову трость и другие вещи, которые хранил как личную память. В дар СГУАК Кони передал альбом писем, написанных ему Иваном Александровичем.

Затем здесь же состоялось торжественное заседание Симбирской губернской учёной архивной комиссии, на котором собралось до 300 человек. А.Ф. Кони выступил с обширным докладом «Иван Александрович Гончаров». После доклада А.Ф. Кони был единодушно принят в почётные члены СГУАК. Доклад вошёл в подготовленную комиссией брошюру «Столетие со дня рождения И.А. Гончарова. Юбилейные празднества в Симбирске», которая была отпечатана в типографии А.Т. Токарева в 1912 году.

«Торжество 6 июня в Симбирске было очень трогательно, внушительно и, к счастью, лишено всякой официальности условного хамства. Оно было вполне достойно памяти И.А. Гончарова. Моё приветствие

И.Е. Репин. Портрет А.Ф. Кони. 1898

и речь произвели весьма хорошее впечатление на симбиряно», – написал позднее Кони.

По окончании заседания А.Ф. Кони продолжил знакомство с городом и нанёс ряд визитов. Он встретился с чувашским просветителем И.Я. Яковлевым; губернским предводителем дворянства, председателем архивной комиссии В.Н. Поливановым и известным в Симбирске фабрикантом и меценатом Н.Я. Шатровым.

Через месяц после торжеств – 26 июля 1912 года на очередном, 68-м заседании Симбирской губернской учёной архивной комиссии было заслушано сообщение о передаче почётным академиком А.Ф. Кони в дар будущему Гончаровскому музею в г. Симбирске авторской рукописи И.А. Гончарова «Нарушение воли» – одного из последних произведений писателя. Архивная комиссия выразила жертвователю благодарность.

Выдающийся просветитель чувашского народа И.Я. Яковлев так описал свою встречу с Кони в г. Симбирске:

«...В 1912 году, в Симбирске во время «Гончаровских дней», связанных с памятью о писателе И.А. Гончарове, я возобновил моё знакомство с А.Ф. Кони, бывшим уже знаменитостью, сенатором, членом Государственного совета. Меня свёл с ним губернский предводитель дворянства Поливанов. Я был в торжественном публичном заседании Симбирской губернской учёной архивной комиссии, в зале Дворянского собрания, где Кони

«РУССКИЙ БУНТ» В ИМЕНИИ ГОНЧАРОВОЙ

События 1905–1907 годов, известные в историографии как первая русская революция, не обошли стороной и Симбирскую губернию. В фондах Ульяновского областного архива хранится множество судебных дел того периода, связанных с аграрными беспорядками в разных уездах. Один из таких эксцессов случился в ноябре-декабре 1905 года на хуторе Васильевском Беклемишевской волости Курмышского уезда Симбирской губернии.

«Бунт»

На хуторе Васильевском, что лежал в версте от деревни Васильевка и примерно в трёх от Елизаветинки, размещалась экономия Елизаветы Александровны Гончаровой – жены действительного тайного советника, члена Государственного совета, сенатора. Сама же Е.А. Гончарова постоянно проживала в Петербурге, по Литейной части, на Сергеевской улице в доме № 47. А хозяйство в имении вёл управляющий – крестьянин села Васильевка Михаил Васильевич Степанов. Ему и пришлось принять на себя удар революционной стихии, которую её участники называли «забастовкой».

Днём 24 ноября на хутор явились около шестидесяти крестьян из Елизаветинки и заявили Степанову, что отныне экономия должна принадлежать им. А раз так, то отсюда надо немедленно выгнать всех «посторонних» рабочих и служащих, заменив их своими, местными работниками. Управляющий спорить не стал, а тихонько сел на лошадь и помчался в село Болховское, где в это время по делам службы находился уездный полицейский исправник.

А в экономии меж тем страсти накалялись: на молотильне «бастующие» потребовали от работавшего там машиниста молотильного агрегата Александра Назарова немедленно прекратить работу, взять у управляющего расчёт и катиться на все четыре стороны. Иначе – убьют. Для убедительности один из крестьян – Николай Веселов – даже замахнулся на него стальным прутком. Однако машинист не испугался

и стопорить машину не стал. Тогда Веселов «заглушил» её сам, сунув в колёса свою железку.

Тем временем другие забастовщики – Иван Мурзаев, Никита Ку克林, Филипп Макшаев, Фёдор Генералов и Василий Большеносов – прогнали из молотильни остальных рабочих и оказавшегося там экономического ключника Василия Наумова, потребовав от него немедленно покинуть хутор, потому что наступила их «крестьянская воля, и они теперь всё заберут себе, а господ перевешают».

Меж тем на хутор пришла ещё одна толпа – крестьяне из Васильевки. Поэтому, когда управляющий Степанов вернулся в экономию, «бастующих» было уже около двух сотен. Они окружили его и, не церемонясь в выражениях, принялись выдвигать требования: во-первых, немедленно расчитать всех «посторонних» работников, заменив их местными – из Васильевки и Елизаветинки. Во-вторых, установить «оклады»: постоянным рабочим – по 30 руб. в зиму, подёнщикам – мужчинам по 50 копеек, женщинам – по 30 в день. Требования сопровождались бранью, а Веселов замахивался на Степанова палкой, однако так и не ударил. При этом некоторые всё ещё грозились убить ключника, и управляющий сумел спрятать его от греха подалее.

Постепенно страсти поостыли, эмоции улеглись, и толпа начала было расходиться, когда на хутор пожаловал исправник. С криками «Долой полицию!», «К чёрту полицию!» его тут же окружили. Из вновь взбурлившей крестьянской массы

произнёс речь, а также встретился с ним в Киндяковке, у Перси-Френч, где обедал с ним и провёл вечер, и у купца Н.Я. Шатрова, давшего в своём доме парадный обед в честь симбирского гостя. Кони на всех собраниях представлял из себя усталого, не производившего особого впечатления старика. После обеда у Шатрова я долго с ним беседовал. Он, между прочим, рассказывал мне о тюремном филантропе докторе Гаазе, о котором я ничего не знал, так как книги Кони, посвящённой Гаазу, до того не читал».

Воспоминания об А.Ф. Кони, относящиеся к этому же году, оставил известный юрист Б.С. Утевский (1887–1970). Он впервые встретился с А.Ф. Кони в 1912 году. «Его наружность навсегда запомнилась. Под высоким и широким лбом блестяли живые, глубоко запрятанные, полные ума и доброжелательности, чуть улыбающиеся глаза. Бритое лицо обрамляла серо-седая круглая борода, характерная для скандинавских моряков. Небольшого роста, плотный, тогда уже прихрамывавший, он двигался быстро и с чрезвычайной ловкостью взбирался по лесенке, которая стояла у стены, до потолка заполненной стеллажами с книгами. ... Когда я стал прощаться, Кони задержал меня, взобрался по лесенке почти до потолка, достал там какую-то книжку, быстро написал на ней несколько слов и вручил её мне. Книжка, вернее оттиск из журнала, называлась «О праве необходимой обороны». Она была напечатана в 1866 году в «Московских университетских известиях». Но только в 1924 году я узнал, что после опубликования этой работы царская цензура усмотрела в ней мысли, которые «положительно противны существующим законам». Противными закону цензура признала утверждение Кони о недопустимости необходимой обороны против незаконных действий правительственных властей. Цензура потребовала привлечения Кони к уголовной ответственности. Спасло его только то обстоятельство, что было напечатано лишь 50 оттисков его работ. Один из этих оттисков и подарил мне Кони».

Материалы подготовлены при содействии объединённой пресс-службы Ульяновского областного суда (Лидия Берч) и Государственного архива Ульяновской области (Галина Романова)

Павел Куликов призвал сельчан «сделать забастовку», а Фёдор Горбунов кричал, что земля должна перейти к крестьянам, а хозяев и управляющих — выгнать вон!

Однако полицейского этот напор не смутил. Более того, он сумел уговорами не только успокоить толпу, но и добился от её вожаков обещания не устраивать беспорядков. Хутор исправник покинул лишь после того, как страсти окончательно улеглись.

Видимо, желая закрепить успех, Степанов предложил «забастовщикам» водки. Но с условием: пить её они разойдутся по своим деревням. Однако эту часть соглашения выполнили лишь васьильевские. Елизаветинские же, не желая тратить драгоценное время на переходы, устроили пьянку прямо на «экономическом» гумне.

До кондиции дошли быстро. А дойдя, вспомнили, кто теперь здесь хозяин, и принялись грабить. Алексей Пьянзин, например, нагрузил сани овсяными снопами и увёз их к себе в амбар, несмотря на протесты хуторского старосты. Бывшие тут же Ефим Поляков, Андрей Годяйкин и Николай Девяткин обиделись на то, что господские прихвостни мешают их товарищу вершить социальную справедливость, обругали матерно старосту и двух сторожей, а потом погнались за ними, грозя повесить. Но не догнали.

Между тем Иван Корчагин, Гаврил Горбунов и Андрей Годяйкин под шумок сломали замки на амбаре и кладовой, разбили окно в кузнице, раставив обнаруженное там имущество. А их односельчане Спиридон Бондарев и Пётр Носов «экспроприировали» контору, где сорвали со стены и унесли... шкаф.

Всю ночь и весь следующий день «бунтари» по одному, по два тянулись в контору экономии, выпрашивая у Степанова денег и водки. Однако больше не буянили.

26 ноября экономия снова заработала. Места разбежавшихся и попрятавшихся «сторонних» работников заняли местные — васьильевские и елизаветинские, выбранные обществом по жребию. Руководили этой артелью Иван Корчагин, Павел Куликов и Илларион Сухов.

Чтобы как-то успокоить новые кадры и узаконить их труд, Степанов предложил отправить владелице име-

ния телеграмму с просьбой уважить ходатайство крестьян, официально утвердив статус-кво. Ответа ждали, спокойно работая и не «бастуя». Он пришёл 10 декабря. Просьба крестьян в нём была названа непонятной, а потому и не удовлетворённой. Это стало поводом для новых волнений.

Васьильевский староста Василий Салтаганов, а с ним Трофим Либуров, Степан Варастов и Иван Пискунов пришли на хутор, где потребовали от назначенных туда работников прекратить все работы. Затем староста пригрозил управляющему устроить новую забастовку: заставить его протопить господский дом, куда он, Салтаганов, соберёт всех сельских баб с детьми, и пускай Степанов их кормит, да ещё и деньги им платит. А его спутники, меж тем, грозили конюху Василию Корчагину избиением за то, что тот до сих пор не покинул хутор. При этом Либуров замахнулся на «чужака» дубиной, но другие крестьяне ударить не позволили. Этим первое декабрьское выступление ограничилось. Однако спокойствие было недолгим.

Уже 14 числа на хутор стали доходить тревожные слухи: якобы васьильевские готовят новую бучу. Поэтому, когда утром 18 числа Степанов услышал доносившийся из деревни набат, он решил больше не искушать судьбу и почёл за лучшее скрыться, приказав кучерам Василию Корчагину и Петру Носову запрягать повозку. Последний вместо этого вскочил верхом на лошадь и помчался в село с вестью о том, что управляющий собирается бежать. Однако перехватить его не успели — Корчагин увёз-таки Степанова в соседнюю Марьевку, где тот и отсиделся до 20 декабря. До того времени, когда хутор взяли под охрану казаки.

«Бунт» угас. Но был ли он бессмысленным? И уж тем более беспощадным? Конечно, нет. Хотя бы потому, что за месяц «забастовок» не только не пролилось ни капли крови ни с той, ни с другой стороны, но даже синяка никто на этом не «заработал». Да и требования крестьян были в общем-то разумными: обеспечить зимним заработком в первую очередь своих. Ни забирать у помещиков землю, ни вешать кого бы то ни было они, очевидно, тоже не собирались. Иначе, почему не отняли и не повесили?

И всё же относительно мирное течение «бунта» не уберегло их от ответственности. Во всяком случае, не всех.

Следствие

Если исходить из классических представлений о людоедской сущности русского самодержавия и стоявшего во главе него Николая Палкина (он же Николай Кровавый), участь гончаровских бунтарей ждала ужасная: в лучшем случае — каторга, в худшем — пресловутый «стольпинский галстук». Однако на самом деле всё обстояло куда как менее жестоко.

Первоначально к следствию были привлечены 169 человек, то есть практически все, кто приходил на хутор «бастовать». Однако постепенно число подозреваемых сокращалось. В конечном итоге от уголовной ответственности «за отсутствием состава преступления» были освобождены 140 из них. Таким образом, на скамью подсудимых попали лишь 29 наиболее активных участников беспорядков. При этом только 14 человек находились под стражей. Остальных до суда передали под надзор полиции. Это означало, что, свободно проживая в своих сёлах, они не могли покинуть пределы волости, поскольку для этого требовался паспорт, а полиция поднадзорным его не выдавала.

Из 29 подозреваемых виновными себя признали лишь трое: Алексей Пьянзин, Спиридон Бондарев и Пётр Пискунов. Первый признался в краже снопов, второй — шкафа из конторы, третий — трёх гусей. Все остальные, что называется, пошли в глухой отказ. Одни утверждали, что на хуторе в те дни вообще не были, другие твердили, будто их пригласил и угостил водкой сам управляющий Степанов, третьи бубнили, что ничего не помнят, поскольку были пьяными.

Однако при наличии огромного количества свидетелей утаить что-либо было проблематично. Именно показания многочисленных очевидцев и легли в основу обвинения. Благодаря им в ходе следствия удалось установить, что Ефим Девяткин был в числе главных крикунов в толпе, пришедших на хутор, что Константин Годяйкин и Семён Плевцев «наряжали» крестьян на забастовку и прочее.

Группа крестьян. Симбирская губерния.
Вторая половина XIX века.

Суд

Днём окончания следствия можно считать 15 апреля 1906 года – именно в это время в Симбирске был составлен обвинительный акт. А заседание Симбирского окружного суда по этому делу началось 31 мая в 9 часов 48 минут в городе Курмыше. Председательствовал на процессе В.И. Бармалеев, членами суда были Н.Ф. Соколов и П.И. Лебедев. Обвинение поддерживал товарищ прокурора Д.В. Волконский. Подсудимых защищали частные поверенные Ф.П. Пылаев и М.И. Лялин. В процессе участвовали сословные представители: кандидат Курмышского уездного дворянства А.П. Шипилов, временно исполняющий дела Курмышского городского старосты И.П. Ларионов и волостной старшина И.Г. Ковалёв.

Институт сословных представителей был введён в России в 1864 году «для участия в суждении дел о государственных преступлениях»,

ввиду того, что преступления этой категории, «прикрываясь ложной нужностью мнимого желания общественного блага, нередко не только не возбуждают, подобно другим преступлениям, отвращения в отдельных членах общества, но, наоборот, встречают сочувствие, а между тем они, как направленные против всего государства или верховной власти, гораздо важнее и опаснее всех других преступлений». Предполагалось, что высокое общественное положение судей «служило бы ручательством в строгом, но справедливом преследовании ими всякого злоумышления против верховной власти и установленного образа правления». Проще говоря, «сознательные» сословные представители должны были заменить «несознательных» присяжных при рассмотрении дел, о преступлениях против власти и порядка управления. Сословные представители наравне с постоянными членами суда участвовали как в решении вопросов

о виновности подсудимых, так и в определении меры наказания.

Казалось бы, при таком раскладе ничего хорошего подсудимым не светило. Однако не будем торопиться.

Допросив 34 свидетеля и выслушав стороны, суд вынес приговор.

Приговор

Его огласили 1 июня 1906 года. Из 29 подсудимых 12 человек... оправдали. Ещё пятеро, включая старосту Васильевки Салтаганова, признали виновными в совершении насильственных действий в отношении работников экономии и хищении имущества помещицы. При этом было отдельно отмечено, что хотя Салтаганов лично на хутор не приходил и в беспорядках не участвовал, но именно он явился подстрекателем к бунту, а крестьяне поддались его уговорам.

Оставшиеся 12 забастовщиков суд счёл виновными в участии «в публичном скопище» и в совершении этим «скопищем» насильственных действий, но не будучи «руководителями и подговорщиками».

Признав крестьян виновными, суд отмечал, что «...ввиду совершения подсудимыми преступления по их крайнему невежеству и незрелости, коими воспользовались другие для вовлечения их в это преступление», и поэтому счёл возможным смягчить наказание на две степени. В результате «забастовщики» были приговорены к лишению «всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ» и заключению в арестантское отделение на полтора года каждый. А те, кто не был зачинщиком, – на 8 месяцев.

Что же касается возмещения материального ущерба в сумме 2155 руб. 30 коп., который заявил поверенный Е.А. Гончаровой управляющий Степанов, то в удовлетворении его суд отказал, согласившись с доводами защитника Лялина, что указанная сумма ничем не подтверждена.

Приговор был обжалован в Правительствующем сенате, однако оснований для отмены вердикта там не нашли.

Вот так царские сапраны расправились с восставшим народом.

Владимир Миронов

По материалам
Ульяновского областного архива

В прошлом номере журнала мы начали листать страницы газеты «Симбирянин» столетней давности – за март 1912 года. А сегодня узнаем, о чём читали наши земляки в апреле-июне.

СИМБИРЯНИНЪ

27.04

В ночь на 26 апреля легковой извозчик Никифоров (№446), проезжая по Покровской улице, попал, вследствие царившей темноты, в глубокую яму, приготовленную для керосинокалильного фонаря. Ни пассажирка, ни сам Никифоров при этом не пострадали, лошадь же возницы сильно расшиблась и по извлечении её с помощью посторонних из ямы пала. Фонарная яма, вопреки установленным правилам, на ночное время не ограждалась, и единственным ограждением её служил высокий вал выброшенной из ямы земли. На днях в нашей газете был опубликован несчастный случай с извозчиком Никифоровым, лошадь которого ночью попала в неограждённую фонарную яму и получила столь тяжкие повреждения, что не может теперь работать. Извозчик Никифоров предъявил городской управе иск в 50 р., в каковую сумму оценена его лошадь городскими ветеринарными врачами. Городской юрисконсульт, на распоряжение которого гор. управою был отдан этот иск, дал по этому делу отзыв в том смысле, что т. к. при производстве земляных работ на Покровской улице гор. управой не было предпринято самых элементарных мер предосторожности, то «иск Никифорова является вполне закономерным и необходимость удовлетворения его вполне очевидна».

Происшествия
«Волчья яма»

Вчера редакцию «Симбирянина» посетил гласный городской думы Н.В. Голубков, сообщивший нам следующее происшествие.

Около 12 часов дня гласный проезжал на своей лошади по Большой Конной улице. Как известно, эта улица расположена по скату Симбирской горы к Свяге, и весенние потоки портят полотно дороги, пролегающей по этой улице.

Желая избежать поломки экипажа на изрытой ухабами дороге, кучер Н.В. Голубкова направил лошадь на вновь «отремонтированное» печным мусором «шоссе». Едва экипаж въехал на него, как лошадь и передняя часть экипажа стали вязнуть в скрытой под мусором трясине. Вскоре круп лошади и передок экипажа совершенно погрузились в жидкую грязь.

На крики извозчика сбежали близживущие обыватели и после долгих усилий вытащили лошадь и экипаж из трясины. По их словам, на месте трясины была вырыта яма или колодезь, которая во время весенней распутицы наполнилась грязью, а эта трясина засыпана была сверху мусором и превращена таким образом в «волчью яму».

В заключение обыватели Большой Конной улицы утешили Н.В. Голубкова тем, что «здесь это часто бывает. Да вот мы намерены ещё вытаскивали...» и т. п.

3.04.

Наступление весны в Симбирске ежегодно ознаменовывается порчей до последней возможности подъездных путей. Так, например, пристав 1 части уведомил городскую управу, что по Тихвинской улице от церкви до дома Белякова проезд на лошадях от топи совершенно невозможен, в доказательство чего приводится «известный» для Симбирска факт: лошади и экипажи двух легковых извозчиков на этом месте завязли и были вытащены только при помощи посторонних лиц.

Пристав просит городскую управу озаботиться о приведении этого проезда в надлежащий порядок или совершенно закрыть его.

Пристав 3 части также просит городскую управу сделать распоряжение об очистке всего Петропавловского спуска от навоза.

6.04

В городскую управу поступили опять заявления полиции о невозможности проезда по некоторым улицам Симбирска ввиду образовавшихся провалов и канав: так, напр., на улицах слободы Туть течением воды во время таяния снега размыты огромные канавы, проезд по которым совершенно невозможен. На Большой Саратовской улице провалы, образовавшиеся на водопроводных канавах против д.д. Чуркина и Третьякова, также сделали невозможным проезд по дороге. Кроме того, получены сведения о провалах на Покровской ул., около губернской земской управы, на Панской и на многих других улицах. Доколе?..

16.05

Позавчера днём проезжавший по Верхней Минаевской улице автомобиль из гаража г. Морозова с двумя пассажирами потерпел полное крушение. Налетев первоначально на закрытый городской пожарный кран, растерявшийся шофёр направил автомобиль на фонарный столб. Сила удара об окружавшие фонарь столбики была такова, что шофёр вылетел из автомобиля, причём значительно повредив голову. Автомобиль пострадал также весьма серьёзно.

7.06. НА ЗАКЛАДКЕ ДОМА ГОНЧАРОВА

Вчера в 1 час дня состоялась закладка краеугольного камня запроектованного местною учёною архивною комиссией дома-памятника имени И.А. Гончарова.

Торжеству положения первого камня будущего культурно-просветительного центра Симбирска предшествовало торжественное молебствие, совершенное архимандритом Алатырского мужского монастыря Назарием в сослужении многочисленного духовенства городских церквей.

Съезд приглашенных на торжество закладки дома лиц начался с 12 часов дня, когда и был назначен момент совершения молебствия.

На территории закладки дома-памятника, среди зелени был воздвигнут временный шатёр, весь задекорированный зелёными ветвями и национальными флагами, красиво мешающимися с зеленью убранства.

Под открытым небом, чуть задёрнутым лёгкими прозрачными облачками, расположились группы съехавшихся на торжество закладки.

Среди присутствовавших находились: губернский предводитель дворянства В.Н. Поливанов, губернатор А.С. Ключарёв, прибывший сюда по поручению Академии наук почётный академик А.Ф. Кони, уездный предводитель дворянства М.Н. Зиминский, городской голова Л.И. Афанасьев с членами городской управы и гласными городской думы, председатель губернской управы Н.Ф. Беляков с гласными губернской управы, представители военного ведомства, местных учебных заведений и правительственных учреждений и представители прессы.

На ярком фоне окружающей зелени красивую картину представляли богатое, отливающее золотом облачение духовенства, нарядные туалеты городских дам рядом с мундирами военных и гражданских гостей и многочисленными партикулярными сюртуками и смокингами.

В начале первого часа дня к месту закладки прибыл крестный ход из Николаевского кафедрального собора в сопровождении архиерейского певчего хора.

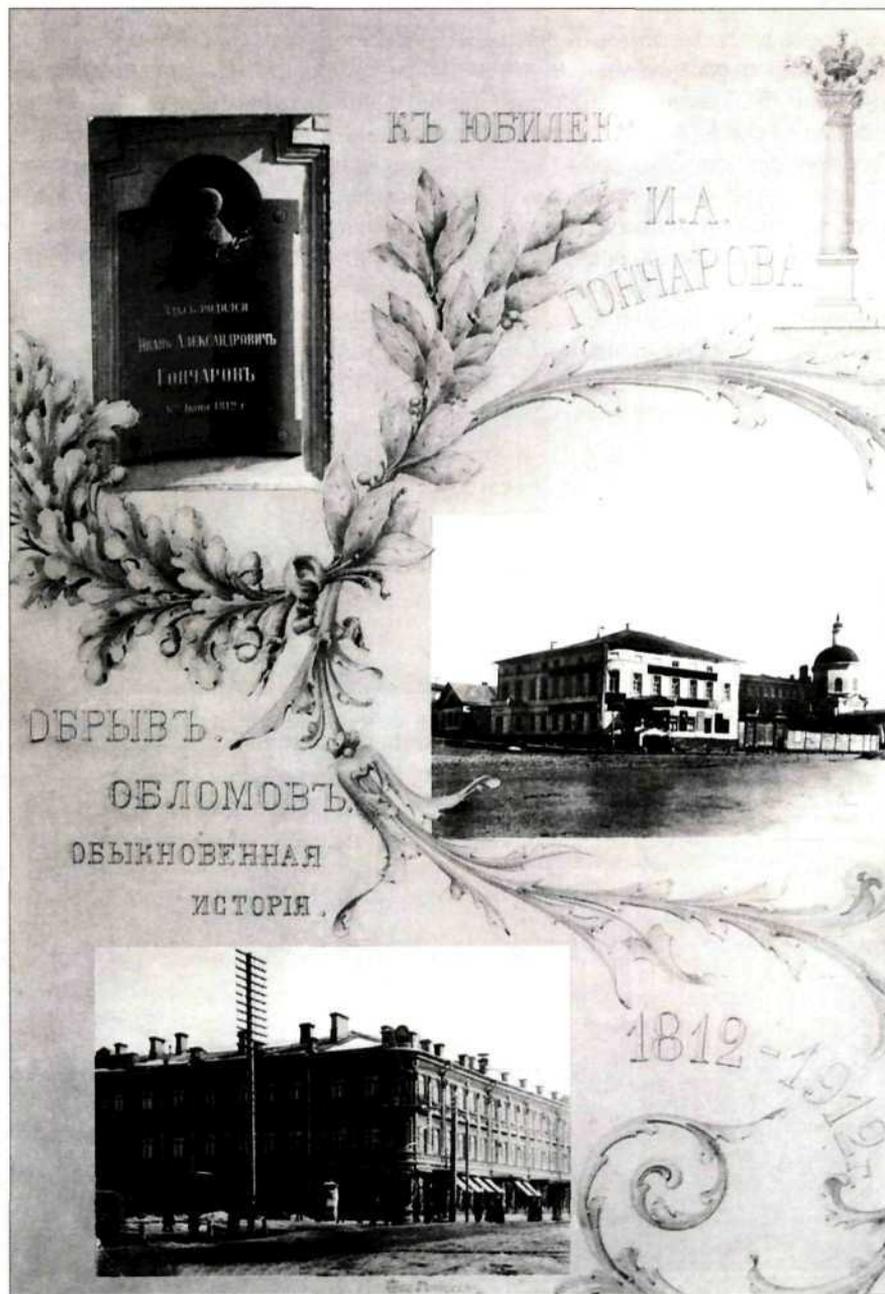
Перед началом молебствия архимандритом Назарием было произнесено краткое слово, посвящённое памяти И.А. Гончарова.

Начав с того, что сегодня Симбирск вместе со всею культурною Россиею

отмечает память писателя, архимандрит Назарий заметил, что личность И.А. Гончарова, как и всякого другого человека, представитель духовный должен рассматривать с духовной стороны, с точки зрения религиозных его воззрений и с точки зрения культурно-общественной его деятельности.

Перейдя ко второй точке зрения, архимандрит Назарий отметил высокое

нравственно-воспитательное значение произведений И.А. Гончарова, положив в основу этого положения девиз покойного творца «Обрыва» никогда не забывать добро из старого и всегда стремиться к лучшему новому, не теми, однако, способами и мерами, к которым прибегали проповедники «новаго» в период тяжёлого периода 1905 и последующих годов.

Плакат, выпущенный к 100-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Художник П.И. Пузыревский. 1912 год

8.06 В КИНДЯКОВКЕ

Затем началось служение молебствия, закончившагося провозглашением многолетия Царствующему дому, св. синоду, пастве Симбирской епархии с епископом симбирским и сызранским Вениамином и членам Симбирской учёной архивной комиссии.

Когда отзвучали в воздухе последние ноты божественных песнопений, крестный ход во главе с архимандритом Назарием, В.Н. Поливановым, губернатором А.С. Ключарёвым и другими лицами направился к самому месту закладки, где было приготовлено уже всё необходимое для церемонии закладки.

Окропив место закладки св. водою, архимандрит Назарий положил первый камень будущего дома имени И.А. Гончарова.

Затем последующие камни были водружены на место гофмейстером В.Н. Поливановым и губернатором А.С. Ключарёвым.

Этим торжество закладки было закончено, после чего состоялся разъезд присутствующих при этом акте большого исторического значения для местного края.

Хроника

Вчера в квартире губернского предводителя дворянства гофмейстера Высочайшего двора В.Н. Поливанова, по случаю исполняющегося столетия со дня рождения И.А. Гончарова, состоялся парадный обед, к которому были приглашены приехавшие на торжества и другие гости.

Вчера в кафедральном соборе была отслужена архимандритом Назарием, совместно с градским духовенством, торжественная вселенская панихида по покойном И.А. Гончарове.

На панихиде присутствовали: председатель губернской учёной архивной комиссии – губернский предводитель дворянства В.Н. Поливанов, губернатор А.С. Ключарёв, вице-губернатор кн. А.А. Ширинский-Шихматов, почётный академик А.Ф. Кони, городской голова Л.И. Афанасьев, прибывшие в Симбирск: племянник покойного писателя М.В. Кирмалов, вдова родного племянника Л.А. Гончарова, члены архивной комиссии, представители различных учреждений и мн. др.

6 июня перед вечером дорога в знаменитую «Киндяковку» имела необычайно оживлённый вид.

По ней мчались тройки, пары и одноколки, как говорится, без конца, смущая и вызывая недоумение на загорелых лицах прохожих крестьян и интригуя пригородных жителей, высыпавших на улицы.

Это мчались приглашённые владелицей прекрасной «Киндяковки» Екатериной Максимилиановной Перси-Френч почтить память И.А. Гончарова на «Обрыве».

У границ имения гарцовали черкесы и, встречая подъезжавших гостей, указывали путь к «Обрыву».

К восьми часам вечера на этом историческом месте, на верху горы собралась масса публики, среди которой были губернатор А.С. Ключарёв, губернский предводитель дворянства В.Н. Поливанов, почётный академик А.Ф. Кони, уездный предводитель дворянства М.Н. Зиминский, председатель губернской земской управы Н.Ф. Беляков, городской голова Л.И. Афанасьев, полковник А.К. Туманов, родственники А.Н. Гончарова, члены архивной комиссии и множество других.

Здесь, на площадке, засаженной на обширном пространстве разными декоративными деревьями и обнесённой забором посередине, устроено возвышение, на котором сооружается Перси-Френч памятник И.А. Гончарову.

Сооружение это ещё не закончено, но, судя по видимости, должно быть удачным памятником.

На серой возвышенной площадке, с четырёх сторон которой устроены красивые выходы, воздвигается серый пьедестал (пока ещё не законченный), на грани которого, обращённой к «Обрыву», помещается бело-мраморный медальон – И.А. Гончаров.

Красивую, живописную картину представляет эта площадка, наполненная прибывающими гостями, которые затем отправились к самому «Обрыву», где часть расположилась на косогоре, а некоторые спустились вниз.

У выхода же на площадку горы была устроена из зелени арка, за

которой с обеих сторон стеной толпились крестьяне, представляя живописную народную группу, которая пестрела разноцветными рубашками мужчин и детей и нарядами женщин.

Почтив таким образом память И.А. Гончарова на «Обрыве», все отправились по приглашению Е.М. Перси-Френч в «Киндяковку».

Непрерывная бесконечная лента экипажей расстилалась по дороге сюда, нарушая шумом своим предвечернюю дрему красивого парка.

По прибытии в «Киндяковку» все приглашены были гостеприимной хозяйкой на садовую лужайку к чаю.

Здесь, на зелёной лужайке установлены были столы, за которыми разместились группами гости, представляя очень живописную картину.

На зелёном фоне лужайки, точно каймой окружённой деревьями и кустарниками, запестрели дамские туалеты, чёрные сюртуки мужчин, офицерские кителя и т. д. Всё это в вечерней дымке угасающего дня создало художественно-очаровательную картину...

Говор и смех сливались вместе, точно журчание ручейка, и, мешаясь со звуками прекрасного уланского оркестра, неслись туда... далеко, как гармоническое эхо.

А там... вдаль... глазам представлялась природа-божественная картина, та картина, которая приковывает каждую художественную душу, чаруя, вдохновляя, увлекая и возвышая, и которую в беглой срочной заметке нет возможности передать, да и вообще... «не передать, – выражаясь словами поэта, – мазком чернильного пера чарующей прелестью природы земной»...

После чая гостям предложен был десерт, а затем – закуски и ужин, к концу которого брызнул на несколько минут дождь, и все устремились в дом Е.М. Перси-Френч, откуда вскоре начался разъезд.

И... опять по «Киндяковской» дороге помчались экипажи, стучом своим и лошадиным топотом нарушая величественно-очаровательную прелесть предутреннего рассвета.

Е.М. Перси-Френч

Литературно-художественный альманах

ВОЛЖСКИЙ ПРИБОЙ,

посвящённый памяти И.А. Гончарова, поступил в продажу: в книжном магазине «Семья и школа» и «Сотрудник» и у издателя Н.Н. Гладкова (Ниже-Чебоксарская, д. № 21), в Симбирске и в книжных магазинах И.К. Подгорнова в Карсуне.

Содержание: СТИХИ П. Александрова, Ник. Барова, Н. Гладкова, А. Горшкова, Н. Данарова, Н. Дэна, В. Л-вой, В. Лидина, Вал. Пахарева, К. Сурского, Як. Шиманского и др.

ПРОЗА: Н. Державина, Мих. Дорогова, А. Латырева, Д. Ржавина и др.

**Цена 75 коп.,
с пересылкой 1 рубль.**

Хроника

Почётный академик А.Ф. Кони выехал вчера из Симбирска.

Закончившаяся 17 июля юбилейная гончаровская выставка, хотя и не привлекла широкия круги местного населения, но для почитателей И.А. Гончарова и его произведений представила значительный интерес. Выставку посетили 226 человек, не считая многочисленных приглашённых на юбилей лиц. Денежный сбор пожертвований от продажи входных билетов, юбилейных и других изданий архивной комиссии и посторонних издателей также оказался незначительным, всего 196 руб. 17 коп.

Комиссия приносит свою глубокую благодарность княгине В.М. Чегодаевой и г-же Ульяновой, сделавшим пожертвования каждая по 25 руб. в Гончаровский фонд.

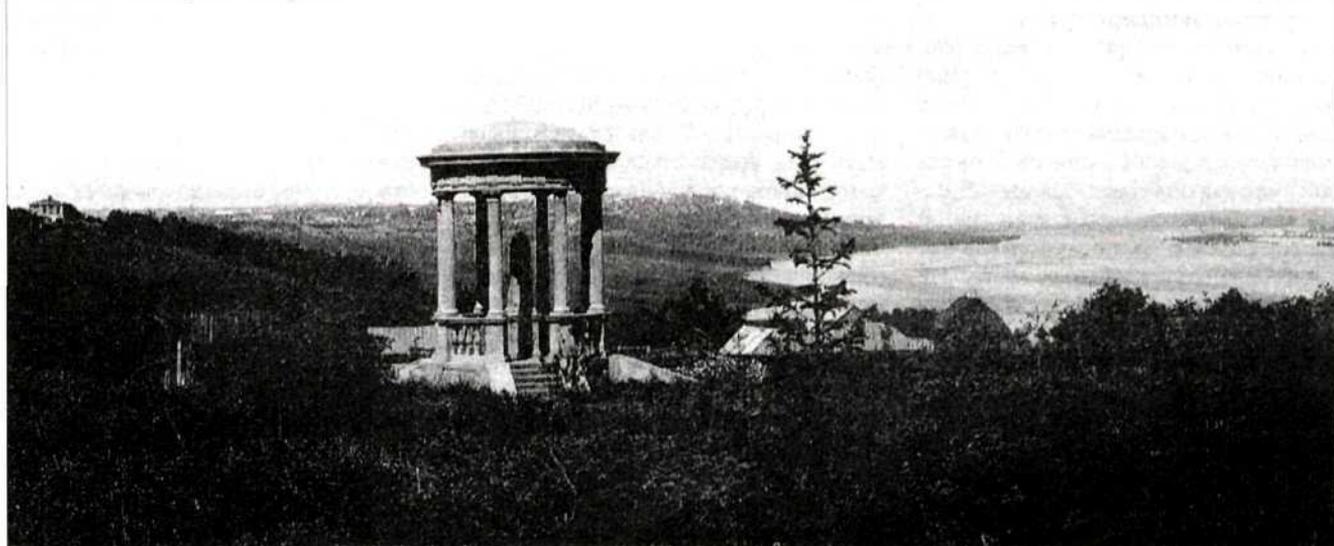
На днях в Симбирске ожидается прибытие оригинальных экскурсантов – студентов Петербургского психоневрологического института, едущих вчетвером на лодке от Твери до Астрахани.

Экскурсанты выехали из Нижнего Новгорода и в настоящее время должны находиться на плёсе Казань – Симбирск. Группа местных студентов и студенток психоневрологического института готовит экскурсантам встречу.

Позавчера вечером в Симбирск прибыли экскурсанты-студенты СПб. психоневрологического института, совершающие вчетвером путешествие по Волге на лодке. Оригинальные экскурсанты отправились в путешествие в середине мая, спустились по реке Тверце в Волгу и проехали от Твери до Симбирска три с небольшим недели, покрыв расстояние свыше 1500 вёрст. Молодые путешественники, предпринявшие поездку с целью «проверить свои силы», ведут путевой дневник, который хотят по окончании поездки отпечатать. Дневное пропитание себе они доставляют удочками, бреднем и ружьём. Испытали массу приключений самого разнообразного характера. От Симбирска они идут до Астрахани, затем морем до одного из приморских городов и дальше пешком по Кавказу.

Вчера отважные путешественники отправились «вниз по матушке, по Волге», захватив с собой до Жигулей одного из товарищей-симбирян.

Беседка на краю «Обрыва»

Кинематограф до Гончарова «не дорос»

Как это ни грустно, но романы Ивана Александровича Гончарова наш кинематограф не жаловал и не жалуется. По сравнению с другими классиками русской литературы, кинематографисты на протяжении ста лет вспоминали о гончаровских произведениях крайне редко. А ведь уже на заре русского кинематографа и в его «немой» период вплоть до начала 30-х годов – каких только авторов не экранизировали! Кроме классиков – от Пушкина до Толстого, на экран попадали герои Биль-Белоцерковского и Лавренёва, Герцена и Зошенко, Бедного и Серафимовича... А вот из трёх знаменитых романов Ивана Александровича удостоились внимания только «Обрыв» и «Обломов». И среди них практически лишь один фильм оставил какой-никакой след в истории кино. Но обо всём по порядку.

Не крутые «обрывы»

Роман «Обрыв» первым попал в поле зрения кинематографистов. Он появился на экране в России в 1913 году благодаря режиссёру Петру Чардынину – одному из родоначальников русского кинематографа.

В разных источниках есть расхождения по поводу места рождения Чардынина. Его первая жена К.П. Новицкая писала, что Пётр Иванович «родился в Симбирске, в мелкой купеческой семье. С детства мечтал быть актёром, и все свои гроши тратил на театр. За это мать его драла, хотела выбить из него эту мечту. Не помогло. Совсем юношей он сбежал из дому, приехал в Москву без гроша, без знакомых. Стал добиваться поступления на курсы в Московскую консерваторию. Экзамен выдержал хорошо и был принят по классу В.И. Немировича-Данченко, считался способным, и его освободили от платы за право учения». По другим

сведениям, родился Пётр Иванович в г. Чердынь Пермской губернии, потом позже и взял себе псевдоним Чардынин. А настоящая его фамилия – Красавцев...

Уже будучи известным актёром и режиссёром, Чардынин в рекламных материалах постоянно указывал в качестве постоянного адреса: Симбирск, ул. Московская, 21. Этот дом сохранился до сей поры. До 1922 года его официальной владелицей была мать режиссёра Евдокия Петровна, которая похоронена на кладбище Покровского монастыря, ныне не существующего. А дом на улице Ленина (бывшей Московской) отреставрировали. И он теперь не очень похож на тот, где провёл своё детство Пётр Красавцев. Но было бы справедливо, если бы на доме появилась табличка, напоминающая нам о том, кто создал лучшие фильмы юного русского кинематографа.

А снял Чардынин около 200 фильмов, из которых сохранились 34.

Пробовал себя во всех жанрах. Очень любил экранизации русской литературной классики: именно он первым снял «Песнь про купца Калашникова», «Мёртвые души», «Пиковую даму», «Идиота», «Крейцерову сонату», «Сказку о рыбаке и рыбке», «Власть тьмы», «Наташу Ростову». Ещё до революции он познакомил зрителя с пушкинским «Домиком в Коломне», лермонтовским «Вадимом», гоголевской «Женитьбой» и гончаровским «Обрывом». Актёр по образованию, конечно, он не избежал соблазна появиться на экране и сыграл гоголевского Ноздрёва, толстовского Позднышева, лермонтовского боярина Оршу.

Вообще, интерес к экранизации отечественных литературных произведений с первых шагов стал традицией для русской кинематографии. Считалось, что фильмы-экранизации, несмотря на несовершенство постановочных средств, имели большое культурное значение, а в работе

над ними формировался вкус и росло художественное мастерство пионеров русского кино.

Но вернёмся к «Обрыву», снятому в 1913 году. Примечательно, что в роли Веры согласилась сниматься известнейшая в то время драматическая актриса Вера Юренева (хотя театральные актёры относились к новорождённому кинематографу с подозрением). Юренева стала известна в 10-20-х годах в театрах Киева, Ленинграда и Москвы как темпераментная актриса «неврастенического» склада, создавшая образы мятущихся женских натур, «взвинченных» страстями.

Ну и никому из кинозрителей не нужно было представлять в ту пору звезду русского кинематографа Ивана Мозжухина (Марк Волохов), актёра из первой пятёрки дореволюционного кино, знаменитого исполнителя роли Германа в «Пиковой даме». Жаль, что в 1920-м он эмигрировал во Францию. А звездой французского кино так и не стал...

Чардынинский «Обрыв», судя по всему, на публику впечатления не произвёл. Практически не обсуждается фильм и в киноведческой литературе. Любопытно, что и следующие экранизации этого романа не делали погоды ни в кинематографе, ни в зрительных залах, ни в публикациях кинокритиков. Да и ждать следующей экранизации пришлось семьдесят лет!

В 1983 году за «Обрыв» взялся режиссёр «Ленфильма» Владимир Венгеров. Хороший, крепкий режиссёр, ныне почти забытый (он умер в 1997 году). «Обрыв» стал его последней экранизацией – за плечами уже были «Живой труп», «Лес», «Кортик», «Два капитана». Последний фильм, к сожалению, прошёл почти незаметно, несмотря на то, что в нём снимались хорошие актёры, правда, не из первой когорты: Елена Финогеева – Вера, Николай Кочегаров – Волохов, Римма Маркова – Бережкова. Сам режиссёр хотел снять красивый фильм, что было для Венгерова принципиально. Он считал, что это обостряет проблематику романа Гончарова – о разумных границах и формах свободы, о том, как соотносится она с долгом и ответственностью. Но критики «красивостей» не приняли: мол, никакого Гончарова здесь нет – «красивая обёртка», «мелодрама из старинной жизни»... А зрители, очевидно, любители экранизаций, оценили очарование актёрской игры, пейзажей,

атмосферы, чувств, и особенно бабушку Бережкову, великолепно сыгранную Риммой Марковой.

История кино знает ещё два «Обрыва». Фильм 1988 года, сделанный в Норвегии, и четырёхсерийную телевизионную экранизацию режиссёра Валерия Федосова, которая почему-то долго добиралась до экранов и наконец-то в прошлом году незаметно прошла на нецентральных каналах. Евгений Коряковский сыграл Марка Волохова, мелькающая в сериалах Анна Казючиц – Веру, Людмила Полякова – Бережкову. Такое ощущение, что гончаровские герои из «Обрыва» талантливых и популярных актёров не интересуют...

«Обыкновенная история» – не для кино?

Роман «Обыкновенная история» вообще не удостоился настоящей экранизации. Ну нельзя же считать таковой спектакль, который поставила в 1966 году Галина Волчек в «Современнике» с Олегом Табаковым, Михаилом Козаковым, Анастасией Вергинской, Валентином Гафтом. Спустя четыре года этот спектакль был снят для телевидения.

В данном случае любопытно, какие параллели провёл позже между своими героями – Адуевым и Обломовым – исполнитель этих ролей Олег Табаков: «Александр Адуев-младший прибывает к столичному дядюшке восторженным и чистым юношей, исполненным самых высоких намерений. Уроки цинизма, равнодушия и чёрствости, которые пытаются преподать ему старшие, он поначалу с негодованием отвергает. Хочу заметить, что инертность и бездеятельность в Обломове рождает органичное неприятие пути, по которому всё-таки пошёл Адуев, презрев идеалы юности».

Кстати, существует ещё одна телевизионная версия этого романа, вышедшая в то же время в Югославии, – это телефильм режиссёра А. Джорджевича «Обична прича». Теперь уж и Югославии-то нет...

За «Обломова» обидно...

Кажется очень странным тот факт, что русским национальным характером – Ильёй Ильичём Обломовым – наши кинематографисты заинтересовались только в 1979-м. Но тут

Гончарову и его героям повезло – за экранизацию взялся сам Никита Михалков.

Возможно, сегодня Никита Сергеевич несколько иначе оценивает свою идею и её воплощение. А тогда до перестройки ещё дело не дошло, и объяснить свой выбор романа и героя приходилось достаточно осторожными словами. Михалков считал, что привычное по школьным хрестоматиям толкование романа изрядно устарело. «Так что желание снимать возникло в известной мере из полемических соображений, – говорил в одном из интервью Никита Михалков. – Есть ли смысл сегодня возвращаться к разговору об обломовщине, которая давно осуждена, и всё, что можно было сказать о ней, давно сказано? Потому-то нам хотелось повести разговор не об опасности обломовщины, а об опасности штольцевщины, о прагматизме, вытесняющем, пожирающем в человеческой душе духовность. Мы все не хотим закрывать глаза на бездеятельность Обломова, оправдывать его лень. Но есть в этом человеке черты чрезвычайно привлекательные: цельность его натуры, внутренняя чистота, органическое ощущение корней, связывающих его с родной землёй, то, что никогда, за всю свою жизнь, он никому не сделал зла. Это образ неоднозначный, многомерный, и любая попытка втиснуть его в ложе предвзятой схемы волюно или невольно ведёт к обеднению смысла романа. Нет и смысла видеть в Штольце позитивную благодетельную силу: дескать, придут сотни тысяч штольцев и преобразят лицо России. Если эмоционально поверить самому Гончарову, поверить тому, что он пишет, то от этой иллюзии неизбежно придётся отказаться. Потому что настоящая литература в его романе начинается там, где мы соприкасаемся с самим Обломовым, его жизнью и ощущениями, снами, бытом»...

«Несколько дней из жизни Обломова» завоевали награды на международном фестивале в Оксфорде в 1980 году. «Золотой щит Оксфорда» за лучшую режиссуру получил Никита Михалков, «Серебряный щит» актёры Олег Табаков и Елена Соловей, сыгравшая Ольгу, оператор Павел Лебешев. Очень понравился «Обломов» в Америке, где он стал лучшим иностранным фильмом 1981 года по решению Национального совета кинообозревателей США. Был в судьбе

картины и первый приз на Международной неделе авторских фильмов в Бенальмадене в Испании в 1982 году.

Сам Табаков трактовал тогда образ Обломова как раз в духе времени. Признавая его тонкую духовную организацию, доброту, великодушие, которые причудливым образом соединялись в характере Ильи Ильича с застенчивой робостью, чуткостью к переживаниям близких и в то же время с решительной неспособностью к любым действиям, приводящим его к неизбежному краху, актёр делал банальный вывод. Трагедия Обломова заключается в том, что социальная активность в условиях царской буржуазно-помещичьей России для людей его круга равнялась штольцевщине. То есть – цитирую Табакова – «хищному стремлению к приобретательству, выжиманию соков из простых тружеников, разбойничьему накопительству». Вот так припечатал Олег Павлович!

Что же получилось в результате? В СССР фильм ругали и хвалили примерно поровну. «Вот он делает фильм об Обломове, социально-психологическом типе, столь характерном для России, и не берёт на себя труда определить своё отношение к нему именно как к национальному и социальному явлению», – утверждали советские критики. Забавно, что с

ними совсем не соглашались критики американские: «Мастерство авторов «Обломова», несомненно, отличается великолепным уровнем. Режиссёр сумел выстроить ленту таким образом, что в ней нет ничего лишнего. Все компоненты: камера, музыка, литература – работают на главную концепцию кинопроизведения».

Рецензии, подобные этой, появились в 1981 году, когда фильм Михалкова несколько месяцев шёл в кинотеатрах Америки. 12 крупнейших газет и журналов Нью-Йорка откликнулись положительными рецензиями. «Табаков сложнейшие душевные переживания героя передаёт с какой-то величавой простотой, удивительным тактом и безграничным обаянием». «Фильм «Обломов» понятен и близок не только знатокам. Его ценность, как и любого подлинного произведения искусства, в узнаваемости проблем, волнующих человека и поныне».

Конечно, не все американские критики были столь единодушны. «Голливуд репортёр» писал: «Михалков обратился к роману Гончарова, чтобы показать, что советское общество в своём постоянном стремлении вперёд потеряло человечность, великодушие и мягкость». В общем, понравился им табакowski Обломов не из советского общества!

Роман «Обломов», а скорее его герой, более других гончаровских персонажей интересовали зарубежных кинематографистов. В каждом фильме была своя изюминка, пожалуй, не столько приближающая, сколько удаляющая от романа. На телевидении ФРГ в 1976 году демонстрировался фильм «Любовь Обломова», в котором режиссёр Клаус Петер Витт с особой симпатией выписал образ Штольца. Швейцарский режиссёр Себастиан Шрёдер в фильме «О как Обломов» очень жёстко отнёсся к «обломовщине», поскольку считал, что именно эта «русская болезнь» заразила в 1970 годы бунтующих швейцарских студентов. А в Англии в 1990-м вышел телевизионный фильм «Oblovov» режиссёра Пол Ли – его действие разворачивалось в Советском Союзе.

Но дальше всех пошёл Мартэн де Шевалье, учёный, занимавшийся исследованием восприятия современными европейцами образа Обломова. На съёмки фильма он не заманулся. Но стал автором компьютерного сюжета об Обломове, премьера которого состоялась в 2001 году во Франции.

Состоялась его презентация и в ульяновском Доме-музее И.А. Гончарова, на которой присутствовала и автор этих строк. Зачем Шевалье сделал эту вещь? Считал, что «Гончаров известен во Франции в определённых кругах интеллигенции. В школах его не проходят. И с помощью своего фильма я хотел бы приоткрыть занавес над таинственностью образа Обломова. Я и сам немного на него похож – хотелось бы побольше делать перерывов в работе». Свою работу Шевалье называл видеоигрой или видеофильмом. Процесс его создания занял два месяца. Началось с того, что как-то Шевалье предложили почитать роман русского писателя Гончарова. Мартэн нашёл его интересным и смешным, а герой показался ленивцем, который лежит на диване и непонятно почему не хочет с него встать.

Обломовский образ стал толчком к созданию видеофильма. Сюжет Шевалье придумал сам. В роли Обломова – актёр-любитель. Его герой не напоминает Обломова ни в чём – коли не знала бы, ни за что не догадалась. Ведь не только же Обломов на диване спит, как это происходит в первых кадрах. Персонажи, среда, обстановка в комнате (телефон, к примеру, присутствует) – обезличены и вневациональны.

Ну а поведение Обломова зависит от того, кто держит в руках мышку компьютера: нажимаешь на кнопку – встаёт с дивана, пьёт вино. Не нажимаешь – смотри авторский вариант сюжета. Шевалье считает, что таким образом игроки заставляют Обломова что-то делать, не лениться! Но всё-таки на видеофильм это «произведение» совсем не тянет. В рамках компьютерной игры можно создать лишь некое подобие элементарного действия. И притягивать к этой механической схеме один из самых интересных характеров русской литературы – ни к чему. За Обломова обидно!

Думается мне, что всё реже будут появляться новые классические экранизации романов нашего земляка. Ну разве что в нынешний юбилейный год. А вот его образы, в основном из «Обломова», могут дать толчок для «фантазий на тему» – в современных антуражах, и вовсе не национальной почве, да и с другими акцентами. Что поделывать: у каждого времени – свои герои. Пусть и похожие на тех, из девятнадцатого века...

Татьяна Фомина

«Всё сильнее гончаровские чары...»

В репертуаре Ульяновского областного драматического театра в последнее десятилетие появились (и, фактически, сохраняются!) постановки по всем основным произведениям Ивана Гончарова, несмотря на то, что и «Обломов», и «Обрыв» ставились здесь ещё в советское время. Сегодня к ним добавились «Обыкновенная история» и даже «Фрегат "Паллада"» (казалось бы, сложно поставить заметки о путешествии, а ведь сделали!). Что же, высокое звание родины классика ко многому обязывает...

— Ставить Гончарова на его родине, на сцене Ульяновского театра драмы, необходимо постоянно, — считает народная артистка России, лауреат Государственной премии страны Кларина Ивановна Шадько. — Мы должны помнить, какие великие люди рождены на нашей земле, и гордиться этим.

Высшей государственной награды актриса Шадько удостоилась в 2001 году как раз за роль бабушки Татьяны Марковны Бережковой в постановке «Обрыва», осуществлённой Юрием Копыловым, представив публике новое прочтение образа сильной русской женщины-дворянки. При упоминании о Гончарове Клара Шадько сразу вспоминает название одной из статей романиста (хотя и посвящённой Грибоедову) — «Миллион терзаний» — именно с этой фразой ассоциируются у неё и работа над «Обрывом», и само содержание всего гончаровского творчества. А ещё цитирует своё любимое стихотворение, принадлежащее перу Елены Кувшинниковой «Хлещет ливень над Винновской рощей...»: «И под властью волшебного дара я замру, тихо книгу закрыв. Всё сильнее гончаровские чары, Всё роднее «Обломов», «Обрыв»...».

— Обломов живёт в каждом из нас, это воплощённый менталитет русской души, хотя лично мне ближе Штольц, поэтому и пришлось играть Обломова «на сопротивлении», — рассказывает ульяновский исполнитель роли Ильи Ильича Денис Верягин, рассуждая о своём участии в каждом из спектаклей по романам Гончарова. — Мне довелось работать во всех четырёх гончаровских спектаклях нашей сцены. Первым был «Обрыв», где я играл в массовке, потом репетировал Викентьева. Второй опыт — «Обломов». До этого в постановке ещё советского времени Илью Ильича играл народный артист Борис Александров — вот он мне очень помог советами. Потом в «Обыкновенной истории» я сыграл графа Новинского. А год назад добрался до самого Ивана Александровича в постановке «Фрегат "Паллада"»... Самый любимый спектакль — «Обломов», когда мы несколько лет назад показали в Питере всю гончаровскую «трилогию страсти», это было в театре «Балтийский дом». Очень живо реагировал зрительный зал тогда, никогда не забуду... А спектакль «Фрегат "Паллада"» год назад впервые показали в калягинском театре

«Et Cetera» на столичном фестивале «Постьефремовское пространство». Михаил Ефремов, Гарик Сукачёв, Ирина Мирошниченко и другие знаменитости — все они были на премьере, и это накладывало гигантскую ответственность на нас, земляков автора. Сам Гончаров — очень сложный, скрытный, почти странный человек. И потом — я же играл и Обломова, и самого романиста, будучи на десять лет моложе своих персонажей, что безумно трудно! Эти образы многое открыли для меня в моей жизни...

Несколько лет назад областной драматический удостоился чести носить имя Гончарова. Теперь здесь проводят и собственный театральный фестиваль «Герои Гончарова на современной сцене», который в этом году состоится в дни юбилейных торжеств, а не в конце года, как обычно. Конкурс гончаровских спектаклей, ставший уже традиционным, собирает лучшие постановки, осуществлённые по произведениям нашего земляка не только по всей стране, но и за рубежом. Так что юбилейные торжества не обойдутся и без новых театральных открытий...

Александр Русинов

Тепло её души

6 июня 2012 года известный краевед, давний друг «Мономаха» Ольга Егоровна Бородина отмечает свой юбилей.

С утра до вечера не умолкает рабочий телефон на столе заместителя директора краеведческого музея по науке и развитию Ольги Егоровны Бородиной: звонят из областной администрации, Законодательного собрания, министерств экологии и культуры, краеведы из районов, горожане. Одни приглашают на заседание, другие просят ответить на официальное письмо, кому-то нужно помочь с подборкой материалов для научной работы, а то и просто выполнить внеклассное задание ребѣнку по краеведению. Иногда доходит до смешного – звонивший просит к телефону Ольгу Егоровну по пустяшному вопросу, ответить на который готов даже начинающий музейный сотрудник, но на другом конце провода упрямо твердят: «Мне посоветовали обратиться именно к Бородиной». Потому что многие в городе знают – она никогда не откажет просящему, просто потому, что не умеет. Даже если смертельно устала, если загружена собственными делами, она не оттолкнѣт человека, не оскорбит невниманием, не оборвѣт на полуслове, поможет, посоветует, поддержит.

О её компетентности во многих вопросах – разговор особый. Кажется, нет такой сферы музейной деятельности, в которой она не сможет разобраться. Составить смету, написать заявку в Федеральную целевую программу, разработать концепцию развития музея, сверстать годовой план, грамотно отредактировать любые тексты от простого письма до издаваемых музеем научных сборников, каталогов, буклетов – вот лишь малая толика того, чем приходится ей заниматься по долгу службы. Иногда кажется, что это не под силу одному человеку, но не Ольге Егоровне.

Отличница по жизни, она прошла хорошую закалку и всегда всего добивается собственным трудом. В 1974 году с золотой медалью окончила школу № 52 Ульяновска, затем с красным дипломом – естественно-географический факультет Ульяновского

пединститута, два года работала учителем в Карлинской школе. Но настоящим её призванием стало музейное дело. Более тридцати лет назад она пришла в Ульяновский областной краеведческий музей младшим научным сотрудником отдела природы, а спустя несколько лет, с 1989 года, уже руководила этим отделом, выделяясь среди коллег ответственностью, добротностью, умением эффективно организовать работу. Благодаря усилиям Ольги Егоровны отдел год от года расширял рамки своей деятельности: строил новые интересные выставки, пополнял и изучал фондовые коллекции (палеонтологическую, энтомологическую, Любичевскую, Бутурлинскую), занимался научными исследованиями.

Начало 1990-х годов было трудным временем. Музеи, как и все учреждения культуры, субсидировались по остаточному принципу, но при этом никто не отменял выполнения финансовых планов, экспозиционную и выставочную работу. Главное было – выжить любыми путями, которых было немного – поиск инновационных форм деятельности, получение грантов и привлечение спонсоров. Последнее давалось особенно трудно. Как заинтересовать людей, далѣких от музейных проблем, чем взять их за живое? Вот тут и пригодился один из главных талантов О.Е. Бородиной – талант общения, умение расположить к себе людей, убедить их во взаимовыгодном сотрудничестве. Только благодаря спонсорской помощи появились и существуют поныне три главных проекта отдела природы – ежегодная областная научно-практическая конференция «Естественно-научные исследования в Симбирском-Ульяновском крае», Международные Бутурлинские чтения, фотовыставка «Экология – Безопасность – Жизнь». Эти проекты на удивление жизнеспособны, потому что для Бородиной каждое начатое дело – это как собственное дитя, которое надо выпестовать и лелеять годами. И на своей нынешней

Фото Владимира Никитина

Вручение премии «Шапка Мономаха». Декабрь, 2011 год

должности она продолжает их курировать наряду со всеми научно-экспозиционными отделами музея и его филиалов в городе и области.

Но музеем жизнь Ольги Егоровны не ограничивается. Другой значимой стороной её деятельности является редактирование различных областных изданий. Началось всё с её работы в редакционном совете журнала «Мономах», в котором она состоит со дня его основания. Затем было многолетнее участие в подготовке Ульяновской-Симбирской энциклопедии, где она редактировала все статьи естественно-научного содержания и являлась автором многих из них. Её фамилию можно встретить среди редакторов альбома «Симбирский-Ульяновский край в истории России» (2007), путеводителя «Ульяновская область» (Москва, 2008) и многих других изданий. Она – автор-составитель набора открыток «Гений места», посвященного симбирским дворянским усадьбам (2010). О.Е. Бородина уже несколько лет входит в Областной совет по книгоизданию.

В 2011 году за вклад в культуру региона Ольге Егоровне присвоено звание заслуженного работника культуры Ульяновской области и присуждѣн

Гран-при областной премии за заслуги в области региональной историографии и литературного творчества с вручением символической «Шапки Мономаха».

Но ни одна награда не сравнится с тем уважением и доверием, с которым относятся к Бородине в музее. Её любят за доброту и отзывчивость. Молодому сотруднику она помогает раскрыться, коллегу по работе даже за маленький успех похвалит и ободрит, успокоит обижённого, погасит любой конфликт. Более мягкого, тактичного, отзывчивого и внимательного к людям человека найти трудно. Рядом с ней всем уютно и комфортно.

Поздравляем Ольгу Егоровну Бородину с юбилеем и желаем ей дальнейшего процветания, успехов, здоровья и много-много счастья.

Коллектив Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова

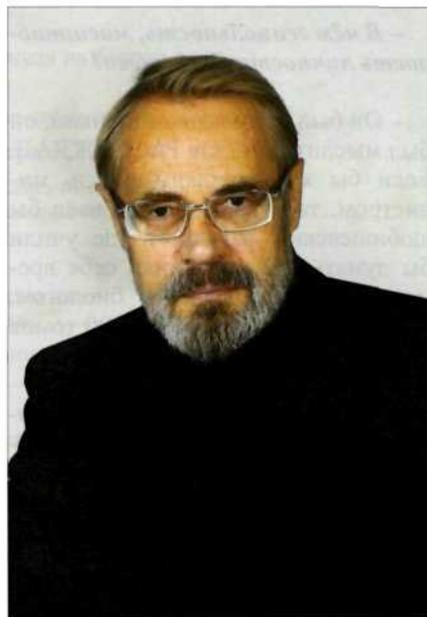
Вручение губернатором Ульяновской области С.И. Морозовым диплома о присуждении О.Е. Бородине звания «Заслуженный работник культуры Ульяновской области». 2010 год

Фото Сергея Ойкина

Сознание дано нам в дар

«Этюды к описанию сознания» – можете представить себе, о чём эта книга? Её автор – кандидат биологических наук, член Союза писателей России Анатолий Марасов говорит: «Я жил этой книгой. Писал её с перерывом в сорок лет. В этой книге пытался понять, что такое интуиция? Что такое человек? Что такое озарение? Обратился к философам – мне никто не дал ответа. Вот говорят: человек думающий. А что такое мысль? Мы не знаем. Человек настолько большая тайна! Вся книга посвящена этому».

Анатолий Марасов

«Этюды к описанию сознания» сложно читать как обычную книгу. Открываю наугад страницу: *«Это же чудо: в нашем сознании хранилища времён. Почему мы не осознаём это как чудо? Энергия, заключённая в сознании, – неизмеряема»*. «Пасмурным, даже темнеющим, мартовским днём в деревне от уходящего порядка серых домов и пустынной снежной дороги что-то общее приходит, что объединяет времена, – невыразимое, но которое долго-долго помнишь ты...» *«Истина – рядом. Но где?»*.

О сознании и времени, об истине и человеке – наш разговор с Анатолием Марасовым. Но для начала не обойтись хотя бы без его краткой биографии. Родом он из села Ундоры Ульяновской области. Окончил естественно-географический факультет Ульяновского пединститута, в Ленинградском университете защитил кандидатскую диссертацию. С 1987-го по 2009-й вместе с коллегами организовывал научную конференцию «Любищевские чтения», выпускал научные сборники и подготовил к изданию 13 книг А.А. Любищева, в том числе в Москве. В 2009-м награждён почётным званием и медалью «Лауреат областной премии имени А.А. Любищева». Проработал в системе народного

образования 41 год, около 10 лет руководил областными олимпиадами по биологии. Издал 9 книг, среди которых «Катехизис», «И звук, и свет», «Природа», «Арабески», «Бытие».

– Труден ли путь от биолога к философу?

– Вдруг меня «обозвали» человеком, который пишет философскую прозу. Я не знал этого. Мне просто хотелось описывать природу. Первой публикацией в журнале в 1976-м были этюды «Путь к временам года». Думаю, что это был поиск стиля для выражения своих мыслей.

– В том, что первой публикацией стали этюды о природе, сыграла роль профессия?

– Думаю, да, но совсем не основополагающую. Две персоны сыграли в моей жизни важнейшую роль. Конечно, моя супруга – она была красивая, умная, блестящий оратор, филолог. У неё была какая-то социальная заряженность – там, где была она, сразу собирались люди, общались, дискутировали. И, конечно, Александр Александрович Любищев. Я посвятил ему много лет,

издал 13 его книг – больше, чем своих. Проработал 28 томов его переписки и опубликовал обзор писем.

– В чём гениальность, масштабность личности Любищева?

– Он был не только эмпириком, он был мыслителем. Он РАССУЖДАЛ. Если бы я был каким-нибудь министром, то в каждом вузе ввёл бы любинский факультет, где учили бы думать. Он подчинял себе время. Был математиком, биологом, историком, литератором – 100 томов написал.

– Прочитав «Этюды к описанию сознания», человек должен задуматься о себе, о мире, развивать Ваши идеи?

– Человек не должен развивать мои идеи, он должен быть самим собой. Если у него есть созвучные мои мысли, то он прочтёт книгу. Мы же диалог ведём. Мы же свободные люди. Я в книжке ставлю вопросы: что есть человек, что является ценой человеку? А цена – безумно большая. Она не вмещается ни в коммунизм, ни в социальную историю. Сейчас мы на изломе. Никак не можем понять, кто мы такие. Плохо живём. У нас те, кто хочет иметь книжки, не имеют средств их покупать. Те, кому книги совсем не нужны, имеют миллионы. Это же ненормально! Все это знают. Приоритеты интеллектуальные, моральные только-только устанавливаются. Время очень быстрое и непонятное, и неизвестно, куда оно нас заведёт.

– Да... Мне казалось, что тот, кто пишет философскую прозу, далёк от суеты буден, мелочей жизни?

– Философ, конечно, должен быть отрешён от жизни. Но если уж совсем отрешиться, – будешь смешным. Я страшно рассеян. С бытом отношения натянутые. Но могу сделать ремонт, печку сложить, забор поставить, крышу перекрыть – я же вырос в деревне. Но то, что существует вокруг нас, – имеет для меня слишком большое эстетическое значение. И поэтому просто поражает. В моей книге есть описание дождя, закатов

и рассветов, шума ветра и шума прибоя... Пишу о том, чего душа желает и что она может получить. Я ещё побуду немного с природой, подумаю. Я ведь ещё хочу узнать, что такое сознание... Цитировал в книге и Гегеля, и Канта, и Хайдеггера, и всех выдающихся философов – и понял: никто этого не знает. Жизнь дана нам в дар, и сознание тоже. Но мы не знаем, кто мы такие. Люди, обладающие несметным богатством, мы воюем друг с другом, хамим на каждом шагу. А человек богоподобен...

– Знаю, иногда Вы «уходите» от своего жанра...

– И появляются вполне безобидная книжка «Фразы со студенческих уроков естгеофака Ульяновского педуниверситета» (собирал их 16 лет) и любинская «О положении в средней школе» (анализ ситуации в народном образовании с 1956 года с ретроспективным обзором проблемы с начала XX века). Именно из-за этих книг я второй год на пенсии. А ведь преподавал 41 год в пединституте... Мы живём один раз. Не хочется кривляться-то. Думаю, та жизнь, что сейчас у нас, – это пародия на жизнь. А приближение к жизни – в книге «Этюды к описанию сознания». Мы гордимся своим Отечеством, я впитал с молоком матери эти природные ландшафты, этот язык, эти ценности. Это неявным образом знание мне подсказывает, что если горжусь, значит, было за что, значит, было не стыдно. А сейчас мне за свою жизнь и за свою страну стыдно. Стыдно, что люди безграмотны, что у нас преступность высокая. Знаю, что процесс возвращения к нормальной жизни очень сложен. Любищев по этому поводу рассуждал: можно уничтожить болото, взорвав его? Нет. Потому что когда мы сбросим бомбу, вся муть и грязь поднимется вверх и осядет. Надо не взрывать общество, а заниматься планомерной и терпеливой ирригационной работой.

– А когда книги не пишутся, что греет?

– Бесконечно люблю музыку, симфонии наших и немецких композиторов знаю наизусть. Бесконечно люблю литературу, особенно русскую.

До сей поры делаю неожиданные открытия. Возьмём Пришвина. Не любил его. В 58 лет переселил себя и решил прочесть. И был потрясён! Прочёл всего. Вот послушайте. «Вошёл в лес – уснувшие потоки тишины!». Одной фразой сразил. У меня огромный архив: вырезки из газет, журналов на всевозможные темы, на всех советских писателей – ужасно много! Ко мне внучка приходит и просит – посмотри в архиве! Таких статей, которые в советское время появились, в Интернете не сыщешь.

– Вы определяете для себя главные события в жизни?

– Самыми главными в нашей жизни являются люди. Для меня – супруга Лидия Ивановна, дети Олеся и Настя. Мы жили с супругой 42 года (в прошлом году Лидия Ивановна ушла из жизни. – Авт.). Я теперь знаю, что такое любовь. Человек может в ней оказаться вдруг, помимо своей воли. Это высшая целостность, которая охватывает двоих. Причём не только мужчину и женщину, но и человека и Родину, мать и ребенка. Любовь ждут. Но и самому поработать надо. Это же аскеза какая-то от своего личного, во имя другого, во имя новой целостности. Лучшее всех о любви сказал апостол Павел: «Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви – то я ничто».

У меня нет многого. Зато есть книжки. Я в них живу, люблю, знаю их развитие, их болевые точки. И не перестаю задавать в них вопросы. Что такое человек? Я хочу понять! Это крест, это тяжёлый труд, который – да! – не оценивается. Просто подчинил свою жизнь той идее, которой служу.

15 июня 2012 года в Каминном зале Дворца книги в 16 часов состоится творческий вечер Анатолия Марасова в связи с его 65-летием.

В программе вечера – композиция «И звук, и свет» из книги «Сочинения о природе». И ещё Анатолий Николаевич обещает «авторский отчёт». Приходите, послушайте.

Татьяна Фомина

Главный редактор

В.А. Миронов

Ответственный редактор

Л.С. Янушевская

Художественный редактор

Т.А. Мельникова

Редакционный совет:

В.Н. Егоров (председатель)

Р.Г. Азбукин

Л.П. Баюра

О.Е. Бородина

Т.Ф. Верещагина

Т.А. Громова

В.В. Матвеева

Л.Н. Нецветаев

С.Б. Петров

Е.Н. Сергеева

О.Г. Шейпак

Учредитель:

Министерство внутренней политики

Ульяновской области

Издатель: ОГБУ «МедиаЦентр»

Адрес редакции:

432063, г. Ульяновск,

ул. Пушкинская, д. 11

Тел. 30-17-70

www.monomah.sis.net.ru;

e-mail: monomahh@gmail.com

Издание зарегистрировано

Управлением Федеральной службы

по надзору в сфере связи,

информационных технологий

и массовых коммуникаций

по Ульяновской области

ПИ № ТУ 73-00197 от 18.07.2011 г.

Цена свободная

Подписано в печать 25.05.2012 г.

Формат 60x84 1/8; усл. печ. листов 7,44

Тираж 1000 экз. Заказ № 2289

Набор и вёрстка заказчика

Вывод фотоформ и печать:

ОАО «Димитровградская типография»

433504, Ульяновская область,

г. Димитровград,

ул. Юнг Северного флота, д. 107

На 1-й странице обложки –
фото Сергея Ойкина

Спаси и сохрани

Тайны Гончаровского дома.
Что скрывают каменные стены?.....2

Хранитель времени.
Как старинные часы вернули на башню.....6

«Секретный» памятник.
Почему памятник Гончарову долго «не замечали»?.....10

Пригодился в Димитровграде.....11

«Выполненное в стиле каменное здание».
Одно из красивейших в нашем городе.....12

Вот эта улица

На месте крепостной стены
возникла улица Гончарова.....17

Почему Гончаровская улица «переехала» в центр.
Откуда и зачем?.....19

Атака на бульвары.
Зачем их хотели снести ещё век назад.....21

Почётный гражданин

Почётный гражданин И.А. Гончаров
и его современники.....23

Судьба усадьбы

Жилище у озера.
Из истории села Русский Юрткуль.....26

Имя нашего края

К 200-летию со дня рождения П.В. Анненкова.
Автор образцовой биографии Пушкина.....30

Эстет-турист с тросточкой.....32

Судьбы

Симбирский аргентинец Алехо Абутков
основал консерваторию в Аргентине.....34

Неизвестная война

Чужая страна Мелекесс и её жители
мелекессяне.....38

Военный юбилей И.А. Гончарова.
Ульяновск, 1941 год.....42

Юбилей

Человек, спасавший историю.
К столетию А.Н. Блохинцева.....44

История вещей

Голоса истории звучат до сих пор.....47

Судебное присутствие

Кони и Гончаров.....50

«Русский бунт» в имени Гончаровой.....51

Сто лет назад

По страницам газеты «Симбирянин».....54

Электротеатр

Кинематограф до Гончарова «не дорос».....58

Подмостки

«Всё сильнее гончаровские чары...».....61

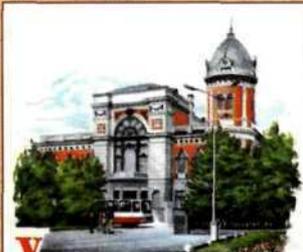
Поздравляем!

Тепло её души.....62

Сознание дано нам в дар.....63

Ульяновск. Здание Краеведческого и Художественного музеев.

УЛЬЯНОВСК. Здание художественного и краеведческого музеев

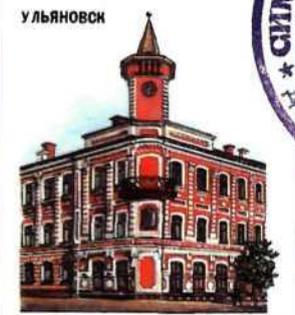
УЛЬЯНОВСК. Здание художественного и краеведческого музеев

УЛЬЯНОВСК
Дом И. А. Гончарова

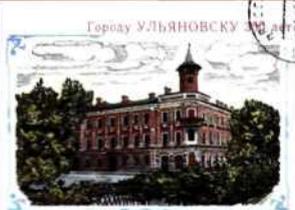
УЛЬЯНОВСК. Здание художественного и краеведческого музеев

Дом, в котором родился И. А. Гончаров

УЛЬЯНОВСК. Здание художественного и краеведческого музеев

Дом И. А. Гончарова

УЛЬЯНОВСК. Здание художественного и краеведческого музеев

УЛЬЯНОВСК
Областной краеведческий музей им. И.А.Гончарова
Основан в 1895 г.

РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ
И.А. ГОНЧАРОВ
1812-1891

Куда

Ком.

Полните индекс предпринятия связи места назначения

УЛЬЯНОВСК
Памятник И. А. Гончарову

УЛЬЯНОВСК. Памятник И. А. Гончарову

УЛЬЯНОВСК
Памятник И. А. Гончарову

Гончаровскую коллекцию почтовых конвертов и марок под руководством своего педагога Нины Павловны Мигуновой собрали участники литературно-творческого объединения «Парус» Крестово-Городищенской средней школы Чердаклинского района Ульяновской области.

Почта России
220 лет театру Симбирска - Ульяновска

И. Гончаров "Обряд", сцена из спектакли Ульяновского областного театра драмы.

Почта России
220 лет театру Симбирска - Ульяновска

И. Гончаров "Обряд", сцена из спектакли Ульяновского областного театра драмы.